

М. И. ВОЛОВИКОВА

**Представления русских
о нравственном идеале**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Российская академия наук
Институт психологии

М.И. Воловикова

Представления русских о нравственном идеале

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва 2003

УДК 159.922.4
ББК88
В 68

В 68 **Воловикова М.И.** Представления русских о нравственном идеале. — М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 312 с.

УДК 159.9
ББК88

Книга содержит теоретический анализ проблемы социальных представлений, в частности, проблемы представлений о нравственном идеале. На обширных биографических, автобиографических и других материалах, а также опираясь на результаты многолетних эмпирических исследований, автор рассматривает особенности нравственного идеала у русских: социальные представления о праве и нравственном человеке, представления о Родине и о «типично русском» человеке, представления о «настоящем празднике» и др.

Для психологов, философов, педагогов и широкой читательской аудитории.

ISBN 5-9270-0062-2

Публикация осуществлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект 03-06-00083а)
и Программы фундаментальных исследований отделения
общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире»

© Институт психологии Российской академии наук, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

«РЕАЛЬНОСТЬ ИДЕАЛА...».....	5
ВСТУПЛЕНИЕ. ЭСТАФЕТА КУЛЬТУР.....	7
Глава I. СВИДЕТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ.....	15
Речь Достоевского о Пушкине.....	16
Преступление и наказание.....	25
«Исход».....	33
Петербургские дневники.....	38
Северная Фиваида.....	42
«Кашеева цепь».....	48
Сказка о мире и человеке.....	58
Глава II. КРЕСТЬЯНСКИЙ ИДЕАЛ.....	67
Мир русской деревни.....	68
Святость.....	85
Глава III. «ЗАГАДКА» СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.....	97
Диалектика мифа.....	97
Теории социальных представлений.....	107
Представления о счастье в российском менталитете.....	116
Мудрость царя Соломона.....	119
Глава IV. О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	123
Микросемантический анализ: история разработки и возможности применения.....	125
ИмPLICITНЫЕ концепции интеллектуальности.....	136
О символическом анализе.....	142
Глава V. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ.....	152
Закон и человек.....	153
Особенности правовой социализации в российском менталитете.....	156

ГЛАВА VI. О НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ.....	175
Имплицитные концепции нравственности.....	180
Представления о «любимом герое».....	194
ГЛАВА VII. ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА.....	204
«Повесть о Петре и Февронии».....	230
«Метель».....	202
ГЛАВА VIII. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИНЕ И О МИРЕ.....	235
Исследование географических представлений	
детей и подростков.....	244
Исследование представлений о Родине.....	261
ГЛАВА IX. РАССКАЗ О «НАСТОЯЩЕМ ПРАЗДНИКЕ».....	265
Методика и география исследования.....	273
Праздники Смоленщины: сегодня и сто лет назад.....	274
«Русский Новый год».....	283
Советские праздники.....	287
Молодежь и праздник.....	290
Семейные праздники.....	296
«Праздников Праздник».....	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	311

«РЕАЛЬНОСТЬ ИДЕАЛА...»

Книга М. И. Воловиковой посвящена важным и актуальным для отечественной психологической науки проблемам. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете здесь рассматриваются как в историческом, так и в эмпирическом аспекте. Под руководством и при участии автора проведены исследования имплицитных концепций нравственности (обыденных представлений о порядочном человеке), изучение представлений о юридическом законе и праве в современной России, представлений о Родине, и многие другие работы, изложению результатов которых посвящена большая часть настоящей книги. Авторской удачей является обращение к позитивному эмоционально-нравственному опыту, накопленному в русской народной культуре. Это исследование современных социальных представлений о «настоящем празднике», а также обширный материал биографического и этнографического характера. Обращение к классическому философскому наследию (к работам А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого и др.) делает книгу теоретически глубокой и насыщенной.

Методологически то направление исследований, которое ведется М. И. Воловиковой более двадцати лет, продолжает традиции школы Сергея Леонидовича Рубинштейна. Внимание к процессу становления социальных представлений личности, качественному анализу эмпирического материала, к глубоким теоретическим обобщениям, характерное в целом для рубинштейновского направления, отличает и данное исследование.

Следует специально отметить следующее. Благодаря тому, что внимание автора было сосредоточено на определенных, составляющих содержание работы проблемах, ей удалось выявить те аспекты нравственного сознания, которые претерпели

изменения за прошедшие десятилетия. И это является огромной ценностью данной работы.

Хотя в название книги вынесено понятие «идеала», с позиций этого идеала выявляется реальность, ему противоречащая или к нему ведущая.

Написанная живо и просто, книга М. И. Воловиковой может представлять интерес как для психологов, так и для самой широкой читательской аудитории.

Действительный член
Российской академии образования,
профессор
К. А. Абульханова

ВСТУПЛЕНИЕ. ЭСТАФЕТА КУЛЬТУР

В работе «Заметки о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачев напоминает о том, что слово «русский» является прилагательным — в отличие от наименований в русском языке других наций. Это означает, по мнению Д. С. Лихачева, что «русский» — бо́льше, чем определенная нация, это свойство принадлежности к русской культуре, характерное для многих народов, живущих в России. Так это сложилось в течение веков становления российской государственности и культуры.

Исследователи отмечают, что исторические корни русских уходят в XI — XIII вв., а начальный этап формирования этноса пришелся на XIV век, когда на обломках растерзанной полчищами Батюя Древней Руси стало складываться единое этническое целое¹. Ныне русские являются самым многочисленным этносом в славянском мире.

В ходе расселения образовывались отдельные историко-культурные группы русских, «в каждой из которых при сохранении общих черт материальной и духовной культуры прослеживались свои особенности этнического и культурного свойства»². Основой для идентификации себя как единого народа в течение тысячелетней истории являлась принадлежность к православию. А. В. Буганов отмечает: «В XIX в., как и в предыдущие столетия, русские четко осознавали свою причастность к православной вере. Это проявлялось и в мирное время — общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было «Православные», и особенно во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды идентификация по конфессио-

См. Русские /отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 7 и с. 16.

Там же, с. 8.

нальному признаку выражалась еще более отчетливо. Конфессионализм ПРАВОСЛАВНЫЕ выполнял функции этнического определителя русских, противники, даже если они были христианского вероисповедания, почитались за НЕХРИСТЕЙ³.

Это наблюдение, сделанное относительно военного времени, находило свое подтверждение даже во время Великой Отечественной войны. В книге Елены Ржевской «Ближние подступы: записки военного переводчика» есть запись, сделанная под Москвой весной 1942 г.: «Православные! Навались! — крикнул доброхот боец, помогавший толкать застрявшую машину»⁴.

В исторической памяти русских людей сохранились события Балканских войн второй половины XIX века за освобождение болгар — братьев по вере от турецкого господства, когда чувство единства с угнетаемыми славянскими народами объединяло Россию. А когда в конце XIX века разыгралась греко-турецкая война, симпатии крестьян, узнавших о боевых действиях из газет, все время были на стороне греков. «Позиция крестьян говорит об осознании ими единства с греками по конфессиональному признаку...»⁵.

Академик Н. И. Конрад писал: «Каждый народ, большой и малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через всю их историю. История человечества не какой-то безликий процесс: она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющий, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»⁶. История становления русского этноса прочно вплетена в европейскую историю.

Первые княжества на Руси возникли в IX веке, а 1 августа 988 года (по церковному преданию) совершилось крещение Руси. Летописи рассказывают, как посланцы князя Владимира побы-

вали в разных странах, пытаясь постигнуть основания веры других народов. Они принесли князю такой ответ, сохранный Нестором Летописцем в «Повести временных лет»: «...И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служили они Богу своему, и не знали — на небе или земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и службы их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкое, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

К XIV— XV вв., когда государственность на Руси окрепла и была одержана победа в борьбе с татаро-монгольским нашествием, юная православная страна стала прибежищем и второй родиной для многих художников, архитекторов, мастеров и ученых из Византии — болгар, сербов, греков. Весной 1453 года Константинополь пал в неравной битве с армией султана Махмеда II. Русское государство стало мировым центром и оплотом православия и оставалось им почти пятьсот лет.

Октябрьская революция 1917 года и последующие десятилетия социалистического строительства одновременно с ослаблением идентификации себя с православным народом привели и к стиранию границ этнической идентификации. Появилась «новая общность людей», основанная на интернациональных принципах.

Странное это было время. С одной стороны, стирание границ между нациями, с другой — ужесточение преследований и репрессий по национальному принципу. Нападение внешнего врага — фашистской Германии заставило даже жестокого правителя СССР вспомнить о национальных героях, память о которых веками формировала лучшие черты народа. Названные в обращении Сталина 3 июля 1941 г. имена — это русские святые Александр Невский и Дмитрий Донской.

В каждом народе образы национальных героев бережно хранятся, передаются от поколения к поколению, служат основой воссоздания национального характера. В прежние времена эти образы жили в песнях, былинах и в сказках. Вплоть до начала прошлого века существовала традиция семейного чтения вслух. Потом появились кино, радио, телевидение и, наконец, всемирная паутина — Интернет. Пришли «героидня», специализированные для разных возрастных и социальных групп. Кто ныне образует нравственный идеал нации?

³ См. Русские /отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. М.: «Наука», 1997, с. 650

⁴ Ржевская Е. Берлин, май 1945. М.: «Правда», 1988, с. 38.

⁵ Русские... с. 652.

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. М.: «Наука», 1974, с. 296.

С. Л. Рубинштейн так писал о значении идеала в процессе становления личности:

«Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные в этом смысле привлекательные человеческие черты, — образ, который служит образцом. <...> Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития. <...> Часто в качестве идеала выступает историческая личность, в которой эти черты особенно ярко воплотились. Наличие определенного идеала вносит четкость и единство в направленность личности. В раннем возрасте идеалом в большей мере служат люди ближайшего окружения — отец, мать, старший брат, кто-нибудь из близких, затем учитель. Позже в качестве идеала, на который подросток, юноша хотел бы походить, выступает историческая личность, очень часто кто-либо из современников. В идеалах человека ярко проявляется его общая направленность. Проявляясь в них, она через них и формируется. Идеалы формируются под определяющим воздействием общественных оценок. Воплощаясь в идеале, через его посредство эти общественные оценки формируют общую направленность личности»⁷.

Владимир Даль показывает глубину понимания слова "идеал", как она зафиксирована в великорусском⁸ языке середины XIX века: «Идеал — мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде, первообраз, прообраз, началообраз; представитель». И далее, как отдельное значение добавлен «образец-мечта»⁹. Нас в этом исследовании интересует действительный идеал, хотя «мечты» избежать не удастся, особенно когда речь пойдет о представлениях об идеале в молодежной среде.

⁷ Рубинштейн С. Л.. Основы общей психологии в 2 т. Т.2. М.: «Педагогика», 1989, с. 119-120.

⁸ Академик О. Н. Трубачев делает вывод о том, что изначальный смысл названия «Великороссия» (равно как и топонима Великобритания) в его изначальной ориентационности, в определении вторичной колонизации и ее отношении к исходной области. Т.е. подобно тому как сначала возникла Бретань, а потом — Великобритания, для Руси Великой — Великороссии, изначальной, коренной была Русь Малая — Малороссия (Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002).

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. СПб.-М.: издание М.О. Вульфа, 1881.

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении о том, что социальные представления о нравственном идеале у наших современников имеют сложную структуру, в центре которой — так называемое ядро, не всегда вполне осознаваемое, но образующее основу этнической идентичности русских людей. На периферии более осознаваемыми и, соответственно, легче выявляемыми оказываются вторичные качества и свойства. Нас интересует, прежде всего, неизменное ядро этих представлений.

Таким образом, речь пойдет о переменных и константных образованиях. Отсюда встает проблема *метода* и *конкретных методик* проведения исследования. Но прежде следует сказать несколько слов об одном из главных понятий для данной работы — о *социальных представлениях* (хотя на протяжении всей книги мы еще не раз будем к нему обращаться).

Это понятие появилось в 60-е годы в работах известного французского психолога С. Московичи и с тех пор оно завоевывает все большее пространство: сначала в западной психологии, а последние десятилетия исследования социальных представлений становятся все более популярными и в России.

Анализируя сходство и различие французской и отечественных школ исследования, К. А. Абульханова отмечает:

«Самое общее определение функции социальных представлений можно было бы сформулировать так: их совокупность обеспечивает личности *степень субъективной определенности восприятия, понимания и воспроизведения социальной действительности и себя в ней*. Функция воспроизведения, т.е. отрыва во времени представления от впечатления, восприятия чего-либо, активного воспроизведения личностью этого впечатления, воздействия объекта, ситуации, другого человека и т.д., обусловлена тем, что социальные представления у личности возникают не только в силу ее непосредственного контакта с действительностью, она черпает их из общественного сознания. Практически большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания — религия, идеология, мораль, эстетика и др., — кроме науки, — образованы совокупностью соответствующих религиозных, моральных и других представлений»¹⁰.

Абульханова К. А.. Социальное мышление личности. В кн.: Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 96 — 97.

Автор отмечает прямую зависимость социальных представлений от личности и обратную зависимость личности от социальных представлений.

Интересное наблюдение было сделано известным польским психологом Я. Рейковским в период резких социальных изменений во время «перестройки», начавшейся в Польше задолго до российской. В своем исследовании он отметил противоречивый характер и неравномерность в изменении представлений о меняющейся обвальными темпами социальной действительности.

Консервативность представлений служит сохранению психического здоровья нации и конкретного человека. В этом смысле все периоды революций являются большим испытанием для психической стабильности — на уровне личности и на уровне общества в целом. Одновременно подобные периоды (свидетелями и участниками одного из которых стали и мы) являются естественной «лабораторией» для изучения внутренних причин изменения социальных представлений.

Мысленная картина мира, интерпретация явлений социальной действительности, идеалы и ценности — все проходит жесткую проверку, испытание (иногда кажется, что в России такие испытания происходят чаще, чем в других странах).

Наблюдения С. Л. Рубинштейна об особенностях изменения осознания нравственных норм и законов в «переломные» эпохи были сделаны после революции и года «великого перелома», т.е. коллективизации, а, точнее, разрушения прочного и веками отлаженного крестьянского быта. Закрепленные традиционным укладом, но слабо осознаваемые самим человеком нормы нравственного поведения для того, чтобы устоять в таких условиях, должны быть приняты (или отвергнуты) сознательно.

Речь идет о книге «Человек и мир». В этой работе С. Л. Рубинштейн пишет о том, что появление человека является событием космического масштаба, — оно преобразует всю вселенную. Человеку дана способность *сознания* — осознания мира, себя в мире и всего существующего в видимом мире. «Поскольку есть человек, он становится ни чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого... Вселенная с появлением человека — это осознанная, осмысленная Вселен-

ная, которая изменяется действиями в ней человека»¹¹. В этой связи решающую роль играет «мировоззрение, собственный духовный облик человека»: «Так знание, добро, красота выступают не отчужденными от человека и тем самым друг от друга, поскольку осуществляется преодоление штучности, лоскутности, изолированности гносеологии, этики, эстетики», а правда и добро выступают «как отношения людей, определенные в их понятийном содержании»¹². Масштабы конкретного человека в данный момент своего развития различны в зависимости от того, насколько он в состоянии вместить, отразить в своем бытии окружающий мир в богатстве связей и отношений. Но главное состоит в утверждении: человеческое существо как таковое призвано вместить в себя всех и вся. Об этом, как пишет Рубинштейн, поведали миру поэты и вообще искусство. Человек — это «существо, осознающее мир, часть, охватывающая целое, зеркало Вселенной». Своими Действиями он включается в бытие, преобразуя, «взрывая» его. И в то же время человеческое существо причастно бесконечности мира, постигая эти свои свойства в деятельности *созерцания*. «Человек — конечное существо — включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) бытие, преобразующее реальность, и 2) как переходящее в форму идеального существования. Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму сущности субъекта <...> Конечное человеческое бытие выступает как «очаг», из которого исходят «взрывные реакции», распространяющиеся на все бытие»¹³.

Ожидая грядущую революцию в России, писатель Максим Горький думал об образах тех героев, на примере которых новое поколение будет учиться жизни. Горький готовил серию книг «Жизнь замечательных людей». В его письме к известному французскому писателю-романтику Ромену Роллану, датированном 1916 годом, упомянут среди других и вождь еврейского народа Моисей («вождь» в первоначальном смысле слова — как тот, кто ведет свой народ — через пустыню в «землю обетованную»). Ромен Роллан ответил в январе уже следующего, 1917 года. Согласившись участвовать в замысле Горького,

¹¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 330.

¹² Там же, с. 331.

¹³ Там же, с. 344

французский писатель более всего протестовал против включения в серию «Жизни Моисея»: «Некоторые из великих имен, на которых Вы остановились, смущают меня, когда я думаю о детских душах. Вы предлагаете им опасные примеры — такие как Моисей. <...> Сознаюсь, что я несколько отошел от взгляда на великих людей прошлого, как на пример, которому следует подражать...»¹⁴. На что Горький вынужден оправдываться: «Но я беру Моисея исключительно как социального реформатора, и книга тоже должна рассматривать его с этой стороны. Я подумал было о Жанне д'Арк. Но боюсь, как бы этот сюжет не заставил нас говорить о "мистической душе народа" и о других вещах, которые мне непонятны и которые очень вредны для нас, русских»¹⁵. В эти дни больших надежд и ожиданий, связанных с грядущей революцией, было не до «непонятных и вредных для русских» вещей. Письмо сопровождается припиской, сделанная Горьким уже в Женеве и датированная июлем 1917-го года: «События, происшедшие в России, задержали это письмо. Поздравим друг друга; <...> русский народ вступил в брачный союз со свободой, и я надеюсь, что этот союз даст жизнь многим великим душам, которые прославят человечество»¹⁶.

Есть настоящая потребность обратиться к живым свидетельствам того времени, других переломных эпох, чтобы увидеть, как происходит *процесс* рождения и проверки иллюзий, укоренения идеала, осознание в нем того главного, чему стоит посвятить всю жизнь без остатка.

¹³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1973, с. 344

¹⁴ Роллан, Р. Собр. соч. В 14 т. Т. 14. С. 373

¹⁵ Там же, с. 374.

¹⁶ Там же, с. 375.

Глава I СВИДЕТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Понять многие события, происходившие в «переломную» — послеоктябрьскую эпоху, помогают опубликованные воспоминания, дневниковые записи, большое богатство которых оставлено нам самими участниками событий: что-то увидело свет в советской России, многое опубликовано у нас только в последние десять — пятнадцать лет. В них огромный человеческий поток первой русской эмиграции смог поведать нам о своих переживаниях и осознании происшедшего спустя несколько десятилетий после великого «исхода» русских людей («русских» — в широком значении слова) со своей Родины.

Поток этот и связанные с ним документы и материалы интересны тем, что здесь можно искать глубинные причины сохранения «русскости», т.е. идентификации себя как русского, в условиях инородного окружения. Китай, острова Индонезии, Австралия, обе Америки и вся старая Европа стали прибежищем русской эмиграции. Советская Россия в это время отгородилась от остального мира почти непроницаемой стеной, «железным занавесом». И все-таки что-то позволяло русским по обе стороны границы оставаться одним народом. Причина — в сохранении самого главного и существенного в нравственном идеале нации.

Нам известно множество честных, ярких и умных работ о нравственном идеале у русских, опубликованных либо до революции, либо за рубежом. Есть россыпи осторожных, подцензурных, но изящных и внимательных к человеку работ советских исследователей о нравственном развитии (увы, чаще использовалось слово «формирование», так и не прижившееся в школе С. Л. Рубинштейна). Необходимо эти потоки сопоставить, чтобы найти не различия (они очевидны), а сходство. Именно сходство позволит приблизиться к главному в представлениях русских

о нравственном идеале. И тем самым — к основной задаче этой книги. Для решения ее необходим выбор точных ориентиров, позволяющих действительно заметить самое существенное. При этом нужно обращение к имени (именам), соединяющему людей. Для русской культуры таким именем вот уже в течение более полутора веков является имя Пушкина. А если о величайшем поэте России говорит другой гений — Достоевский, то к этим словам, сказанным в последней четверти XIX века, стоит внимательно прислушаться. Они-то и станут для нас отправной точкой всего исследования.

Речь Достоевского о Пушкине

Слово о Пушкине было произнесено Ф. М. Достоевским 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликовано затем в одном из выпусков «Дневника писателя». Ввиду важности мыслей, развиваемых в речи «Пушкин», писатель предваряет ее публикацию специальным «Объяснительным словом»¹. Здесь он еще раз останавливается на главных четырех утверждениях, на которых «Речь» построена.

В первом утверждении говорится об отрыве интеллигентного общества от русского народа и о том, что Пушкин «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим» не только отыскал, но и преодолел в своем творчестве. Проблема этой послепетровской разделенности единого народа на «народ» и «благородных» (интеллигентных, знатных и т.п.) ныне далеко отстоит от нас, но многое объясняет во внутренних причинах исхода русских. Те, кто уехали из России, через трудности и большие лишения внутренне проходили путь к основам духовной культуры своего народа. А пока, в XIX веке оторванность от народа (от своей «почвы», как говорит Достоевский) приводит к появлению людей онегинского типа, вперые замеченного и описанного Пушкиным.

И сразу же следом «Дневник писателя» говорит о положительном нравственном идеале, выведенном Пушкиным. «Он пер-

Далее страницы приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.»; в кн.: «Русская идея: сборник произведений русских мыслителей», М.: «Айрис-пресс», 2002.

вый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшиеся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные»². Это образы инока в «Борисе Годунове», «типы бытовые» «Капитанской дочки» и Татьяна Ларина, о которой Достоевский говорит искренне и проникновенно.

Третье утверждение касается «способности всемирной отзывчивости», характерной вообще для русских, и особенно ярко выраженной пушкинским гением. «Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения»³.

Ту же мысль писатель развивает в четвертом утверждении, выделяя самое главное и существенное в нравственном идеале народа русского: «Я именно напирал в моей речи, что не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»⁴. А уже в самой «Речи» та же мысль выражена еще более определенно и ярко: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком, если хотите*»⁵.

Итак, в этих «четыре пункта», повествующих о значении Пушкина, точно обозначены и нравственный идеал, и «пародия» на него (догадка Татьяны об Онегине). Отметим, прежде всего, что идеал — это всегда *лицо, образ* — человек, имеющий имя и внешние черты, совершающий *поступки*. Герои, созданные поэтом, для многих поколений становятся реальными и живыми *образцами* поведения. Именно в таком виде они занимают свое место в представлениях людей. Онегин, Ленский и Татьяна для многих поколений не менее реальны, чем некоторые историче-

² Там же, с. 163.

³ Там же, с. 164.

⁴ Там же, с. 165-166.

⁵ Там же, с. 187.

ские деятели. В представления эти герои включаются уже вместе со своими отношениями к другим действующим лицам. И тогда возможным становится то, что и век спустя пушкинская Татьяна потрясает юного читателя простонародным своим ответом:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

О Татьяне Достоевский пишет: «Это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины...»⁶. В самой же «Речи» писатель говорит:

«Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: "Я вас люблю", потому ли, что она "как русская женщина" (а не южная или французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она "другому отдана и будет век ему верна"»⁷.

И далее Достоевский развивает ту, наверное, главную для него идею о том, что счастье нельзя построить ценой несчастья другого, если платой за счастье станут позор и бесчестие «старика» («Евгений Онегин»), если за счастье «всего человечества» нужно пожертвовать страданиями и жизнью «всего лишь» одного младенца («Братья Карамазовы» и др.).

«Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит несчастный, безжалостный, бесчеловечный поступок? <...> Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо <...> Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос»⁸.

Достоевский Ф.М. «Дневник писателя за 1880 г.», с. 177.

Там же, с. 179.

Там же, с. 179-180.

Речь о Пушкине, произнесенная Достоевским, потрясла современников. Это видно и по дискуссии, особенно когда умный и язвительный К. Н. Леонтьев хочет ослабить впечатление, но не может этого сделать.

Два русских гения, разделенные по времени жизни почти полувеком, — Пушкин и Достоевский, «встретились» в эпоху начавшихся цареубийств и почти неотвратимого приближения грядущей революции и смогли сформулировать продуманную до конца мысль, особенно важную для русских людей с их «всемирной отзывчивостью», внутренней готовностью воспринять идею о построении счастья «для всего человечества» и, обладая способностью перевоплощаться, воплотить ее жизнью своею. К тому же «Речь» показывает два глубоких российских раскола: народа с интеллигенцией и женской души с ее мужской «половиной».

Прислушаемся опять к Достоевскому:

«Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж, и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера. Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которой прежде пренебрег, в новой, блестящей недосыгаемой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. <...> Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а счастье было так возможно, так близко!» <...> Да разве этого не видит Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? <...> Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить...»⁹.

У Достоевского (особенно в «Дневнике писателя») есть очень тонкие и честные наблюдения о том, как легко любить «дальнего», «человечество» и т.п., но как *смертельно трудно* любить просто человека, «ближнего». Любовь — значит воспринимать его страдания как свои, но этому противится природный эгоизм и просто чувство самосохранения. Имеющие опыт *такой* любви не будут подсчитывать, сколькими жизнями и страданиями можно заплатить за всеобщее счастье или справедливость.

⁹ Там же, с. 180-181.

Достоевский предчувствовал русскую революцию и предостерегал от нее. Как если и женщина русская увлечется идеей пустой и убийственной?

Читая автобиографические повести С. В. Ковалевской, можно наблюдать, как происходит этот процесс и как даже очень умная и одаренная женщина оказывается беззащитной. Идеи невидимы. Невозможно поставить заслон, чтобы не допустить их в богатый генеральский дом, в котором растут две сестры: старшая, красавица и одаренный литератор, и младшая — в будущем первая в России женщина — профессор математики Софья Ковалевская. Достоевский был знаком с сестрами и даже сватался к старшей — Анне, рассказывая позднее своей невесте об этом так:

«Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у нее прекрасное доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Наверяд ли поэтому наш брак мог бы быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива»¹⁰.

История сестер (рассказанная младшей, Софьей) напоминает еще об одном *переломном* моменте в судьбах России и ее граждан — крестьянской реформе 1861 года. Последствия реформы для помещиков можно сравнить с последствиями первоапрельского финансового обвала 1991-го, когда граждане России в течение нескольких дней вернулись за порог бедности. Сейчас давние события позапрошлого века забыты, но реально богатые помещики были разорены. В воспоминаниях Софьи Ковалевской об этом говорится так:

«В ранней своей молодости сестра моя была очень хороша собой: высоконькая, стройная, с прекрасным цветом лица и массою белокурых волос, она могла называться почти писаной красавицей <...> Она часто приходила к отцу и со слезами на глазах упрекала его зато, что он ее держит в деревне. <...> Иногда

он снисходил до объяснений и очень резонно доказывал ей, что в теперешнее трудное время это обязанность каждого помещика жить в своем поместье. Бросить теперь имение значило бы разорить семью. <...> После подобных разговоров она уходила к себе в комнату и горько плакала»¹¹.

Женихов и молодежного окружения не было. Их заменили книги, и буквально *внедрение* идеала («чуждого», как позднее заметил Достоевский) произошло при встрече с литературным героем — очень посредственным, но надрывно эмоциональным.

«В тот самый момент, когда она еще бессознательно начинала набивать себе оскомину от рыцарских романов, попался ей в руки удивительно экзальтированный роман «Гаральд»¹².

То, что написано в романе, полностью противоположно духу православия. Героиней является Эдит, невеста погибшего короля Гаральда, кажется, великого злодея. Эдит совершает какие-то невозможные подвиги, становится известной католической монахиней и перед смертью *требует* за свои подвиги прощения душе жениха, но, услышав от священника, что это *невозможно* («Король Гаральд проклят...»), мало того, что *отказывается* от спасения своей собственной души, так еще и *требует* у Бога явных знаков — доказательств: «Яви мне перед смертью знамение: когда мы прочтем «Отче наш», пусть загорится сама собой свеча...» — и прочее...

Текст настолько кощунственен, что только явный отрыв от родной почвы позволил девушке внутренне принять этот бред: «Из уст благочестивой Эдит вырвался вопль проклятия, и взор ее погас навеки»¹³. Софья Ковалевская отмечает: «И вот этот-то роман совершил перелом во внутренней жизни моей сестры»¹⁴.

Следом на подготовленной таким образом почве спокойно прижились идеи нигилизма, занесенные, как это обычно было для

Ю Достоевская А. Г. Воспоминания. Приводится по тексту примечаний к книге С. В. Ковалевской «Воспоминания. Повести». М.: Правда, 1986, с. 409-410.

¹¹ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М: Правда, 1986, с. 83. Далее страницы приводятся по указанному изданию.

¹² Там же, с.86.

¹³ Там же, с.88.

¹⁴ Там же, с. 88.

того времени, соседом-поповичем¹⁵. «Главный prestige¹⁶ молодого человека в глазах Анюты заключался в том, что он только что приехал из Петербурга и навез оттуда самых что ни на есть новейших идей», — пишет Ковалевская. Ею же сделано наблюдение, очень интересное:

«Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещест-НРТПШХ, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за каких-нибудь вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. "Не сошлись убеждениями!" — вот только и всего, но этого "только" вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то — убегать из родительского дома»¹⁷.

Анна Васильевна уехала из России в 1869 году вместе с младшей сестрой Софьей и ее мужем. Во Франции она стала известной революционеркой Анной Жаклар, а после поражения Парижской коммуны ей удалось с помощью родителей и супругов Ковалевских скрыться из Парижа. В примечаниях к воспоминаниям Ковалевской об Анне Жаклар сказано: «Она участвовала в работе Центрального Комитета Союза женщин, основанного Елизаветой Дмитриевой, последовательницей Маркса, посланной в Париж от Генерального Совета Интернационала»¹⁸.

Идея «Интернационала» — явная подмена «русской идеи», впервые названной так Достоевским (в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год). В «Речи» русская идея сформулирована со всею искренностью и определенностью:

¹⁵ Вспоминая историю своего нигилизма о. Сергей Булгаков, происходивший из семьи священника, замечает: «Думаю, что моя внешняя судьба здесь аналогична судьбам также семинаристов Добролюбова и Чернышевского». Булгаков С. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

¹⁶ Обаяние, престиж (фр.)

¹⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986, с. 93.

¹⁸ Там же, с. 404.

«И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братского любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону. <...> Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина»¹⁹.

Идея «Интернационала» — «фантазия» людей, оторванных от родной почвы, от народа, к которому они принадлежат. И то, как происходит пленение деструктивной и убийственной в прямом смысле слова мыслью, показано самим Достоевским с анатомической точностью в романе «Преступление и наказание». В ранней молодости своей Достоевский сам переболел идеями социализма. И дело не только в том, что это увлечение едва не стоило ему жизни. Он смог изнутри понять ошибочность идеи построения «счастья» для всех «дальних», невзирая на «неизбежные жертвы». В самом резком виде он описал это в романе «Бесы», после революции почти не издаваемом.

По мысли А. В. Брушлинского (и всей школы С. Л. Рубинштейна), именно *психическое как процесс* является предметом психологии. Для выявления процесса в *живом мышлении* был разработан *микросемантический анализ*, к которому мы еще не раз будем здесь возвращаться. Этот вид качественного анализа основан на выявлении общей направленности мысли с помощью вычленения в тексте (письменном или устной речи) моментов *переформулирования* высказываний. При этом сама речевая ситуация понимается в терминах решения мыслительной задачи, где есть условия, требование и вопросы, которые зачастую еще нужно сформулировать.

¹⁹ Русская идея..., с. 188.

Применение анализа, первоначально разработанного в исследованиях *мышления*, для изучения социальных *представлений* следует специально обговорить.

Хотя социальные представления — это общепринятые убеждения, поддерживаемые большинством идеи и ценности, помогающие объяснить мир²⁰, формируются они на уровне конкретных личностей (последнее обстоятельство и позволяет К. А. Абульхановой говорить о *личностных* представлениях). В работах о социальных представлениях иногда используется калька с английского слова — *репрезентации*. В Большом англо-русском словаре в качестве одного из значений слова *representation* дается пояснение — *понятие; представление; (мысленный) образ*²¹. В Толковом словаре русского языка представление объясняется через слова *знание, понимание чего-либо*²². В. Даль в качестве одного из значений слова *понятие* употребляет в качестве синонима слова *представление* и мысль: «...мысль, представление, идея; что сложилось в уме и осталось в памяти по уразумению, постижении чего либо»²³.

Зафиксированная в словарях связь мысли и *представлений* (пока что — любых, не только социальных) позволяет обратиться к анализу зарождения, принятия какой-либо мысли человеком.

Хотя исторически термин *социальные представления* образовался от понятия *коллективные представления*, введенного Э. Дюркгеймом в *социологию* и обозначающего чувства и идеи, которые выражают единство и сплоченность *социальной группы*, для того, чтобы быть принятой (или отвергнутой) группой, мысль первоначально должна быть принята отдельным *человеком*.

С этими предварительными замечаниями (предполагая в дальнейшем еще не раз вернуться к проблеме исследования социальных представлений) мы можем перейти к микроанализу действия законов принятия (и пленения) мыслью на уровне конкретного человека.

Такую возможность дает нам обращение к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

²⁰ См. Майерс Д. «Социальная психология», СПб.: Питер, 1997, с. 679 — 680.

²¹ Новый Большой англо-русский словарь под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М: Русский язык, 1993— 1994.

²² Ожегов СИ., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

²³ Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т. 3.

Преступление и наказание

«Преступление и наказание» является одной из первых попыток автора разобраться в том, как же происходит захват человека ложной идеей. Доверяя гению Достоевского, мы обращаемся к этому его роману как к истории заболевания и постепенного, очень трудного и мучительного исцеления героя.

Родион Раскольников по природе своей умен, красив, способен на добрые и бескорыстные поступки. Однако читатель знакомится с ним в тот момент, когда мысль об убийстве уже начинает подчинять его себе. Раскольников ненавидит эту мысль, но сам не в силах избавиться от нее, хотя пока ему представляется, что он свободен и лишь «играет» в идею убийства как решения всех своих проблем. Идя на первую «пробу» к будущей жертве, он разговаривает сам с собою: «Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй, что и игрушки!»²⁴. Автор говорит о том, что еще месяц назад герой «не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью». Теперь же «он уже начинал смотреть иначе» и, «как-то поневоле» привык считать «безобразную мечту» уже совершенным делом, «хотя все еще сам себе не верил»²⁵.

Обстоятельства жизни Родиона Раскольникова были затруднительны. Они действительно требовали решения. Бедность, невозможность продолжать учебу в университете, необходимость помогать сестре и матери (или хотя бы материально не затруднять их) — все это объективные «условия» житейской задачи, с которой столкнулся молодой человек. Убийство «злой и жадной старухи» (с которой по жизненным обстоятельствам Раскольников не был связан) не могло быть «единственным» решением проблемы. Более того, уже совершив преступление, он понял, насколько далеко отбросило его это от всех без исключения важнейших жизненных планов и целей. Так что, действительно, «игрушки», «мечта», то есть обман. Как же обману удалось

Здесь и далее номера страниц приводятся по изданию: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1970, с. 24.

Там же, с.5.

завладеть его умом, более того, подчинить этот неординарный, хорошо развитый ум себе и заставить (буквально насильно, парализовав волю человека) воплотить «мечту» в жизнь?

Произведение это обладает достоверностью биографического свидетельства. Внутренняя канва его — суд над «социалистической» идеей, уже стоившей автору дороги сначала на эшафот, а затем на каторгу. Достоевский домысливает до конца идею о возможности одним людям (в романе это Раскольников) взять на себя право исправить социальное неравенство за счет жизни других людей. В более поздних произведениях (особенно в «Бесах») эта идея оформится пророчески четко и коснется уже основ социалистического движения (будущей революции). В «Преступлении и наказании» герой еще одинок в своем противостоянии «всему остальному миру».

Одинокость не позволяет ему поделиться с кем-либо завладевающей им больной идеей. Первая «исповедь» Сонечке Мармеладовой является поворотным моментом к будущему, еще не скорому возрождению души героя. Но происходит это уже после совершения преступления, можно сказать, почти умершим человеком («это я не старуху убил, я себя убил...»).

Какие ступени этой лестницы, ведущей вниз — к воплощению в жизнь самоубийственного решения, можно обнаружить?

Первой ступенью оказалось теоретическое допущение возможности перешагивать через нравственный закон совести. Допущение было оформлено Раскольниковым в виде журнальной статьи, написанной за полгода до совершения преступления. Сам он так объясняет идею статьи «раскопавшему» ее следователю Порфирию:

«Я просто-запросто намекнул, что "необыкновенный" человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует»²⁶.

Добавления про то, что это правило не обязательно для исполнения, а также рассуждения о благе «всего человечества» ничего не меняют. Допущение, что кто-то избранный будет прав,

²⁶ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 199.

перешагнув закон совести, переворачивает нравственные координаты.

Сделав нравственный закон «психологической переменной», Раскольников теряет иммунитет к тем мыслям, идеям, разговорам, которые всегда окружают человека: «Странная мысль наклеивалась у него в голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его»²⁷. Случайно услышанный в трактире разговор сыграл роль «подсказки» и помог этому «цыпленку» оформиться в идею, с которой Раскольников начинает мысленно играть.

В святоотеческой традиции (с которой хорошо был знаком Достоевский) существует веками отточенный навык обращения с мыслями (помыслами). У преподобного Нила Сорского, жившего в XV—XVI веках, так написано о пути, каким мысли овладевают человеком:

«Святые отцы учат, что мысленная брань или борьба, сопровождаемая победой или поражением, происходит в нас различно: сперва возникает представление помысла или предмета — прилог; потом принятие его — сочетание; далее согласие с ним — сложение; за ним порабощение от него — пленение; и, наконец, — страсть»²⁸.

Все эти стадии Родион Раскольников, «подготовленный» своими теоретическими допущениями и не владеющий приемами «мысленной брани» (битвы, сражения), проходит, фактически, в течение одного случайно подслушанного разговора! Речь за соседним столиком идет о старухе процентщице:

«...с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет. <...> С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги. <...> Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!»²⁹.

Там же, с.50.

Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991, с. 17.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 50.

Пока услышанная мысль — лишь *прилог*. Преподобный Нил Сорский говорит, что прилог — это какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум: «Икак таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас...»³⁰.

Однако услышанное повторяет во многом аргументацию самого Раскольникова. Он заинтересованно вслушивается в разговор, вступая в *сочетание* с мыслью (об убийстве старухи). Преподобный Нил Сорский пишет:

«Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т.е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас»³¹.

Преподобный говорит далее, что пока мысль еще не берет полную власть над человеком, и он еще в силах сопротивляться ей.

Как бы подтверждая слова преподобного (а, скорее всего, зная об этой древней мудрости), Достоевский тотчас приводит один из путей сопротивления помыслу: мысли больной и злой противопоставить мысль здоровую и остроумную. Соседи, продолжая разговор, так просто и естественно закрывают тему:

« — Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

— А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой справедливости!»³².

Однако мысль, облеченная в слово и произнесенная, продолжает жить и производить свое разрушительное действие на других людей. Эти двое отбросили мысль как негодную, а Раскольников быстро проходит путь от сочетания с нею к *сложению*, а затем *пленению*.

Преподобный Нил Сорский пишет:

Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

Там же, с. 18.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 51.

«Сложением святые отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предмета, ей представившегося. Это бывает, например, когда кто-либо порожденную врагом мысль или представленный от него предмет примет, вступит с ним в общение через мысленное разглагольствование и потом склонится или расположится в уме своем поступать так, как внушает вражий помысел»³³.

Именно это и произошло с героем Достоевского:

«Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему-то именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожнейший трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...»³⁴.

Произошло *пленение* помыслом, которое вскоре обратилось в *страсть*.

Преподобный Нил Сорский так пишет о *пленении*: «Пленение есть невольное увлечение нашего сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе — совокупление с ним, отчего повреждается наше доброе устройство». И далее: «Второй случай бывает тогда, когда ум, как бы бурю и волнами подъемлемый и отторженный от благого своего устройства к злым мыслям, уже не может придти в тихое и мирное состояние. Это обыкновенно происходит от рассеянности и от излишних бесполезных бесед»³⁵.

Напомним начало приведенного текста Достоевского: «Раскольников был в чрезвычайном волнении...». О волнении (образ бушующего моря) преподобный Нил Сорский говорит как о явном показателе *пленения* ума. Человеку уже трудно сопротивляться мысли, которой он пленен, а в *страсти* он практически

Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 17.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 52.

Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 19.

лишается воли самостоятельно освободиться от поработившего его помысла. Преподобный пишет:

«Страсть есть долговременное и обратившееся в привычку услаждение страстными помыслами, влагаемыми от врага, и утвердившееся от частого размышления, мечтания и собеседования с ними». Он говорит: «Так святые подвижники свидетельствуют нам, что все грехопадения человеческие совершаются не иначе, как с постепенностью»³⁶.

Сказанное святыми отцами о подвижниках тем более верно относительно всех людей: именно внутренняя тишина и внутренняя напряженная работа («умное делание») позволили им обнаружить постепенность на пути падения человека от мысли — к преступлению. В обычной («шумной») жизни путь этот может быть краток, однако основные вехи его те же: прилог, сочетание, сложение, пленение и страсть.

Таковы и вехи на пути Раскольников к преступлению, хотя читатель знакомится с героем в тот момент, когда страсть уже поработила его:

«Впрочем, эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась, а в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения. Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями, о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. <...> Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он знал, он *предчувствовал*, что она непременно «пронесется», и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову и потемнело в глазах»³⁷.

³⁶ Преп. Нил Сорский. Устав скитской жизни. С. 21 и 20.

³⁷ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 36.

Эта не узнаваемая им самим мысль уже взяла власть над ним, и он не в силах ей сопротивляться. Решила дело уже самая малость: случайно услышанный разговор о том, что в такое-то время старуха останется дома одна:

«До его квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно»³⁸.

Происходящее далее больше всего напоминает своеобразный *антиинсайт*. Если во время инсайта («обычного», немгновенного — любого) максимально полно проявляется творческая свобода личности, преобразующая ее, расширяющая ее возможности, то здесь мы можем наблюдать фантастическую хитрость, механически точную последовательность действий при полной потере собственной свободы:

«Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чем-нибудь в это время? <...> Вдруг он ясно услышал, что бьют часы. Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана. <...> И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суэта охватила его вдруг, вместо сна и отупения. Приготовлений, впрочем, было немного. Он напрягал все усилия, чтобы все сообразить и ничего не забыть...».

И далее:

«Последний же день, как нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать»³⁹.

Достоевский даже сравнивает состояние героя в момент перед совершением преступления с тем, которое бывает у осужденного:

«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслью ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», —

Там же, с. 49.

Там же, с. 55.

мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло, как молния; он сам поскорей погасил эту мысль...». И далее, уже за несколько мгновений до убийства, собственный ум словно перестает принадлежать ему: «Вспоминая об этом после, ярко, ясно, эта минута отчеканилась в нем навеки, он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...»⁴⁰.

Однако этот разрушительный процесс почти полной потери себя — при сохранении способности точно и отлажено действовать — не является единственным в душе Родиона Раскольникова. Сначала слабо, едва заметно, затем все сильнее, а в конце романа — побеждающе звучит противоположная тема. Это тоже мысли, но мысли спасительные, причем герой сразу же чувствует их силу. В какой-то момент это мысль пойти к Разумихину⁴¹ (тогда не осуществленная). Это также мгновения, когда к нему возвращалось ясное сознание всего ужаса задуманного: «ему вдруг стало дышать как бы легче. Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе стало вдруг легко и мирно...»⁴².

Два противоположных состояния — тяжести, душевного беспокойства, смущения, с одной стороны, и душевного мира, легкости, с другой, являются, согласно наблюдениям христианских подвижников, верными показателями ошибочности или, наоборот, правильности избранного пути. Такая духовная интуиция достигалась напряженным трудом («умным деланием») и вниманием к приходящим мыслям (помыслам). То есть существующий процесс развития мысли — от зарождения до воплощения в действии, поступке, имеет характер объективного закона. Самые существенные черты этого закона выявлены и обобщены в многовековой святоотеческой духовной традиции⁴³.

⁴⁰ Там же, с. 59.

⁴¹ Интересно значение фамилии: "Разумихин" происходит от слова «разум». Раскольников, словно потеряв контроль над своим умом, пытается повернуть на путь разума.

⁴² Там же, с. 47.

⁴³ Говоря о перспективных задачах психологии («науки о душе»), Т. А. Флоренская в своих последних научных планах записала: «Современная практическая психология своими корнями уходит в наследие раннехристианских подвижников, главным делом которых было духовное и нравственное совершенствование, борьба с грехами, поро-

Понимание мышления (и вообще психического) как живого процесса, имеющего имманентные законы саморазвития, наиболее близко соотносится с мыслью древних. Решение, каким бы внезапным оно не казалось (инсайт), имеет свою непрерывную (недизъюнктивную) историю зарождения, развития, реализации. То, что мы условно назвали здесь *антиинсайтом* — подчинение воли человека овладевшей им мыслью, превращающей его в отточенный и слаженный *механизм* исполнения убийственной идеи, — также имеет свою историю зарождения и развития, наиболее точно описанную в святоотеческой традиции. Исцеление от этого поражения ума и всей личности также происходит по законам развития психического процесса, преемственности и саморазвития.

Так было и у Раскольникова: это нереализованная вовремя мысль пойти к Разумихину (который и помог впоследствии решить проблемы героя, прежде всего, связанные с сестрой), это добрые его душевные порывы оказать помощь другим людям, им самим трудно объяснимые... Раскольников по природе своей был человек добрый, но временно *пленный* мыслью злой. История «наказания» — это история трудного освобождения героя от страшных последствий такого плена. Находясь в заключении (на каторге), он впервые обретает свободу внутреннюю.

«Исход»

Предупреждение Достоевского осталось для русской интеллигенции («интеллигентщины», как переделывал это слово Сергей Булгаков) предупреждением, услышанным слишком поздно. Кто и как только не играл в революцию, пока «беспощадный русский бунт» (Пушкин) не обернулся *личным* страданием и напряженными

ками и страстями. Их наука о душе основывалась на внутреннем опыте, описание которого у разных авторов, при наличии индивидуального своеобразия, весьма сходно, что позволяет говорить об общих принципах и закономерностях этого душевного опыта. Это и составляет содержание православной науки о душе — психологии, одним из существенных разделов которой является учение о страстях, их зарождении в душе, предупреждении и борьбе с ними» (Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: духовно-ориентированная психотерапия // «Духовно-нравственное воспитание», №3, 2001, с. 5).

размышлениями, оставшимися на страницах дневников, а также воспоминаний. В плане наших задач именно дневниковые записи дают особенно важный материал для анализа, поскольку в них зафиксированы моменты *развития* мысли. Воспоминания — это в любом случае литературная обработка, некоторый итог, подведенный на момент самих воспоминаний.

В записях Сергея Булгакова ясно видно такое различие. Ко времени начала революции Булгаков — профессор, юрист, философ. В 1918 году неожиданно для многих он принял священнический сан. В 1922 году Булгаков был выслан советским правительством из России наряду со многими известными философами-«идеалистами»: Ильиным, Бердяевым, Франком и другими.

Десять лет своей взрослой и сознательной жизни Булгаков был марксистом. Историю «выздоровления» можно проследить по его воспоминаниям. Другую историю — мучительные размышления о гшавославии и католицизме — сохранили дневниковые записи, сделанные на корабле по пути в Константинополь (Стамбул) и в первый период трудных поисков средств существования на чужбине.

Ко времени революции у Булгакова, в отличие от большей части «интеллигентщины» уже не было иллюзий по поводу нового строя.

«Возвращаюсь к своим собственным судьбам в "интеллигентщине". Я оказался ею отравлен через такое привитие этого яда, которому я бессилён был оказать противодействие. <...> Я находился в известном смысле в состоянии первоначальной невинности, святого варварства. Когда же столкнулся с ревизионным сомнением, которое порождалось во имя культуры и свободы, я оказался передним совершенно беззащитным, да и обнаженным. <...> Я оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать (на фоне, конечно, и своего собственного отроческого самомнения), что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для "умных" людей. Мне нечего было противопоставить и тем защититься от нигилизма»⁴⁴.

Эти десять лет нигилизма Сергей Булгаков называет «духовно обморочным состоянием». «Очевидно, мне предстояло изжить до дна всю пустоту интеллигентщины и нигилизма, со всей силой

Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 297.

удариться об эту каменную стену, отчего почувствовалась наконец невыносимая боль»⁴⁵. Он называет неверие нигилизма верой своего рода и замечает: «Человек есть вообще *верующее* существо, призванное к вере и к жизни по вере. Но не все сознают это с равной степенью ясности»⁴⁶. На грани юности проявился душевный кризис, связанный с потерей веры, доводящий до мыслей о самоубийстве. «Мне шел 24-й год, но уже почти десять лет в душе моей подорвана была вера, и, после бурных кризисов и сомнений, в ней воцарилась религиозная пустота. Одновременно с умственным ростом и научным развитием душа неустойчиво и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости»⁴⁷.

Помощь пришла от сильных эстетических переживаний красоты природы и художественных произведений. Попав в Дрезден и будучи еще марксистом, он, потрясенный, молился у Сикстинской Мадонны Рафаэля... В дневниковых записях, относящихся ко времени изгнания, Сергей Булгаков рассказывает, как он стремился вновь увидеть *Сикстину*, и как был разочарован этой встречей: он ясно увидел, что это *живопись*, а не икона. Но в ту первую встречу впечатление было ошеломляющим:

«Это не было эстетическое волнение, нет, то была *встреча*, новое знание, *чудо*... Я (тогда марксист) невольно называл это созерцание *молитвой* и всякое утро, стремясь попасть в Zwin-ger⁴⁸, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, "молиться" и плакать...»⁴⁹.

Детская вера, память предков и родная российская земля помогли молодому профессору преодолеть ту пропасть, в которую загнал его нигилизм.

«Осень. Уединенная, затерянная в лесу пустынь. Солнечный день и родная северная природа. Смущение и бессилие по-прежнему владеют душой. И сюда приехал, воспользовавшись случаем, в тайной надежде встретиться с Богом. И здесь решимость моя окончательно меня оставила... Стоял вечерню бесчувственный

⁴⁵ Там же, с. 298.

⁴⁶ Там же, с. 299.

⁴⁷ Там же, с. 301.

⁴⁸ Цвингер — название картинной галереи в Дрездене.

⁴⁹ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 304.

и холодный, а после нее, когда начались молитвы "для готовящихся к исповеди", я почти выбежал из церкви, "изшед вон, плакался горько". В тоске шел, ничего не видя вокруг себя по направлению к гостинице и опомнился... в келье у старца»⁵⁰.

Старцы на Руси всегда были авторитетом в духовных вопросах и зачастую последней надеждой в сложной жизненной ситуации. «Меня туда привело: я пошел совсем в другом направлении вследствие своей всегдашней рассеянности, теперь еще усиленной благодаря подавленности, но, в действительности, — я знал это тогда достоверно, — со мной случилось чудо <...> Я вышел от него прощенный и примиренный, в трепете и слезах, чувствуя себя внесенным словно на крыльях внутрь церковной ограды...»⁵¹

Период с 1917 по 1922 год Сергей Булгаков восстанавливает по памяти. Записи датированы мартом 1923 года, Царьград (Константинополь): «То важное, дивное и страшное, чему суждено было стать свидетелями и участниками людям нашего поколения, каждым испытано и пережито по-своему»⁵².

Мы еще не раз вернемся к этому переломному периоду в русской истории, чтобы посмотреть на него глазами разных его участников — по дневниковым записям. Нас волнуют не экономические, военные либо какие-то другие процессы, а то, что происходило с *представлениями* о происходящих внешних изменениях на уровне личности. «Индивидуальность есть как бы окно, чрез которое зрится поток жизни, и личная судьба есть рамка, в которой она оформляется»⁵³.

Революция стала огромным испытанием для прочности *устоев*, т.е. представлений о нравственных нормах поведения. Стихийные процессы, вовлекающие огромные массы людей, оказывают естественное воздействие на индивидуальность. Ритм толпы стремится захватить и подчинить себе индивидуальные ритмы. Сопrotивляться этому напору трудно, почти невозможно. Записи Сергея Булгакова, относящиеся к периоду первой русской революции, позволяют увидеть *процесс* подчинения и освобождения человека от власти толпы.

⁵⁰ Сергей Булгаков. Православие. М.: Фолио, 2001, с. 306.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 312.

⁵³ Там же, с. 312.

«В подготовке революции 1905 года участвовал и я, как деятель Союза Освобождения, и я *хотел* так, как хотела и хочет вся интеллигенция, с которой я чувствовал себя в разрыве в вопросах веры, но не политики. <...> И такшлодо 17 октября 1905 года. Этот день я встретил с энтузиазмом почти обморочным, я сказал студентам совершенно безумную по экзальтации речь (из которой помню только первые слова: "века сходятся с веками") и из аудитории Киевского Политехнического мы отправились на площадь ("освободить заключенных борцов"). Все украсились красными лоскутками в петлицах, и я тогда надел на себя красную розетку, причем, делая это, я чувствовал, что совершаю какой-то мистический акт, принимаю род посвящения. На площади я почувствовал совершенно явственное влияние антихристового духа: речи ораторов, революционная наглость, которая бросилась прежде всего срывать гербы и флаги, — словом, что-то чужое, холодное и смертоносное так оледенило мое сердце, что, придя домой, я *бросил свою красную розетку в ватерклозет*. <...> Я постиг *мертвящую* сущность революции, по крайней мере русской, как воинствующего безбожия и нигилизма»⁵⁴.

Получив такую «прививку» от революции в России, понимая, прогнозируя ее разрушительный характер, Сергей Булгаков уже не мог быть захвачен революционными «вихрями» 1917 года, хотя и понимал глубину происходящих в стране процессов, предшествовавших революции: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь»⁵⁵. Он сам отслеживает момент, когда обаяние толпы, празднующей февральскую революцию, на время захватило его, и как именно миг внутреннего *согласия* включает в толпу:

«Был момент малодушия, когда я захотел выдать из себя радость, слиться с народом в его "свободе". <...> Я шел по Остоженке в народном шествии в день парада и пьянил себя. Однако этого хватило на полчаса и ничего не вышло кроме омерзения. <...> А между тем кругом все сходило с ума от радости, и как я ни сторонился в эти страшные дни, но и мне приходилось попадать в круги профессионально радующихся»⁵⁶.

⁵⁴ Там же, с. 316-317.

⁵⁵ Там же, с. 323.

⁵⁶ Там же, с. 334.

Трудно ходить «мрачным Гамлетом» среди толпы, охваченной другими чувствами. Для сопротивления напору толпы нужна огромная внутренняя сила, коренящаяся в работе по *осознанию* происходящих процессов и в ясном понимании и искреннем принятии истинных ценностей, противоположных революции.

Петербургские дневники

Излечение от романтики революции, которой интеллигенция в России была увлечена практически повсеместно, происходило, когда под удар попадали главные ценности личности. Для Зинаиды Гиппиус, жены Дмитрия Мережковского, известной в свое время поэтессы, этими ценностями оказались культура и вообще сама возможность поддержания и сохранения жизни. До революции самые блистательные российские умы с увлечением играли в идеи революционного преобразования общества⁵⁷. И вот дневниковая запись З. Гиппиус от 8 февраля 1918 г.:

«Мы же, вот мы, сознательные люди России, — мы бессильны и рабы, и потому виноваты совершенно так же. Сознание без силы — ничто, хуже, чем ничто. Даже гибель не искупает вины *знающих и не делающих так*. <...> Вчера на минуту кольнуло известие о звероподобном разгроме Михайловского и Тригорского (исторических имений Пушкина). Но ведь уничтожили и усадьбу Тургенева, осквернили могилу Толстого...»⁵⁸

Слова о «знающих и не делающих» — вольное цитирование Нового Завета. Если записи до февраля 1917 года наполнены ожиданием изменений, а большевики, как малозначительная сила, едва упомянуты, то теперь происшедшее вызывает сожаление (раскаяние) о том, что ум, знания интеллигенции не стали делом, а остались лишь разговорами.

⁵⁷ С. Булгаков писал: «В то время, около 1905 г., нам всем казалось, что мы-то именно призваны начать в России новое религиозно-революционное движение (позднее, когда это уже было брошено нами, это было подхвачено и опошлено декламацией Мережковского, который сделал своей теноровой специальностью ноту революция-магия). Это были своего рода «бессмысленные мечтания», которые и обличила жизнь». Там же, с. 320.

⁵⁸ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 361.

Особенность дневниковых записей, в отличие от воспоминаний, состоит в том, что здесь каждый день фиксируется своим итогом, своею мыслью, и часто (особенно в период социальных потрясений) противоречит мыслям, высказываемым ранее. Дневник позволяет увидеть момент *развития* мысли и вообще картины происходящих событий.

И в «тетрадах» З. Гиппиус, и в дневниковых записях ее современницы Анны Ахматовой сохранились свидетельства об ужасном послереволюционном холоде и голоде в Петрограде. Обе поэтессы особенно страдают от отсутствия света. З. Гиппиус несколько раз с досадой вспоминает «декретное» время. Запись от 18 мая 1918 г.: «Нынче, во второй раз, электричество стало гаснуть в 12 ч. Атак как большевики переводят сегодня часы на 2 ч. вперед (?!), то, значит, в 10 часов. Веселая жизнь»⁵⁹. Поболее поздним записям (особенно в дневниках Ахматовой) видно, как любым источником света — огарком свечи или светом из окна — будут пользоваться, чтобы иметь возможность писать.

Самым тяжелым испытанием остается все, что связано с крушением надежд. По записям видна и динамика этих надежд. Сначала (до февраля 1917 года) — на демократические революционные изменения в России, затем — на то, что большевики — это случайность, которая вот-вот кончится, придет помощь от цивилизованной Европы: от Франции или Англии... Но заканчивается одна «тетрадь», другая, заполняются «вставки» в дневниковые тетради, а от Европы не приходит освобождение. Кому и когда нужна была сильная Россия? Но это мы сейчас можем видеть по прошествии стольких десятилетий и Великой Отечественной. Однако, находясь *внутри* событий, исключительно сложно составить точную картину происходящего. Скорее, период резких социальных изменений сам является проверкой всего, что было продумано, понято и как-то объединено в единую картину понимания, объяснения и прогнозирования социальных процессов. Запись З. Гиппиус от 3 мая 1918 г.:

«Немыслимо, невозможно — разобраться даже примитивным образом в нашем хаосе. Нельзя думать, нельзя чего-нибудь разумно желать, нельзя иметь точку зрения»⁶⁰.

Там же, с. 371-372.

Там же, с. 370.

Видимо, *такая* революция не присутствовала в *представлениях* подавляющего числа российской интеллигенции, несмотря на *знание* о предупреждении Пушкина и Достоевского, лучше понимавших и чувствовавших Россию и ее народ. «Петербургские дневники» фиксируют попытки как-то справиться с ситуацией, объяснить ее, но, главное, они показывают, насколько реальные события опережают возможность человека понять их, Отсюда путь к долго не заживающей травме. В записи З. Гиппиус от 21 мая 1918 г. присутствуют безликие «они» как слепая, неразумная сила:

«Перевели часы — на два часа вперед! Послали по деревням вооруженные банды — отнимать хлеб! Грабят так, что даже сами смеются. Нет тени примитивно-человеческого смысла в том, что делают. Все разрушили, обещали и дальше так. А печать начисто удушили. Журналиста Петра Пильского засадили в тюрьму за документальное доказательство: 14 из правящих большевиков клинически помешанные, пользовались лечением в психиатрических больницах. Топливо иссякает. Стали везде тушить электричество в 10 ч. вечера (пишу при керосиновой лампе, и она гаснет)»⁶¹.

Заканчивается еще одна «черная тетрадь». В записях, датированных 1919 годом, появляется, хотя и отрицательная, но определенность в связи событий: «Если кто-нибудь не возвращается домой — значит, его арестовали». «Если ночью горит электричество — значит, в этом районе обыски»⁶².

З. Гиппиус практически ничего не пишет о своих переживаниях, связанных с нарастающим голодом и холодом. Здесь сказываются воспитание и приоритет ценностей. Дневник точным и образным языком фиксирует то, что наблюдает сама писательница. Водораздел оценок проходит по границам нравственного идеала в том виде, в каком он сформировался у этого человека во все предшествующие годы. Этот идеал питают и поддерживают культурные ценности и образы конкретных людей,

⁶¹ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 374.

⁶² Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани» 1991, с. 177-178.

в своих поступках в это трудное время соответствующих этому идеалу⁶³. Запись от 9 января 1918 г.:

«Был Ив. Ив.⁶⁴, этот удивительный, гениальный... человек. Он, быть может, и гениальный ученый, но гениальностей всякого рода, и художников, и писателей, и ученых, и философов, и политиков мы знаем достаточно, немало их видывали. С совершенством же в "чисточеловечестве" я сталкиваюсь в первый раз. Этот человек — только человек настоящий, — которого от этой именно настоящести, подлинности и следует писать с большой буквы. У него, ради полноты совершенства, должны присутствовать и все недостатки человеческие»⁶⁵.

И по прошествии еще одного революционного года, дневник З. Гиппиус продолжает фиксировать поиск людей, которые выдержали испытания, только оценки стали резче: «продался» большевикам «за крупы» или нет. Такая «политическая» граница может проходить *через* живых людей, даже если эти люди — Брюсов или Блок...

«Но бывают времена, когда нельзя быть безответственным, когда всякий обязан быть человеком. И я "взорвала" мосты между нами, как это ни больно. Пусть у Блока, да и у Белого, — "душа невинна" — я не прощу им никогда»⁶⁶.

Есть граница и для физических испытаний. Ноябрь 1919-го в Петрограде: нет ни еды, ни света, ни тепла: «Дрожа, пишу при последнем свете мутного дня. Холод в комнатах туманит мысли. В ушах непрерывный шум. Хлеб — 300 р. фунт. Продавать

Вообще традиция частого, почти ежедневного отчета о происходящих событиях, фиксация результатов их осмысления в дневниковых записях в прежние годы среди образованных русских людей была очень развита. В дневниках отражено то, что действительно представляется важным для человека в тот момент, когда он делает запись. По заметкам З. Гиппиус, С. Булгакова можно видеть, насколько дорожили дневниками и как жалели, когда дневники за какой-то период терялись.

⁶⁴ Иван Иванович Манухин — врач, когда-то лечивший Горького. И. И. Манухин обращался к Горькому с просьбой спасти от «чрезвычайки» многих известных деятелей.

⁶⁵ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 359.

⁶⁶ Зинаида Гиппиус. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 179.

больше нечего»⁶⁷. И самое, наверное, абсурдное — Дмитрий Мережковский — на рытье окопов (скоро подобного абсурда будет много, а пока — непривычно): «Диму-таки взяли на каторжные ("общественные") работы. Завтрав бутра — таскать бревна... И вовсе, оказалось, не бревна!... Несчастный Дима пришел сегодня домой только в 4 ч. дня, мокрый буквально по колено. Он так истощен, слаб, страшен, что на него почти нельзя смотреть. <...> Сегодня его гоняли далеко за город, по Ириновской дороге, с партией других каторжан, — *рыть окопы!!*»⁶⁸.

Слово найдено — «рабство», и у самой границы того, что этот человек (пока) в состоянии вынести, идет осознание главных ценностей, ради которых можно терпеть все остальное:

«Да, рабство. Физическое убиение духа, всякой личности, всего, что отличает человека от животного. Разрушение, обвал всей культуры. Бесчисленные тела белых негров. Да что мне, что я оборванная, голодная, дрожащая от холода? Что — мне? Этоли страдание? Да я уж и не думаю об этом. Такой вздор, легко переносимый, страшный для слабых, избалованных европейцев. Не для нас. Есть ужас ужаснейший. Тупой ужас потери лица человеческого. И моего лица, — и всех, всех кругом...»⁶⁹.

И еще — тревога за судьбу России. Даже после перехода границы осенью 1920г., находясь в Варшаве, З. Гиппиус пишет о надеждах скорого освобождения от большевиков.

На грани самых суровых испытаний голодом и холодом осознается то, что объединяет с народом. Это почти безграничное *терпение* простых русских людей (воспитанное Православием). В народе оно сохранялось долгие годы после революции.

Северная Фиваида

Этот дневник впервые опубликован в книге, подготовленной группой ученых из Института этнологии и антропологии РАН. Книга называется «Духовная культура северного Белозерья». Другое название края — «северная Фиваида». Оно происходит

⁶⁷ Зинаида Гиппиус. Живые лица, с. 209.

⁶⁸ Зинаида Гиппиус. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси: «Мерани», 1991, с. 217.

⁶⁹ Там же, с. 219.

от названия пустынной области в северном Египте, известной своими подвижниками в первые века христианства. Европейский север России осваивали монахи. Они приходили в эти труднодоступные дебри, на скалистые берега и совершали то, что невозможно было бы сделать оружием или золотом. Учениками преподобного Сергия Радонежского Ферапонтом Можайским и Кириллом Белозерским были основаны монастыри, рядом с которыми поселялись люди и постепенно образовывались города и села.

Богат до революции был этот северный край. Плодородная земля, длинный световой день летом («белые ночи»), трудолюбие и душевная крепость живущих здесь русских людей, не знавших крепостного рабства и татарского нашествия, уважение к памяти христианских подвижников, терпением и кротостью, а не мечом покоривших край, — все это делало «Северную Фиваиду» особым, заповедным местом русской земли.

В книге собраны свидетельства пожилых жителей Белозерского края о семейных и календарных традициях и обрядах. Большинство воспоминаний относится ко времени детства и юности корреспондентов, то есть к 20—30-м годам XX века. В этих воспоминаниях селения Белозерского края предстают еще многолюдными и наполненными яркими проявлениями праздничной культуры. У рассказчиков особый северный говорок:

«Где праздник, вот в Кинесме Троица, все идем мы туды. В Спасов день к нам все идут. Улица не подымалисе, што народу-то, ой! Протти нельзя. Пляски, пляски, тут пляшут, тут в ланца, там в ланца, што делаэцца! Не топререшнее. Потом вецером биседы» (ж., 1907 года рождения)⁷⁰.

После революции жизнь менялась очень быстро. Неурожай, поборы, колхозы привели к обнищанию крестьян. В книге опубликован дневник Дмитрия Ивановича Лукичева из села Вашки, начатый в 1920 году (27 июня н./ст.), а законченный в 1937 году.

Лукичев — настоящий крестьянин, грамотный, образованный, глубоко верующий человек. В 1920 году ему исполняется

Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997, с. 94.

42 года. Его первые слова рисуют характер основательный и крепкий:

«В настоящую книгу записывать все события и заметки семейной жизни, для памяти. Как для себя и для будущего поколения семейства; книга должна храниться и тщательно оберегаться от порчи и утери, записывать для памяти только то, что окажется достойным внимания и памяти, а также то, что должно быть полезным как в материальном, так и в нравственном положении; также те мудрые и нравственные изречения и пословицы, кои могут быть поучительны и полезны для самоусовершенствования себя и всех, кто их прочтет. Чувства и мысли, кои записываются, должны быть тщательно и основательно проверены и обдуманы здравым разумом»⁷¹.

Так он и поступает. Вначале описывает свое семейство (пять дочерей и один сын), называя каждого по имени-отчеству и рядом с датой рождения указывая день Ангела. Наряду с сообщениями об урожае, упоминаниями праздников, отмечаемых в данный день, множество изречений из Святого Писания о вере, терпении и благоразумии, помогающих ему, видимо, справиться с теми напастями, которые с каждым новым днем все больше и больше обрушиваются на крестьян и лично на Дмитрия Ивановича. Запись от 14 апреля 1921 года:

«Лед на озере тронулся. Весна ранняя, сухая, теплая, воды очень мало. Население по деревням голодает. Сеять, нет овса, семян. Советские деньги совершенно обесценились и за них ничего купить невозможно. За работы, а также купля и продажа производятся на обмен продуктов»⁷².

Сельскохозяйственный календарь строится по календарным праздникам: (запись от 22 апреля того же года) «Пятница Вербной недели, весна стоит сухая...». 1-го мая подчеркнуто: «Пасха...», а далее — о приметах ранней весны, но ни слова о «первомайском празднике».

Новый распорядок все больше вмешивается в трудную, но веками налаженную крестьянскую жизнь. Повторяются упоминания о болезни, но и о «помощи» соседей. Сообщается о бес-

Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь, М., 1997, с. 338.

Там же, с. 395.

конечных поборах крестьян: продналог, трудовая повинность («трудгужналог»)... Запись от 7 января 1922 года:

«Рождество Христово. Продналог взыскан полностью со всего населения. С неплательщиков взыскан в двойном размере и у некоторых лиц взяты коровы по постановлению ревтрибунала за неуплату в срок продналога, не исключая и бедняков. Невесело встречают праздник в особенности бедняки, у которых не осталось хлеба после уплаты продналога»⁷³.

Дмитрий Иванович поддерживает состояние своего духа мудрыми изречениями из Святого писания. Запись от 19 августа того же года:

«Преображение Господня. <...> Ищи прилежно истину. Внимательно читай, в особенности Священное Писание. Многие отрицают Бога и вообще религию. Почему? Потому что поняли Священное писание в материальном смысле, а многие и совершенно не знакомы со Священным писанием. Читай и понимай его в духовном смысле и помни, что догматы религии непорочны, святы и чисты, как следует быть Божественному учению и никакое другое учение социализма не заменит его»⁷⁴.

Понимание Священного писания «в материальном смысле» — это обещание построения земного рая, чему и не верит разумный крестьянин.

Остановимся на этом моменте подробнее. Из приведенных записей видно, что основная, как бы теперь сказали, «категориальная сетка», с помощью которой Дмитрий Иванович строит картину мира, оценивает происходящие события — это основы православной культуры, доставшиеся ему в наследство от предков. Сохранению и поддержанию этих основ и служит дневник, начатый человеком в полном расцвете своих лет. Крестьянин вполне владеет грамотой, что было вообще характерно для русского севера, где грамота усваивалась вместе с овладением Ветхозаветной мудростью: обучение проводилось по «Псалтири» — книге псалмов (песнопений), составленных древними иудеями (преимущественно царем Давидом, 1010 — 970 гг. до н.э.). Упоминаемые в них события давней истории Вавилонского плена

Там же, с. 402.

Там же, с. 400.

помогают увидеть главное в жизни человека: «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя» (Пс. 136. 5), т.е. если забуду свою родину духовную, «аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего» (Пс. 136.6), то пусть тогда лишусь я правой руки («десницы») или речи («прильпни язык мой гортани моему»).

Жизнь становится все тяжелее. Запись от 28 января 1922 года: «Унылое настроение у населения. Предстоит голодовка, отобран хлеб за продналоги и штрафы»⁷⁵. Все чаще записи о болезни — своей и дочерей.

У Дмитрия Ивановича родился еще один сын (в дневнике записаны восприемники при крещении младенца, день Ангела мальчика по старому и новому стилю), родился и вскоре умер племянник, происходит сложный обряд сватовства и выдачи замуж одной из дочерей: «Марию сватают женихи, но все сватовства отклонены. 3. II. Сегодня вновь явились сваты. <...> Заручившись согласием обеих сторон, жениха и невесты, устроили сговор»⁷⁶. Но до окончания сговора пришло предложение от другого жениха, — оно и было принято: «Устроено Богомолье и Мария невеста». После свадьбы хлопоты не заканчиваются: «13. II. Приготавливаемся к приему молодых новобрачных и гостей, к так называемым отводинам, которые назначены в пятницу на масляной 16-го февраля»⁷⁷. А 11-го декабря записано: «Мария развелась с мужем <...> и возвратилась домой. Причина развода — очень грубое обращение свекрови, даже совсем невозможное, а также полная бесхозяйственность мужа и семьи»⁷⁸.

Лето 23 года все стояло сырое и холодное: «весь год должно считать сырым, дождливым и холодным, от того получился большой недород и зима обещает населению вновь голодовку»⁷⁹.

Первая запись о 1 мая («праздник рабочих») сделана в 1924 году. Упоминается «комсомольская свадьба» родственника. У Дмитрия Ивановича родилась еще одна дочь и через две недели умерла.

В 1925 году сделана всего одна запись. В 1926 году у Дмитрия Ивановича родился еще один сын и внучка. За 1927 год запись не-

скольких событий и ни одного упоминания праздника, а за 1928 год кроме хозяйственных записей упоминается (впервые) день рождения. Несколько записей жизненных событий в 1929 году (одно из них — поездка в Ленинград). И вот 15 февраля 1930 года: «Состоялось постановление о переходе от единоличного ведения сельского хозяйства к коллективному»⁸⁰. В течение 1931 года Дмитрий Иванович то попадает в «кулаки», то оправдывается судом и возвращается в колхоз. В 1932 году запись:

«Подрубили и уронили верх колокольни. Конец Пречистыя. С 1-го января 1932 года церковь в селе Башках перешла в ведение РИКа и перестраивается в клуб. Верх церкви снимается и назначен подрубить второй этаж. Так пришел конец Пречистыя (название церкви)»⁸¹.

В тексте появляются речевые штампы новой эпохи: 1933 год — «впервые засветились электричеством лампочки Ильича»; 1934 год — Киров «убит выстрелом от злодейской руки». Дневник отмечает открытие клуба, первый прилет аэроплана.... Через год на Дмитрия Ивановича и сына Сергея обрушивается настоящая беда: их объявляют «вредителями». Сергея Дмитриевича отправляют в ссылку, где он и умирает в 1937 году. Этой записи предшествуют восторженные слова Дмитрия Ивановича о только что (1936 год) принятой «сталинской» Конституции. По ним видно: повторенные много раз всеми средствами пропаганды (радио и проч.), эти словесные штампы становятся как бы собственным текстом человека: «Новая Конституция является небывалой первой Социалистической Конституцией в мире, дающей равные права трудящимся страны без различия национальностей, пола и т.д. Вводятся всеобщие тайные выборы. Уничтожается эксплуатация человека человеком»⁸².

Так исподволь, незаметно на протяжении восемнадцатилетнего периода происходит вторжение нового времени лживых лозунгов о «правах трудящихся» взамен прежнего времени годового праздничного круга, укорененного в Ветхозаветной мудрости, которую с такой любовью цитировал этот образо-

⁷⁵ Морозов И. А. и др. Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь, М., 1997, с. 402

⁷⁶ Там же, с. 408.

⁷⁷ Там же, с.409.

⁷⁸ Там же, с. 413.

⁷⁹ Там же, с. 412.

Там же, с. 416.

¹ Там же, с. 418.

² Там же, с. 420.

ванный, работающий, разумный и глубоко порядочный крестьянин Белозерского края.

Ныне эти земли трудно узнать — они явно обезлюдели. Но красота и духовная мощь этих мест не исчезли, они пребывают здесь *всегда*: в Ферапонтовских фресках Дионисия, в красоте природы и в людях — добрых, кротких и светлых...

«Кашеева цепь»

Ровесником Дмитрия Ивановича был очень хороший русский писатель Михаил Пришвин. И творчество его связано с северным краем. Первой книгой, принесшей ему известность, стала книга о путешествии по русскому северу «В краю непуганых птиц». Пришвин прожил долгую жизнь. Основа его книги «Кашеева цепь» — автобиографическая. Работая над ней, он использовал свои дневниковые записи. Но частично дневник Пришвина опубликован отдельным изданием.

Дневник писателя отразил на своих страницах те же годы перелома, что и записи крестьянина из Вашек. Есть моменты, которые буквально совпадают в этих двух дневниках. Касаются они коллективизации и слома и закрытия церквей. А вот начало заметно отличалось.

Хотя русская интеллигенция до Октябрьской революции с увлечением играла в революционное движение, Пришвина всегда отличала любовь к родной земле, природе, к простым людям. После записи от 27 февраля 1917 года: «Наступили великие и страшные дни»⁸³, уже 21 мая он замечает: «...и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия сплошной митинг людей»⁸⁴. И рефреном через все эти тревожные дни и месяцы проходит вопрос: «А о том, как теперь в глубине России люди живут, все еще ничего не известно»⁸⁵. 8-го сентября Пришвин пишет: «Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, в десятый раз

умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая 1\2 ф. хлеба в день»⁸⁶. Но сам же рассказывает, что «всякие покойники» — это надежда России на выздоровление.

Рассказ такой. Настя — прислуга писателя Ремизова, друга Михаила Пришвина, приносит с базара новость: «Россия погибает» (далее — по тексту записи от 30 декабря 1917 г.):

« — Неправда, говорим мы ей, — пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

— Как, спрашивает, — Леу?

— Толс-той.

— Леу Толс-той.

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

— Значит, это они нами правят?

— Ах, Настя, в том-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами. <...>

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

— Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет»⁸⁷.

Читая дневниковые записи тех лет, мы видим, что русские люди словно разделились на две группы: интеллектуальную элиту и народную стихию. Революция только обнажила раскол, произошедший гораздо раньше. Пушкин, Достоевский, Толстой (периода «Войны и мира»), Тургенев чувствовали этот раскол и последствия его отразили в своем творчестве, тогда как о последних русских символистах Пришвин записал в своем дневнике: «Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло»⁸⁸.

Художественная литература в России всегда была больше, чем литература. Дмитрий Сергеевич Лихачев объяснял этот факт особым отношением к печатному слову, к книжности как таковой. По священным книгам в Древней Руси учились грамоте

Пришвин М.М. Дневники. М.: «Правда», 1990, с. 78.

Там же, с. 81.

Там же, с. 81.

Там же, с. 84.

Там же, с. 87.

Там же, с. 111.

и нравственному закону. Русская литература наследовала эти нравственную и просветительскую модальности. Художественные образы соединяли разрозненные события общественной и личной жизни в единое целое, служили интерпретации и пониманию происходящего. Герой имел лицо и имя, совершал поступки по отношению к другим людям⁸⁹. Позднее, в идеологических приемах революционной агитации широко использовался именно язык образов⁹⁰.

Итак, писателю дано соединить противоречивые черты в одном герое, и через поступок героя эти противоречия разрешить. Для русской литературы всегда был характерен интерес именно к нравственному поступку, либо (как в случае с Раскольниковым) — осознанию последствий нарушения нравственного закона.

В сентябре 1917 г. Михаил Пришвин записал в своем дневнике:

«Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка к нам была, и мы о ней гадали, но не видели; теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью»⁹¹.

Писатель остался в России и пережил с нею много «переломных» лет. В страшном 1918 году он отметил в своем дневнике:

«Однажды поздно ночью этой зимой шел я по улице пустынной, где грабили и раздевали постоянно. Иду я и думаю: "Проскочу или не проскочу?" — совершенно один иду, и вот показывается далеко другой человек. Оружия нет со мной, а кулак на случай готовлю и держу его так в кармане, будто вот-вот выхватчу револьвер. Тот, другой, приближается, всматриваюсь: книжка в руке, слава Тебе, Господи! С книжкой человек не опасен, он друг мой. Неведомый друг мой с книжкой в руке, вам пишу это письмо из недр простого русского народа»⁹².

⁸⁹ Можно даже предположить, что это мышление в образах вообще характерно для русских, с их идущей из древних времен традицией понимания мира через икону. На рубеже XIX и XX веков древняя русская икона была вновь открыта для России и для мировой культуры. Князь Евгений Трубецкой назвал иконопись «умозрением в красках».

⁹⁰ Как «перевертыш» от иконописной традиции в советские годы использовался и бурно процветал язык карикатур.

⁹¹ Пришвин М.М. Дневники, с. 84.

⁹² Там же, с. 91.

Находясь в родном именье Хрушево, он записал 24 сентября 1918 г.:

«Ночью на страшной высоте где-то под самыми звездами, чуть слышные, летели дикие гуси, — на мгновение колыхнулось прежнее чувство красоты и великого смысла их перелета, а потом исчезло, как излишняя роскошь»⁹³.

Пришвин так любил природу и чувствовал землю, что в этих своих качествах не отрывался от народа, хотя по рождению и образованию, полученному в Европе, он принадлежал к высшим классам русского общества. В 1918 году ему пришлось пережить гибель сада, любимого им как живое существо⁹⁴. Это Михаил Пришвин заметил особенность русских людей: под влиянием «бунта жестокого и беспощадного» не щадить природу и ничего вокруг «до основанья», а потом с той же энергией кинуться восстанавливать разрушенное. Запись от 10 апреля 1918 г.:

«Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издевается над природой. Вот он сидит на огромном в три обхвата парковом дереве, очищая сучья топором, распиливает труп. Мне больно за это: я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменятся, и он будет сажать деревья. Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет, как может он приближаться со своей короткой мыслью к этому чудному дереву»⁹⁵.

Пришвин поработал учителем географии в гимназии (в той, из которой когда-то в детстве сбегал в Америку), библиотекарем в деревне Рябинки, пережил холод и голод, эпидемии и войны. Запись от 3 января 1920 г.:

«Не то что пищи, а именно жиров не хватает; я достиг такого состояния, что все мое существо телесное и духовное зависит

⁹³ Там же, с. 93.

⁹⁴ Образ поломанных деревьев возвращался в снах, связанных с предчувствием семейных бед: «7 декабря /1919г./. Пошли сны: видел поломанную липовую аллею в Хрушеве и умирающего брата Сашу — в точности. И я выл.... 9 декабря. Так вот почему я выл, <...> — в эту ночь умирала сестра Лидия и в 6 ч. в понедельник 7 декабря умерла в Красном Кресте, умученная холодом и голодом» (там же с. 100). Пришвин М.М. Дневники, с. 90.

теперь от жира: съем масла или молока — и работаю, нет — брожу, качаюсь как былина на ветре»⁹⁶.

В этих испытаниях холодом и голодом писатель обнаруживает то же качество терпения почти простонародного свойства, которое отражено в дневниках Зинаиды Гиппиус и Анны Ахматовой. Настоящее страдание для русского писателя — невозможность творчества.. Поэтому дневники отмечают как важные факты перебои с освещением, наличие писчей бумаги или физических сил, необходимых для работы, опасения за возможность сохранения записей. А записи содержат в себе главный итог пережитого:

«Для того, чтобы душа наша стала мудрой и глубокой, не достаточно мельком взглянуть на вселенную в тени смерти или вечности, в свете радости или в пламени красоты и любви. Такие минуты бывают в жизни каждого и оставляют его с пригоршней бесполезного пепла. Недостаточно случая — необходима привычка. Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* ее, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы ее увидели»⁹⁷.

Этот вывод Пришвина полностью противоположен «Пятому тезису Маркса о Фейербахе», послужившему поэтизированным основанием идеологии русской революции. С идеями прогресса и переустройства мира увлеченно играл XIX век. Идеал революции, полностью противоположный нравственному идеалу русских людей, мог воплотиться в России только в сочетании многих обстоятельств, главное из которых состояло в том, что интеллигенция отошла от идеалов своего народа. И теперь, после свершившегося, русские писатели свидетельствовали: истоки всех бед человечества не в материальных отношениях. 27 мая 1921 г. Пришвин записывает:

«Разрушение пространств. Разделение на здешний мир (земной) и «*тот свет*» (идеальный мир) явилось от несчастья, страдания, греха, а грех — «такое действие», от которого наше умственное существо и чувствующее распадаются и существуют в нашей душе как два отдельных мира. От этого наша жизнь часто представляется каким-то тяжким путем на далекое расстояние. Но бывают страсти — психические взрывы, которыми разру-

шается расстояние, пространство, предмет становится лицом клицу, и мир обыкновенный — желанно прекрасным. Так бывает у влюбленных, поэтов, охотников, страстно-добрых, религиозно-любящих, удачливых игроков и дураков. (Достоевский на этом пути создал своего кн. Мышкина.)»⁹⁸.

Герои, созданные русской литературой, подобно реальным людям и даже в большей еще степени, чем реально жившие, составляют *смысловое поле*, к которому можно обратиться, чтобы разобраться через эти образы в смысле происходящего. Хотя и шуточно замечание о «Леу Толстом, Пушкине и Достоевском» в устах прислуги, но за ним стоит большой смысл и надежда на будущее народа, у которого есть *такая* литература. 15 апреля 1921 г. Пришвин записывает:

«"Обломов". В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертвodeятельных людей (Ольга и Штольц). Никакая "положительная" деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское "неделание". Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою. В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит. Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел! Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приближительное»⁹⁹.

Роман «Обломов» из-за своей почти простонародной «хитрости» (когда утверждаются «правильные» вещи, а эмоционально-образное воздействие на читателя противоположно этим утверждениям) закрепился в учебниках, по которым обучали литературе школьников в советской России. Так и прошел образ Ильи Ильича, предпочитающего «сиднем сидеть», но не служить

⁹⁶ Пришвин М.М. Дневники, с. 101.

⁹⁷ Там же, с. 95.

Там же, с. ПО- 111.

Там же, с. ПО.

бездушному «прогрессу». И намек (кроме имени героя) на былинного богатыря Илью Муромца у Гончарова есть в имени соседа по имени — Добрынина (от имени Добрыни Никитича). Из богатырской троицы не видно лишь Алеши Поповича. Это и понятно из воспоминаний современников: «поповичи», т.е. дети священников, уходили «в революцию». Самые известные из них — Добролюбов и Чернышевский, властители дум целого поколения. Отсюда и идеал революционера оказался узнаваемо похож на подвижника прошлого: полное презрение к материальным благам и к себе — до самоистязания (Рахметов, спавший на гвоздях). Отличался он «малым» — отсутствием смирения, гордостью. Гордости русские люди остерегались всегда как начала всех человеческих пороков. Недаром Достоевский в своей речи о Пушкине произнес так поразившие слушателей слова: «Смирись, гордый человек». Гордость была первоначальным изъяном Раскольникова, позволившем ему принять помысел о возможности одного человеческого существа решать, достойно ли жизни другое человеческое существо. Революция была, прежде всего, воплощением этой мысли.

Пришвин замечал и положительное в революции. Подобно буре, она разрядила то напряжение, которое уже накопилось в российской жизни, и дала чувство освобождения, открывая перед людьми новые возможности. 27 апреля 1922 года Пришвин записывает:

«Из Москвы я привез настроение бодрое и странно встретился этим с провинциальной интеллигенцией: откуда им-то взять бодрости среди всеобщей разрухи. Я им говорю, что разруха пройдет, нельзя связывать свою судьбу с преходящим, а верьте, будут отыскивать следы возрождения, которое несомненно же есть в народе. Это умственно верное заключение они обходят молчанием, упираваясь в стены мрачной действительности...»¹⁰⁰.

«Мрачная действительность» открылась для писателя в «год великого перелома». Как и в Вологодских землях (дневник крестьянина Дмитрия Ивановича), так и на всей территории страны происходило зримое проявление «идеологической войны» — разрушались храмы и не только храмы.

Пришвин записал в своем дневнике в Рождественский Сочельник 6 января 1930 года:

«Сочельник. Со вчерашнего дня оттепель после метели. Верующим к Рождеству вышел сюрприз. Созвали их. Набралось множество мальчишек. Вышел дефективный человек и сказал речь против Христа. Уличные мальчишки радовались, смеялись, верующие молчали: им было страшно сказать за Христа, потому что вся жизнь их зависит от кооперативов, перестанут хлеб выдавать — и крышка! После речи своей дефективное лицо предложило закрыть церковь. Верующие и кое-какие старинные: Тарасиха и другие, — молчали. И так вышло, что верующие люди оставили себя сами без Рождества, и церковь закрыли. Сердца больные, животы голодные и постоянная мысль в голове: рано или поздно погонят в коллектив». Запись Пришвина от 16 января того же 30-го года (года «перелома»): «Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей»¹⁰¹.

Не замечать происходящее для человека умного и наблюдательного было невозможно. Но если для крестьянина, как было видно из дневниковых записей Дмитрия Ивановича, опасность подчинить свою свободу новым лозунгам состояла в частоте их повторения во всех доступных государству средствах «идеологического воздействия» — прежде всего, радио, через громкоговорители вторгавшегося в мыслительную жизнь граждан, то для писателя был другой искус. Это то, что, как показали уже голодные годы, для него важнее хлеба: возможность творить и печатать свои книги для читателей. Пришвина приглашают в творческую поездку на земли, когда-то вдохновившие его на книгу «В краю непуганых птиц». Идея простая: описать происшедшие за годы социалистического строительства изменения. Но одним из «изменений» был строящийся в эти годы Беломорканал. Теперь всем хорошо известно, что это была за стройка, и кто ее строил. Не заметить наметанным профессиональным взглядом эзков было очень трудно.

¹ Там же, с. 162.

² Там же, с. 244.

¹⁰⁰ Пришвин М.М. Дневники, с. И3.

В январе 1937 г. Пришвин делает осторожную запись: «Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бесов...»¹⁰². В романе «Бесы» речь идет о подлинных духовных истоках «революционного» права одних людей на жизнь других. Сталинские лагеря обнажили эту человеконенавистническую сущность, сделав ее очевидной.

12 июля того же года писатель отмечает в дневнике: «Начал работу над книгой «Канал». И должен выжать из нее все соки, какие в ней есть. Канал мой. Конец: «Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали все свое лучшее, и их так много, что имен не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун»¹⁰³. И после какого-то мудреного объяснения самому себе происходящего следует важное наблюдение:

«Никогда этого не было раньше: скучно одному». В русском языке слово «скучно» имеет много оттенков, один из них — тоска. А 15 сентября записано: «"Канал" закупорил всю мою работу... Не взяться ли за Кабарду, не отложить ли канал?»¹⁰⁴. Через год замечает: «Напишу и хорошо, а когда придут и скажут: "Напишите!" — что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу.

— Постараюсь, отвечаю смущенно, — напишу.

И он рад и, прощаясь, говорит:

— Теперь я передам, вы обещали, мы ждем, непременно же напишите.

И опять я не могу. Во всякой механизации есть повелительно-принудительный момент, и он-то является губителем кустарного искусства (так и гибнет "малое" дело при наступлении "большого")»¹⁰⁵.

19 апреля 1944 г. «Во время обеда, около 1 ч. дня передали вызов в Кремль к Калинин. Собрались как на пожар, прибыли ровно в 2.20 и пробыли у Калинина 40 минут» (с. 349). В комментариях к этой записи говорится: «Встреча с председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Ивановичем Калининным (...) произошла после получения им письма Пришвина, в котором писатель просил Калинина высказать свое мнение о «Повести нашего времени» и помочь определить

судьбу этого произведения. М. И. Калинин порекомендовал Пришвину воздержаться от публикации»¹⁰⁶.

«Всесоюзный староста» (так почти официально называли Калинина в прессе) обладал властью «советовать» одному из известнейших писателей того времени, каким был Пришвин, публиковать или нет свое произведение. Рекомендация обратного хода не имела: «Повесть» увидела свет только в посмертном издании писателя. Однако самый тяжелый удар Михаилу Пришвину пришлось пережить в связи с многострадальной книгой о канале. И начал эту тему он как «заказную», мучаясь, как видно по записям, потратив на работу более 10-ти лет. И самый ошутимый удар оказался связан именно с этим произведением. Опять обратимся к тексту комментариев: «Пришвин предполагал опубликовать «Осудареву дорогу» в журнале «Октябрь». По предложению редакции зимой 1949 года писатель переделывает роман <...>. Но и вторая редакция произведения не удовлетворила рецензентов, и Пришвин создает третий вариант, который не нравится ему самому. При жизни писателя этот многолетний <...> его труд так и не был опубликован; в посмертных изданиях, согласно воле автора, роман публикуется в первой редакции» (с. 475 — 476). Комментарии относятся к следующей дневниковой записи Михаила Пришвина от 14 декабря: «Н. объявил о "Канале". Необходимо выдернуть всю географ-историческую часть и наvertеть на все другое. Это был такой удар по голове, что я заболел»¹⁰⁷.

Потому так внимательно «работали» с писателями правящие в стране силы — подкармливали, журили, «сажали», «наказывали»... Через творчество писателя, владеющего даром слова, можно ту или иную мысль, облеченную в притягательный (или отталкивающий) художественный образ, воплотить в массы, т.е. сделать достоянием внутреннего мира множества людей, граждан страны.

В наше время мало кто вспомнит об «Осударевой дороге» (с таким названием книга вышла уже после смерти автора). Однако писателя Пришвина помнят и любят.

Еще до начала войны, в 1941 г. Пришвин записывает в своем Дневнике, что более всего он способен к «медленному накоплению

¹⁰³ Пришвин М.М. Дневники, с. 254.

¹⁰⁴ Там же, с. 256.

¹⁰⁵ Там же, с. 268.

Там же, с. 474.

Там же, с. 384.

любви в слове». Речь идет о том, что на требование «копоть ненависть», он ничем не может ответить. Его писательский дар связан только с «накоплением любви». В другом месте он записал:

«Современный взрослый человек рано расстается со своим детством: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством и детство здоровьем, и здоровье дается водой и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление и с удивлением вернется и сказка»¹⁰⁸.

И далее:

«К сказкам, поэзии все относятся, как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю»¹⁰⁹.

«Кладовая солнца» М. Пришвина — это не только детская повесть-сказка, написанная в конце войны (1945 г.), но и кладовая «любви, накопленной в слове». Семидесятилетний писатель, возможно, именно так обобщил опыт той страшной войны, а главное, победы в ней Родины, которую Пришвин любил беззаветно.

Сказка о мире и человеке

Сказке как явлению общественного сознания принадлежит особая роль в нравственном развитии подрастающего человека. «До некоторой степени сказка — это символ единства народов. Народы понимают друг друга в своих сказках. Независимо от языковых или государственных границ сказки широко переходят от одного народа к другому. Народы как бы сообща создают и развивают свое поэтическое богатство»¹¹⁰. Сказки учат различать добро и зло, но учат не назидательно, а исходя из первоначальной одаренности человеческого существа безграничной свободой. Просто они говорят о том, что будет, если пойдешь налево, а не прямо, а что может случиться с маленьким мальчи-

ком, если он не послушается и напьется воды «из копытца»... Сказки занимают, «развлекают» ум, но говорят прямо с сердцем человека языком символов.

У каждого сказочного живого существа есть свое определенное традицией место, а граница разделения та же — между добрым, светлым и злым, темным. «Мы видим здесь отождествление души злого человека с змеем и волком, образами враждебных явлений природы...»¹¹¹. В хорошей сказке всегда есть «добрым молодцам урок».

Воспользуемся образом, приведенным в книге одного из русских людей, еще в детстве пережившего эмиграцию, а потом ставшего врачом и священником:

«Я помню, как-то шёл с пожилой, горькой русской женщиной и она всё говорила, говорила, говорила только о том, как жизнь её обошла, как люди её обидели, как всё бессмысленно, как всё зло... Остановилась перед кустом колючек и говорит: "Вот вся жизнь!.." — а за этим кустом весь простор южного берега Франции: горы, а за горами широкое море, всё облитое солнцем, всё сияющее летним светом. И я помню, как я ей сказал: Вот так вы на жизнь и смотрите — только на этот колючий куст, и никогда вам не пришлось в голову посмотреть через этот куст или мимо него на всю даль, в которой вы живёте, на всю эту необозримую красоту..»¹¹².

Народные сказки с детства приучают человека «сквозь колючки» видеть прекрасные дали.

Князь Евгений Трубецкой в своей работе «"Иное царство" и его искатели в русской народной поэзии»¹¹³ говорит о том, что главная направленность русских народных сказок в устремленности к «иному царству», т.е. «Царству не от мира сего». Правда, он же и предупреждает, что в русской народной поэзии кроме поиска «иного царства» существует и мечта о «воровской утопии». Воплощением последней и стала русская революция. Глубочайшую мудрость жизни, данную в доступных восприятию ребенка образах, несут народные сказки.

В русской литературе есть прекрасные *авторские* сказки — наследницы сказок народных. Они проще для анализа, так как

¹⁰⁸ Пришвин М.М. Дневники, с. 251.

¹⁰⁹ Там же, с. 276.

¹¹⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. с. 7.

¹¹¹ Потебня А. А. Мысль и язык. М, 2000, с.306.

¹¹² Антоний Сурожский. Человек перед Богом М., Паломник, 2000, с. 267.

¹¹³ Трубецкой Е. Н. Избранное. М: Канон, 1995, с. 386-432.

писатели оставили тексты, свидетельства, поясняющие основную мысль, идею своих произведений. «Кладовая солнца» Михаила Пришвина — хорошая детская авторская сказка.

Пусть серьезного читателя не смутит «детский» язык сказки. Во-первых, психологи только недавно раскрыли значение символических сказочных образов для своей науки, и подчас, с нашей точки зрения, излишне усложняют (мы бы сказали — заземляют и даже огрубляют) символический анализ, а образы «Кладовой солнца» такие прозрачные и ясные всем — и детям, и взрослым. Во-вторых, в этой простенькой сказке-были со стариковской мудростью Михаил Пришвин в живых образах рассказал главное о нравственном идеале русских людей. О том же говорил, только языком пламенной публицистики Достоевский, о том же писал в сложном философско-психологическом трактате Рубинштейн. Речь идет об изначальном братстве, единстве всех людей (только если это «друзья Антипыча», а не «враги...»). Сказка также нам поможет в дальнейшем перейти к одной отличительной особенности социальных представлений — к тому, что их законы построены по законам *диалектики мифа* (в лосевском смысле слова).

Хотя сказка Пришвина немножко и была (удействующих лиц были свои прототипы — реальные девочка и мальчик), но природа в ней сказочно одушевлена, а потому явления ее прочтываются с помощью языка сказок.

Прежде всего, это солнце. Ведь если говорить о мире и человеке, как же можно не сказать о солнце — «царственном» источнике тепла и света. За мгновения до восхода начинается в природе «торжество встречи солнца». Это торжество видит человек, если он поднялся до восхода (у самого Пришвина была с детства такая привычка, она же — главная радость жизни).

Мальчик и девочка, герои «Кладовой солнца», наблюдающие восход, вышли так рано из дома по большой нужде. Дело происходит в самые тяжелые военные годы. Дети остались сиротами, но, несмотря на малый возраст (12 и 10 лет), с хозяйством справляются, а теперь они отправились на болото за клюквой. Вот и вся «житейская» канва повествования. А «сказочная» состоит в том, что Человек в полной своей свободе оказывается один на один с Миром, где добро и зло для него пока трудно различимы. «Человек» — это, конечно, не одно человеческое существо, а именно мальчик и девочка, брат и сестра. И в своем

душевном единении («не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно...») они оказываются в состоянии самостоятельно поддерживать *свой дом*, а тот — обеспечить их существование.

Все-таки сказочный *дом* должен быть настоящим деревенским домом с огородом, двором, скотиной: «изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безмянные овцы, куры, золотой петух Петя и поросенок Хрен»¹¹⁴. Но эти живые существа — давние помощники человека. Детям все налаженное хозяйство досталось от родителей. Родители, как и должно быть в мире людей, привили им навыки обращения с хозяйством. Причем девочка переняла от мамы, а мальчик — от отца. «Точно также, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи». День (заметьте — именно весь световой день!) ее десятилетнего братишки также был наполнен трудом, но — мужским, доставшимся в подражание отцу. «Митраша выучился у отца делать деревянную посуду <...>. Но, кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство и общественное дело». Разный и характер у ребятишек, но Настя, как маленькая женщина, умеет выправлять братово упрямство: «Настя оглаживает его по затылку. И как только маленькая ручка сестры коснется широко затылка брата, отцовский задор покидает хозяина».

Однако кроме *дома* — мира, полностью преобразованного, прирученного человеком, мир как таковой подчас жестко, иногда жестоко проверяет человека и обучает его основам нравственности.

В сказке Пришвина дети остаются один на один с дикой природой в момент ее особого торжества — встречи солнца.

«И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахло корой своей и почками. Вот тогда как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл особый, торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно в стройном согласии могли закрыть:

Здесь и далее цитирование сказки приводится по изданию: Пришвин М. М. Кладовая солнца. М.: Детская литература, 1976.

— Победа, победа!

— Что это? — спросила обрадованная Настя.

— Отец говорил: это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет».

Солнце — царственный участник повествования. Появляется оно, и все вокруг оживает. Закрывается тучкой, — и вновь возвращаются холод и тревога. «Только слышался тут тягостный, шемящий и нерадостный вой». По законам сказки, мир повествования Пришвина четко поделен на дружелюбный человеку и враждебный ему. Враждебны — волк (Серый помещик с его «нерадостным воем») и болото. Вернее, не само болото как таковое; оно частично освоено теми, кто приходит сюда за клюквой, другими богатствами, а враждебна Слепая елань.

Слепая елань — это топкое место на болоте, об опасности которого, как всегда бывает в сказках, предупреждали родители. И как это бывает уже в реальной жизни, подрастающий человек сам должен уметь *узнать* трясины, отличить ее от надежной тропки. И природа дает свои сигналы-знаки, только ведь их тоже надо научиться читать и понимать. «Но случилось на небе в это время одно облачко. Оно явилось, как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала». Два сплетенных между собой дерева (о них также есть запись в дневнике Пришвина) издают тревожный звук.

Но дети не слышат предупреждения. Они усвоили от родителей *знание*, но собственного *опыта* у них еще мало. Атут еще вмешиваются *чувства*. Как только над мальчиком взяло верх *упрямство* первооткрывателя и над сестренкой одержало победу чувство *обиды*, дружное их семейство *расколосось* в прямом смысле слова: они отправились по разным тропинкам.

Отрицательные чувства не приходят по одиночке. Следом за обидой девочкой овладела *жадность*, а там уж и забыла она о братишке, который остался и без корзины, и без еды. «Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что вся красная как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе». Нашла девочка заветную «палестинку», полную клюквы, о которой говорил им отец.

Но оказалось, что к «палестинке» можно было бы пройти и той, и другой тропинкой. Девочка, как всякая женщина, наделенная осторожностью, выбрала широкую тропу, по которой прошло

много людей. Так в нормальном своем развитии и бывает в жизни. Женщины — хранители традиции и защитники жизни. А узкая тропка, по которой прошли немногие, — удел мужчины-первооткрывателя.

Если бы мальчик ступал только там, где виднелись следы других людей (особая болотная трава, о которой ему говорил отец)! Но в какой-то момент он забыл отцовское предостережение и, чтобы сократить путь, ступил на место, где не было никаких следов. «Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завывали, застонали».

Слепая елань *внешне* выглядела безопасной, но это была «бездна», способная поглотить жертву в считанные минуты. «В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду ее невозможно узнать». Бывают такие моменты в развитии мальчиков (девочек в этой сказке ждут другие опасности), когда нужно успеть остановиться у бездны. Но Митраша «не узнал» опасности и выбрал путь через Слепую елань.

Продержаться некоторое время на поверхности мальчику помогли смекалка и некоторые охотничьи навыки. В момент смертельной опасности он сразу же вспоминает все наставления отца. И все-таки наступил миг, когда *самому*, без помощи, человеку не выбраться из беды. Такова жизненная реальность, разрешаемая в повествовании традиционным *сказочным* способом. В сказках *волшебные помощники*, как правило, звери.

Животный мир дикой природы в «Кладовой солнца» представлен двумя существами, внешне очень похожими друг на друга. Но от этой внешней схожести особенно явным становится различие. Одно существо (собака) — друг человека, другое (волк) — злейший враг. «Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, — это волк, злейший враг его, самой злобой своей обреченный на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная кому же теперь, после него, послужить».

Все-таки здесь говорится не только о животных, но и о двух состояниях: крайнего эгоизма, «воюющего от жалости к себе», и стремления «послужить другим». Первое состояние — злейший враг человека, второе — его последняя надежда на помощь.

В сказке волка звали Серый помещик, а собаку — Травка (имя, переделанное постепенно из прежнего — Затравка). Осиротела Травка после смерти хозяина Антипыча. И вот через образ «четвероногого друга» писателю удается сказать главную мысль, ради которой, возможно, и книга затевалась: по сути своей все люди едины как одно человеческое существо. Только самому человеку это трудно про себя увидеть: то брат с сестрою поссорятся, то супруги, которые должны представлять собою образ единства, «разведутся» на самостоятельные «половины» — вот и трудно уже встретить пример «целого» человеческого существа.

Но «друг человека» на то ему и друг, чтобы верно понимать «правду о человеке»: «Может быть, для нее, в ее собачьем понимании, Антипыч вовсе даже не умирал, а только отвернул от нее лицо свое. Может быть, она даже так понимала, что весь человек — это и есть один Антипыч с множеством лиц. И если одно лицо его отвернулось, то, может быть, скоро ее позовет к себе опять тот же Антипыч, только с другим лицом, и она этому лицу будет также верно служить, как тому...».

Травке дано «чуять беду человеческую». Собака подошла к рыдающей Насте, когда та опомнилась, что брата нет рядом. Но главная встреча произошла у Слепой елани. «Что думала Травка, глядя на маленького человечка в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас мы все разные. Для Травки все люди были как два человека — один Антипыч с разными лицами и другой человек — это враг Антипыча. Вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, ее это хозяин или враг его».

«Врагом человека» в книжке названо только одно живое существо — волк. Но реальность такова, что у единого со многими лицами «Антипыча» действительно могут быть враги. Сцена узнавания: враг или не враг это человеческое существо, тонущее в болоте, многое говорит юному читателю о высоких законах, управляющих миром и человеком.

«Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мертвые, но вдруг в них загорелся огонек, и вот это заметила Травка. "Скорее всего, это Антипыч", — подумала Травка».

Выбор ее решило *слово*, произнесенное маленьким человеком. Находясь в отчаянном положении, он напряг всю свою память и смог произнести *имя* собаки, каким назвал ее Антипыч в самом начале — Затравка.

«Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки на болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!». По произнесенному слову, по имени своему, данному Антипычем, Травка «узнала» в маленьком человеке своего хозяина и, не без человеческой хитрости и смекалки маленького «Антипыча», помогла ему выбраться.

Человек — это существо, обладающее даром *слова*, тот, кто *дает имена*. Весь мир дан ему в управление и царствование. Когда человек вспоминает об этом, ему начинает служить природа, а он достойно царствует в ней. Так и в этой сказке: собака помогла мальчику выбраться из трясины, а он освободил ее от самого заклятого врага — своего и всех друзей «Антипыча». С одного выстрела этот десятилетний мальчик уложил Серого помещика, гнавшегося за собакой. Человеку дана власть наводить порядок в своем царстве, чтобы стало оно царством любви, а не ненависти.

«Очень может быть, что тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу — собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем, эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь».

О многом еще поведал мудрый писатель в своей сказке-были. И о том, что с малого разногласия между людьми начинается большая беда, о том, что, поддавшись одному негативному чувству, человек открывает путь в свое сердце другим плохим чувствам. И вот уже хорошая девочка забывает (на время, конечно) о своем брате! «Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться. А вот теперь он ушел один неизвестно куда, а она и не помнит, что весь хлеб-то у нее, что любимый брат там где-то, в темном болоте, голодный идет. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется все больше». (Так потом Настенька сокрушалась о своей жадности, что всю

собранную клюкву отдала детям, эвакуированным из Ленинграда). Еще сказка показывает, как все взаимосвязано в природе: птицы приветствуют восход солнца, деревья тревожно шумят о детях, оказавшихся в опасности.

И еще сказка говорит: в жизни есть и опасная, трудно различимая неопытным взглядом бездна Слепой елани, и «палестинка», полная «сладкой ягоды» («сладкой», конечно, лишь в сравнении с осенней клюквой, не схваченной морозом). И в реальной жизни они часто соседствуют рядом, нужно только не сбиться с тропинки и идти там, где следами других людей, прошедших прежде, отмечено: здесь есть путь.

Знание о нравственных законах для всех поколений людей подобно этим тропкам, ведущим в обход Слепой елани к «палестинке», а далее — «на большую Переяславскую дорогу».

Образ мира и человека в этой нехитрой сказке во многом напоминает образ Человека и Мира (в философской работе с таким же названием «Человек и мир») младшего современника Михаила Пришвина Сергея Рубинштейна.

Русские люди, получившие образование в дореволюционной России, стремились сохранить и передать новым поколениям тот идеал, на котором они сами были воспитаны и имели возможность отразить его в своем творчестве, будь то сложнейший философский текст *главной* книги С. Л. Рубинштейна, над которой он (судя по его дневниковым записям) работал всю жизнь и которая увидела свет только спустя 13 лет после его смерти, или «простенькая» сказка.

Так в мир, который десятилетиями пытались перестроить по законам вражды, подозрительности и ненависти, входили эти (и другие немногие) работы, утверждавшие любовь человека к человеку и ответственность человека перед миром. И каждый утверждал эту истину на доступном ему языке. Писатель — на языке словесных образов. Ученый — на языке понятий и суждений.

Глава II КРЕСТЬЯНСКИЙ ИДЕАЛ

В предыдущей главе много говорилось о том, *как* менялся или сохранялся нравственный идеал у русских людей. Рассказывалось об этом на конкретных примерах: писателей, ученых, представителей других *сословий*. Но пока недостаточно было сказано о самом нравственном идеале.

Кто же, какие люди или класс людей могут выражать представления русских о нравственном идеале? Еще лет десять назад в общественном российском сознании присутствовало убеждение, что таким выразителем является *интеллигенция*, лучшие ее представители. Называлось имя Дмитрия Сергеевича Лихачева и еще несколько имен.

Дмитрий Сергеевич родился в 1906 году. Он был блестящим ученым и бесстрашным человеком, способным громко, в печати заступиться за попираемые национальные и культурные ценности, несмотря на то, что в студенческие годы он пережил репрессии и с 1928 по 1938 был в лагерях (в Соловецком и Беломорско-Балтийском).

Почти пять лет прошло с того дня, когда Дмитрия Сергеевича не стало¹. Найдутся ли еще имена, которые также почти безоговорочно многие, живущие в современной России, согласно назовут выразителем нравственного идеала? Люди высоко нравственные и духовные, конечно, есть, — в противном случае и судьба страны нашей была бы под вопросом. Существует в народе такое выражение: «не стоит село без праведника», т.е. если в селении, городе, стране нет ни одного праведного человека, то эти общности нежизнеспособны. Но когда речь заходит

¹ Этот день — 30 сентября, посвящен памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и их матери — Софии.

о конкретном лице, которое многие согласны принять за образец, воплотивший нравственный идеал народа, то на этот вопрос, пожалуй, ныне нет ответа. Собственно, то, о чем мы собираемся рассказать в этой книге, может служить частичным ответом. Частичным потому, что исследование *социальных представлений* предполагает выявление корпоративной специфичности представлений тех или иных социальных групп населения, отличающихся по возрасту, роду занятий, социальному статусу и т.п.

Однако в России всегда существовала общность, являющаяся выразителем национальных идеалов, правда, не всегда осознававшая себя в этой роли. Речь идет о крестьянах. Собственно, задачей интеллигенции — *разума нации* и было проведение работы по осознанию тех ценностей и смыслов, которые были накоплены русским народом.

Мир русской деревни

В прошлые века само слово *народ* в обыденном понимании означало прежде всего крестьян: дореволюционная Россия была аграрной страной, где большинство населения, включая помещиков, жили в деревне и имели отношение к земледельческому труду. И где рядовой состав армии также был из крестьян, а значительная часть работников фабрик и заводов составляли также крестьяне, приходящие на сезонный заработок.

Да и не в том только дело, что по количественному составу крестьяне преобладали над всеми другими российскими сословиями. Главное в том, что они испокон века, невзирая на исторические бури и потрясения, сохраняли и поддерживали в своей среде высокий образ нравственного идеала русских людей. Здесь та *почва*, которой питался не только выращиваемый крестьянами хлеб, но напитавшись которой, и наши писатели становились *русскими*, обретая способность участвовать в создании удивительной, неповторимой *русской литературы*. История становления гения Пушкина — одно из самых ярких тому доказательств.

В только что ушедшем XX веке группа сильных и хороших писателей в советской тогда России получила даже название *деревенщики*. Это те, кто рос и воспитывался в деревне, потом учился в городе, приобрел известность как писатель и *вспомнил* о своей малой родине, о земле, на которой вырос.

Валентин Распутин создает повесть «Прощание с Матерой», посвященную затопленному (в связи со строительством Братской ГЭС) Приангарью; Федор Абрамов — роман «Пряслины», о судьбе русского Севера; Виктор Астафьев — «Царь-рыбу», о Сибирских землях и реках, Владимир Белов — книгу «Лад»: размышления о нравственных ценностях и народной эстетике, основанные на детских воспоминаниях мальчика из Вятских земель... Нам представляется, что появление этих и еще многих других писателей-«деревенщиков» является тем положительным, что все-таки дала революция. Из деревни вышло в большую литературу поколение сильных, талантливых писателей, которые не понаслышке знали и голод, и тяжелый труд, несправедливость, пережили испытания, выпавшие на долю многострадальной деревни. Им удалось в художественных образах выразить многое, что сердцем почувствовали они на родной земле. Словно так *попрощались* они с нею («Прощание с Матерой»), *полюбовались* на нее («Лад»), поделились осознанием того, что и земля, и тайга, и речные воды зависят от соблюдения человеком *нравственного закона* («Царь-рыба»), что способна земля поддержать тружеников, но силы ее и людей, которые трудятся на ней, не бесконечны, *крестьянство* истощено почти до предела («Пряслины»).

И ученый-этнограф Мария Михайловна Громыко признается в своей книге «Мир русской деревни», что одной из причин, заставивших ее взяться за эту тему, является благодарная память о крестьянах Сибири, где прошло ее детство. М. М. Громыко замечает:

«Справедливость требует признать, что были и есть в советской гуманитарной науке авторы, а то и даже целые направления, исследования которых убедительно раскрыли разные стороны богатой духовной жизни крестьян. <...> Но такие труды выходят малыми тиражами, скрыты в очень специальных научных изданиях, рассыпаны по крупницам в разных областях науки. Громко опротестовали шельмование деревни сами крестьяне, ставшие большими писателями, гордостью русской литературы. Они вывели на свет главное — тонкий душевный мир человека из деревни»².

Здесь и далее указываются страницы по изданию: Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: «Молодая гвардия», 1991, с. 7.

Говорит Громыко и о «раскрестьянивании», происходившем на протяжении практически всех советских лет. Ее работа, к которой мы будем часто обращаться, посвящена культуре русских крестьян XVIII — XIX веков.

В самом конце XX века Институтом этнологии и антропологии РАН выпущен обширный и фундаментальный труд «Русские», где одна из глав называется «Духовная культура», включающая в себя раздел «Традиционный нравственный идеал и вера». М. М. Громыко, подготовившая этот раздел, отмечает:

«Основы нравственности формируются у каждого народа в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую и обширную часть духовной жизни. Нравственные ценности, тесно соединяясь с другими сторонами культуры, служили необходимой основой для многих и многих представлений и действий, взаимоотношений и творчества. Эта основа народной культуры включает уважительное отношение к старшим, заботу о стариках, детях, беспомощных родственниках; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятия чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое. Все связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий»³.

Исследование М. М. Громыко русской деревни XVIII — XIX веков основывается на многолетней работе в фондах 16-ти архивов страны. Она пишет:

«Сохранилось и лежит в архивах (а иные материалы опубликованы еще в прошлом веке) множество описаний современников, подробнейших ответов на программы различных научных обществ, решений общинных сходок, прошений, писем и других документов, по которым можно очень подробно представить жизнь старой деревни»⁴.

В связи с дальнейшим изложением следует сделать необходимое пояснение, касающееся темы нашей книги.

Все, что перечислила М. М. Громыко в качестве объектов изучения для своей науки (этнографии, антропологии), в то же время может быть объектом изучения психологии (этнопси-

хологии, исторической психологии). Нам представляется, что здесь речь идет об области, где пересекаются границы разных наук. И именно эти пограничные области (по мысли, высказанной в свое время академиком Несмеяновым) является наиболее эвристичными для развития науки в целом.

В данном случае этнология и этнопсихология не находятся в равноправном положении. Мы отдаем себе отчет в том, что этнография, с ее наработанными за века традициями и опытом, владеет самыми широкими возможностями в охвате этнографического материала, содержащегося в исторических документах, письмах. Среди источников достоверных сведений об обычаях наших предков, живших в конце XIX начале XX веков в разных регионах России, одно из главных мест занимают материалы, собранные тенишевским Этнографическим бюро. Эти уникальные материалы могут по праву рассматриваться как энциклопедия русской традиционной культуры. Князь В. Н. Тенишев основал Этнографическое бюро с целью сбора этнографических сведений о крестьянстве и горожанах. Были созданы программы сбора сведений с помощью внештатных корреспондентов. Реализована была «крестьянская» программа. Архив хранится в Российском этнографическом музее.

Особо следует остановиться на «корреспондентах». Ими были грамотные люди, жившие в данной местности. Как правило, они не были непосредственными участниками крестьянского быта (среди более полутора сотен корреспондентов было всего несколько крестьян), но они были *свидетелями* особенностей жизни крестьян. Исследователи архива И. Г. Киселева и Б. М. Фирсов называют такой способ сбора данных *методом включенного наблюдения*⁵. В описаниях содержатся интересные детали, жанровые сценки и т.п., представляющие самостоятельный интерес для психологического анализа.

Кроме этой, наиболее известной психологам Программы, существуют также архивы Географического общества и многие другие фонды, требующие кропотливой и квалифицированной работы с ними. И работу эту тщательно и самоотверженно ведут профессионалы — историки и этнографы.

³ Русские. М: Наука», 1997, с. 653-654.

⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: «Молодая гвардия», 1991. С.8.

Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя " - Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб, 1993

Что касается книги М. М. Громыко «Мир русской деревни», то ко всему добавляется лично окрашенное доверие автору, заявляющему: «...я готова за каждую строчку в ней нести ответ перед самым искушенным в исторических изысканиях профессионалом»⁶. Эту работу отличает широта охвата материала: от особенностей хозяйственной деятельности русского крестьянства на протяжении XVIII — XIX веков до ярких проявлений народной празднично-игровой культуры.

С такой широтой связано и второе наше отступление. Задача психологии, в частности, социальной психологии, состоит в том, чтобы максимально полно учитывать контекст — исторический, культурный, хозяйственный и др., в котором осуществляется деятельность человека, взаимодействие социальных слоев и групп. Однако сложившиеся методы психологического исследования для точности обработки данных требуют максимально абстрагироваться от такой конкретики. Обращение к работам и обобщениям, сделанным в смежных с психологией дисциплинах, позволяет вновь обрести те «детали», «мелочи», в которых очень часто содержится самое существенное для характеристики этноса (позднее мы вернемся к этой мысли, когда обратимся к работам японских психологов, успех которых во многом связан с вниманием к таким «мелочам»).

Обращение к архивным источникам позволяет исследователю развенчать некоторые представления о русском крестьянстве, прочно утвердившиеся в массовом сознании посредством учебников советского периода и других изданий. Это касается представления о «забитости» крестьянина, обусловленной «многолетним крепостным рабством». Громыко пишет: «Крепостные крестьяне составляли по стране в целом 34 процента населения. <...> Это сведения десятой ревизии, то есть переписи 1858 года. <...> В европейской части России крепостные крестьяне занимали 37 процентов населения, за Уралом их почти совсем не было. В составе крестьянства крепостные составляли половину (с колебанием примерно от 30 до 70 процентов по разным губерниям центра Европейской России)». Еще более определенно на протяжении всей книги она говорит о необоснованности утверждений

Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев, с. 9.

о «забитости» русского крестьянства⁷: «Прежде всего сам земледельческий труд — основа всей жизнедеятельности крестьянства — требует обширных познаний и большой квалификации в проведении разнообразных работ»⁸.

Вся практика крестьянского хозяйства отличалась гибкостью, приспособляемостью к конкретным условиям и вниманием к тончайшим деталям в обработке почв, в уходе за культурами, в сборе урожая. М. М. Громыко говорит об обширном и длительном коллективном опыте земледельцев, приспособленном к конкретной местности и постоянно проверяемом и улучшаемом опять-таки коллективно.

Наполненной жизненной силой, достоинством, умением трудиться и радоваться предстает русская деревня в этих архивных свидетельствах: «При благоприятных условиях уборка сена считается одною из приятнейших сельских работ. Время года, теплые ночи, купанье после утомительного зноя, благоуханный воздух лугов, — все это вместе имеет что-то обаятельное, отрадительно действующее на душу. Бабы и девки имеют обычай для работы в лугах надевать на себя не только чистое белье, но даже одеваться по праздничному. Для девок луг есть гульбище, на котором они, дружно работая граблями и сопровождая работу общей песней, рисуются перед женихами», — приводит М. М. Громыко наблюдение, принадлежащее Селиванову⁹ и продолжает:

«Лучшее праздничное платье ярких расцветок на общих покосах отмечено и в материалах по Орловскому уезду (Орловской губернии). Здесь на лугу составляли хороводы, играли на гармониках и пищинках или на жалейках (тростниковые дудочки). Особенное веселье молодежи начиналось, когда копнили: сначала сгребали сено в валы в сажень высотой, а затем группами катили эти валы под общую "Дубинушку" к тем местам, где предполагалось ставить копны. <...> Сенокос продолжался дней

Автору, детство которого прошло в сибирской деревне (о чем вспоминает М. М. Громыко), с подобной забитостью просто не было возможности встретиться.

Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев, с. 12.

Селиванов В. В. Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. w

двадцать, а то и растягивался на месяц, и соответствующий настрой сохранялся в течение всего этого времени»¹⁰.

Коллективный опыт, коллективный труд, в котором при жестком закреплении типа работы каждого (женщины готовят снесь, мужчины запрягают коней и т.п.) полно раскрываются творческие силы и способность радоваться. Честный и добросовестный труд — основа нравственных устоев общества. М. М. Громыко отмечает: «Во всех делах, связанных с жатвой и уборкой, сама атмосфера дружных совместных усилий воспитывала добросовестное отношение к работе». Совместный труд цементировал семью и она выступала как единый слаженный хозяйственный организм. Наличие домашнего скота делало необходимым осуществление постоянного ухода за ним, т.е. постоянное присутствие в доме кого-либо из членов семьи. «Любая крестьянская семья должна была заботиться и о скоте, без которого русский хлебопашец не мыслил свое хозяйство»¹¹.

Есть много работ, посвященных *дому* — символу единства семьи. Все эти символические элементы есть в русской избе. Один из авторов книги «Русские» (Л. Н. Чижикова) дает подробное описание этнографических особенностей строения дома у русских, проживавших в разных регионах страны, отмечая общие черты и смысловую нагрузку основных составляющих жилища:

«Примерно четвертую-пятую часть избы занимает духовая печь, широко известная как *русская*. Такие большие размеры печи практически были обусловлены той важной ролью, которую играла русская печь в жизни крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись (в центральных Приволжских районах), печью обогревали помещение, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур. <...> По диагонали от печи всегда был расположен передний угол (большой, *святой, красный*). <...> Здесь кроме ежедневных трапез совершались праздничные свадебные церемонии, проводы рекрута, крестины и похоронные обряды. Под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники, во время свадьбы — новобрачные»¹².

Изба, как живой организм, на небольшом своем пространстве (от 4 м x 4 м — до 5,5 м x 6,5 м) предоставляла места, четко закрепленные за каждой возрастной (старика — молодежь), статусной («большак», «большуха» и др.) и, как бы теперь сказали, «тендерной» группой (женский половина, мужская половина избы).

В избе хорошо освоено вертикальное измерение (полати, лежанка). Существует в ней и трансцендентное пространство, обозначенное иконами в красном углу — центр постоянной обращенности всей жизни семьи и завершения земной жизни человека (в красный угол ставят гроб с телом усопшего).

Крестьянская семья, какой она описана в книге М. М. Громыко, представляется неким земным идеалом, укорененным в вечности. Остановимся подробнее на этом описании, прежде чем перейти к тому, что традиционно относится к сфере нравственной психологии. Именно в семье коренятся нравственные основы всего общества (это утверждение аксиоматично даже для советской психологии).

«Из источников четко виден крестьянский взгляд на семью, как на важнейшее и неперемное условие жизни каждого крестьянина», — отмечает Громыко. «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином, — писали корреспонденты из Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. — На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто нецелое, отчасти с презрением». Холостой образ жизни считался отклонением от нормы, странностью. <...> Признание крестьянами роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека, преемственности поколений отразилось в многочисленных пословицах, широко бытовавших по всей территории расселения русских: холостой — полчеловека <...> ...муж жене отец, жена мужу венец»¹³.

Хозяйственный организм семьи был основан на четком, закреплённом веками исполнении каждым своего дела. В книге приводится запись о селе Давшине Ярославской губернии:

«Все в семействе твердо знают и опытом научены, что для счастья семейства необходимо, чтобы все повиновались одному

¹⁰ Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 39.

¹¹ Там же, с. 45.

Русские..., с. 180-181.

Там же, с. 170-171.

старшему, умнейшему и опытнейшему в семействе, от которого бы зависели все хозяйственные распоряжения»¹⁴.

Семья — это не только «хозяйственная» единица (о чем часто напоминали прежние учебники), а это то пространство, где живет любовь, подобно пламени в очаге, согревая весь дом. Громыко, ссылаясь на работу Иваницкого пишет:

«Сам народ признает в любви серьезное чувство, с которым нельзя шутить. На основании пословиц и разговоров с крестьянами он (Иваницкий — М.В.) утверждал, что для них "чувство любви — главный стимул, заставляющий человека трудиться и заботиться о приобретении собственности в виду будущего блага своей семьи"; "сердечные отношения между мужем и женой сохраняются до конца жизни"»¹⁵.

Мы тоже можем добавить к этой теме то, что удалось наблюдать в подмосковной деревне еще пару десятилетий назад. Это трогательно заботливые отношения взрослых детей из крепкой (как правило, многодетной) семьи к престарелым родителям и особое отношение всего семейства к маленьким детям. Младенцам не давали плакать, лаская их, а иногда не спуская с рук. Если молодые родители заняты или устали, то у стариков всегда находились душевные силы успокоить ребенка, «поговорить» с ним на его языке (подобную картину совсем недавно удалось наблюдать в Болгарии: болгарская мать или бабушка «не дают плакать» ребенку; такова многовековая традиция).

Ребенок впитывает любовь с самых первых мгновений жизни, и, став взрослым, он сможет уже этим сердечным теплом согреть других. Так свободно и естественно *воспроизводится* национальный характер. В случае семейного несчастья, потери кормильца забота о детях во многом брала на себя *общество*, т.е. крестьянская община. Громыко отмечает: «Мир особенно защищал обеспечение вдовы, оставшейся с малолетним сыном, видя в нем будущего хозяина»¹⁶.

Особая забота была о девушках. Семья и общество оберегали этих будущих мам, даже «баловали» их как детей: до замужества

¹⁴ Русские..., с. 173.

¹⁵ Там же, с. 170.

¹⁶ Там же, с. 176.

девицы работали только "на себя", то есть пряли, ткали, шили, вышивали свое приданое и свою девичью одежду.

М- М. Громыко говорит о нравственных качествах, присущих крестьянам: об уважительном отношении к старшим и заботе о стариках, детях, беспомощных родственниках; о милосердии в самых разных его проявлениях, о четко организованной традиции помощи и взаимопомощи, о трудолюбии, совестливом отношении к труду; о понятии чести и долга; твердости в выполнении взятых на себя обязательств. В этнографических материалах, упоминаемых в ее работах, деревня предстает наполненной разумной организацией хозяйства, быта, теплыми и прочными семейными связями. «Крестьяне между собой связаны не только общественным пользованием, но и родственными узами: не только ближние, но и дальние родственники интересуются судьбой семьи, и каждый родич готов помочь другому в затруднительную минуту» (свидетельство корреспондента из Самарской губернии, 1864 г.).

Помощь родственникам, односельчанам была четко организована и составляла твердую основу общей жизни села. Картина взаимопомощи выглядела так:

«Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимала почетное место в общественной жизни деревни. Она регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через общину. Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время сева, жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет. Особенно распространена была помощь погорельцам — и трудом, и деньгами»¹⁷.

В то же время, как отмечает М. М. Громыко, почти не встречаются описания помощи обедневшим крестьянам. Считалось, что хозяин сам виноват в том, что его дела пошатнулись и сам должен их исправить. Лень и тунеядство не поощрялись. Однако община могла, например, справиться свадебный убор бедной невесте.

Особое место в жизни крестьян занимали так называемые «помочи» — обычай приглашать знакомых людей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевает справиться

¹⁷

Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 73.

самостоятельно. По типу выполняемой работы помочи имели свои названия: дожинки (жатва), толока льна, навозница, вздымки (подъем сруба), печебитье, капустки.

«В больших селах на капустки собирались до 200 человек. <...> Помочами в один день обрабатывались до 5000 кочанов. Срок работы — один день — был постоянным, поэтому число капустниц зависело от запасов хозяина. После окончания работы хозяева приглашали всю молодежь в избу, где для капустниц был приготовлен ужин, за которым следовали песни, игры и пляски, продолжавшиеся до утра. На капустных вечерках пели обычно игровые песни»¹⁸.

Громыко замечает, что благодаря взаимопомощи многие трудные дела превращались в праздник. В описании отмечается приподнятое настроение помочан — смех, шутки, остроты.

«"Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока — чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи". <...> Праздничная обстановка дополнялась тем, что лошадей "убирали в самую лучшую сбрую" и надевали на них ошейники с бубенцами. Парни и девушки, правившие лошадьми, устраивали состязания в скорости, когда возвращались с поля порожняком. "Так что это время, — по замечанию наблюдателя, — напоминает масленицу"»¹⁹.

Говорится и о нравственной стороне помочи — хотя труд этот не был обязательным, но отказов помочь практически не наблюдалось. Помочи были взаимными, коллективными, с закрепленным традицией составом участников; мужчин (печебитье, вздымки), женщин (капустки), девушек (супрядки), всех групп трудоспособных односельчан (навозница).

«Обыкновенным явлением» было помочь погорельцу. Корреспонденты из Новгородской губернии отмечали, что здесь «не найдется ни одного, просящего милостыню». «В Крестецком уезде этой же губернии (Заозерская волость, 1879 год) "в случае постигшего домохозяина несчастья, например, пожара, мир дает бесплатно лес для постройки; если кто заболет, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено

И т.п.; на работу должны идти все; не желающего может принудить староста". <...> Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревцев, под предлогом недостатка лошадей, отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам; но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Тульская губерния, 1879 год).

Да и не столько под давлением «мира», т.е. сельской общины, был всегда русский крестьянин открыт для оказания помощи другим людям, сколько по своей сердечной потребности, обратившейся в естественное, привычное дело и душевное устроение. Милосердие («сердечная милость», т.е. сочувствие, сострадание, жалость) составляло основу национального характера. В книге с мире русской деревни свидетельствам этнографических источников о проявлениях милосердия посвящен специальный параграф.

Они удивительны, эти свидетельства. Но нам, при таком обильном цитировании сведений и фактов, собранных другим автором и в другой области науки, пора уже пояснить свой взгляд на проблему. Итак, многие из приведенных М. М. Громыко фактов теперь кажутся удивительными и почти невозможными. Привычны въевшиеся в школьную память сведения об «отсталости» и «забитости» русских крестьян. Мы не сомневаемся, что в этнографических материалах можно найти свидетельства, подтверждающие факты косности деревни (ведь удавалось же их находить составителям учебников советского периода!). Однако все дело в *исследовательском методе*. Метод, которым вооружена автор работ о мире русской деревни, сочетает в себе два качества, крайне редко встречающихся вместе. Это тщательное, многолетнее и максимально полное изучение источников (этнографических материалов, содержащихся в архивах, а также собранных при непосредственном участии исследователя) и эмоциональная, сердечная включенность в проблему. Несколько фраз, оброненных в книге о сибирской родине, позволяют предположить, что автор тоже, в своем роде «деревенщик», только не из писателей-деревенщиков, а, скажем так: «ученый-деревенщик»...

Аргументация важности этого второго момента достаточно Хорошо замечена самой М. М. Громыко, когда она упоминает

Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 81.

Там же, с. 79.

«деревенщиков»-писателей. Это «свидетельство» близких людей о родном существе (деревне, «малой родине...»), вырастившем их, напитавшем их душевный мир своими соками (образами, примерами...) и стремительно исчезающем буквально на глазах одного-двух поколений. ТОЙ деревни уже почти нет. Но увидеть, описать, донести до других свои свидетельства об этом близком и родном существе могут живые личности, воспитанные деревней, обученные городом и достигшие определенных вершин в своем новом ремесле писателя или ученого. Это работа по осознанию ценностей русского народа, исходящая из самих глубин народа. Представляется, что крестьянство на исходе своего «раскрестьянивания» (термин, использованный и в книге Громыко), «снарядило» своих потомков на новый «промысел» (в писатели, ученые), чтобы они составили свидетельства для других поколений русских людей, чтобы те не окончательно утратили свою «русскость», т.е., прежде всего нравственные ценности народа. А свидетельства эти говорят об *открытости* русских людей другим культурам и народам.

Свидетельства о доброте русской деревни М. М. Громыко находит в источниках XVIII — XIX веков. Вот некоторые из них:

«Все крестьяне нашей местности, — писал в конце XIX века Ф. А. Костин из деревни Мешковой Орловского уезда, — к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь как советом, так и делом". Каждый крестьянин, отмечал он далее, "считает за счастье", если у него поселится погоревший сосед. Беспрекословно брали скотину погоревшего к себе на двор, давали ему свою лошадь. Брать с погорельца деньги за помощь "считается большой грех и срам". <...> "...нищему никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге", — сообщали из Вельского уезда Вологодской губернии. "Нищие в редком доме получают отказ", — утверждал информатор из Пошехонского уезда Ярославской губернии. <...> "Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему. Это свойство крестьян особенно похвально потому, что бедные семейства, до какой бы крайности ни доходили, никогда не решаются нищенствовать, но стараются или взять взаимобразно, или пропитываться трудами рук своих, и из этого-то слезового куска они никогда не отказывают страннику-нищему"» (из рассказов по Тульской губернии, 1849 г.). А вот богатый, но скупой не пользовался уважением. «Существовал обычай навещать заключенных в тюрьмах и одаривать их гостинцами, особенно в большие праздники. <...> У сибирского крестьянства

вообще существовал обычай подавать милостыню (хлеб, монеты) всем арестантам, шедшим по сибирским дорогам в сопровождении конвоя»²⁰.

Громыко пишет о готовности крестьян оказать милостыню «как по конкретному, закрепленному традицией поводу, так и при неожиданно, стихийно возникающей просьбе».

Продолжая наше отступление, начатое выше, следует отметить еще одну особенность такого метода обобщения материала и выявления основных — «формообразующих» (Флоренский), а не случайных, внешних фактов. Кроме двух условий, отмеченных нами ранее — широте охвата материала и искренней, сердечной включенности в тему, М. М. Громыко нередко обращается к свидетельствам русских писателей: Пушкина, Аксакова, Крылова... Здесь уместно привести такую мысль Павла Флоренского:

«Художественные типы — это глубокие обобщения действительности; хотя и подсознательные, но чрезвычайно общие и чрезвычайно точные наведения. Художественный тип сгущает восприятие и потому правдивее самой жизненной правды и реальнее самой действительности. Раз открытый, художественный тип входит в наше сознание как новая категория мироприятия и миропонимания...»²¹.

М. М. Громыко приводит свидетельство одного великого русского писателя о другом:

«Гоголь подчеркивает «истинно русский ум» Крылова, «умеющий найти законную середину всякой вещи». И далее: «Только в Крылове отразился верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит выраженьем и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, — одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования и который сохранился доселе у нашего крестьянина. Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия...»²².

Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 92.

Священник Павел Флоренский. Имена. М.: «Купина», 1993, с. 24.

Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 94 — 95.

Громыко отмечает, что русским крестьянам было присуще высокое чувство личного достоинства, предвзято само обсуждение этой темы (о чести и достоинстве крестьянства) замечанием: «В этом вопросе я предвижу наиболее ожесточенные возражения оппонентов»²³.

В понятие честного, порядочного человека крестьяне вкладывали очень богатое и предельно ясное содержание: это человек, который держит данное им слово, не обманывает, добросовестен в труде. «Всякий порядочный крестьянин старается держать данное им слово: нарушать его он считает нечестным», — писал А.В. Балов на основании собственных наблюдений в Ярославской губернии.

«Всякий крестьянин, оберегающий свою честь, старается не быть никогда не только замешанным в какое-либо преступление, но даже и заподозренным в нем. Он никогда не согласится ни на плутни, ни на обман, хотя бы это было допущено в торговле».

Балову вторил С.Я. Дерунов, собиравший материал в Пошехонском уезде этой же губернии:

«Понятие чести у крестьянина непременно соединялось с сознанием честного выполнения своего долга — в труде, в исполнении взятых на себя обязательств. Оно включало также правдивость и исключало способность наносить несправедливые обиды»²⁴.

В артелях, уходящих на промысел, особенно ярко проявлялись такие черты нравственного облика крестьянина как товарищеская взаимопомощь в беде, честность, товарищеская надежность, выполнение при любых обстоятельствах взятых на себя обязательств. Общественное мнение воспитывало верность товарищу, резко осуждая всякого, кто нарушал эту этическую норму.

Кроме того понятие чести у крестьян включало в себя для мужчин «отсутствие оснований для оскорблений и умение ответить на незаслуженные поношения», для девушек — чистоту, для женщин — верность.

23 Громыко М. М. Мир русской деревни, с. 94.¹

²⁴ Там же, с. 95.

«Очень четко выступает из многочисленных и разнообразных источников XVIII — XIX веков решительное осуждение русским крестьянством добрых связей. Если такое и случалось, то как исключение, и всегда и повсеместно встречало отрицательную оценку общественного мнения деревни. <...> Предосудительной считалась и супружеская неверность»²⁵.

Репутация для крестьянина была очень важна. Община («мир») составляла представление о человеке, исходя из совокупности его поступков, поведения, поскольку вся жизнь членов общины проходила на глазах друг у друга. Община решала и некоторые вопросы юридического порядка.

Увидеть, какими словами принято было описывать человека образцовых нравственных качеств позволяют подлинные документы того времени, приводимые на страницах книги Громыко. Так выборным должностным лицам после окончания срока и* полномочий выдавался как поощрение за хорошую работу аттестат, содержащий характеристику человека, честно и добросовестно исполнившего свою должность. Приводится несколько образцов таких характеристик, выданных разным лицам. Одна из них дается полностью, со всеми особенностями орфографии:

«Аттестат дан сей от Бийского волостного правления находившемуся в волосте в 1820 году старостой Леонтию Федорову Фефелову в том, что в бытности его в управлении сей должности вел себя добропорядочно, с подчиненными ему обходился благопристойно, ласково и снисходительно, в разбирательстве наблюдал долг присяги, назначенных от сей волости рекрут к начальству представлял и сдал как их самих равно и следующие на оных на одежду и обувь и прочее поставление деньги исправно, предобиженьев никому не чинил и жалоб на него нам ни от кого не принесено, почему и заслужил себе справедливую от общества благодарность, которого впредь принимать в мирских светах за достойного в чести человека, во уверение чего мы прикладываем свои печати января 8 дня 1821 года»²⁶.

Крестьяне заботились о репутации рода («хороший род», «худой род») и всей общины: существовала оценка селения в целом по общепринятой шкале нравственных ценностей, и о ней-то

Там же, с. 96.

Там же, с. 103.

нередко проявляла озабоченность община в ходе обсуждения на сходке тех или иных вопросов.

М. М. Громыко замечает:

«Все связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий. А цельность народной нравственности определялась у русских крестьян православной верой. К ней восходили прямо или косвенно все оценки и утверждения в этой области. Нравственные понятия передавались из поколения в поколение. Но, кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства»²⁷.

Воспитание детей было организовано в прямом смысле слова как «трудовое воспитание», в результате которого должен был к 18 — 20 годам (для юношей) или к 16 — 18 годам (для девушек) вырасти ответственный взрослый человек, способный управляться со сложным крестьянским хозяйством и быть в готовом к образованию новой семьи. Дети начинали участвовать в занятиях старших очень рано, сначала наблюдая, играя, а затем и помогая в каких-то определенных делах, постепенно овладевая навыками в закрепленные традицией сроки, причем трудовое воспитание мальчиков было обязанностью отца (или других взрослых мужчин семьи).

«Мальчиков начинали приучать к работе с 9 лет <...> Первые поручения были — летом стеречь лошадей, загонять свою скотину из общего стада на двор, пригонять гусей и т.п. С 11 лет обучали садиться верхом на лошадь <...> На четырнадцатом году на Орловщине начинали учить пахать, брали на сенокос подгрести сено, поручали водить лошадей в луга. На семнадцатом году подростки учились косить: сначала только чечевицу и некоторые другие культуры. А на восемнадцатом — траву, рожь, овес. И только на девятнадцатом году их допускали навивать на возы сено и зерновые: здесь требовалась мужская сила. <...> Полноценным работником он считался на двадцатом году, хотя с восемнадцати лет мог быть женихом и имел право участвовать в сходках своей общины»

Свои, четко определенные традицией периоды обучения были у девушек, и за это отвечали мать или другие взрослые

²⁷ Громыко М. М. Мир русской деревни, с. 72.

²⁸ Там же, с. 106-107.

ясенгинцы семьи. Лень, неумелость всячески порицались. Если девушка к 17 — 18-ти годам не научилась ткать, то ее называли «неткаха», если не умела прясть — «непряха» и т.п.

«... мнение односельчан о девушке как о работнице, непременно учитывающееся при выборе невесты, складывалось не только при наблюдении за ее работой. У всех на виду была ее одежда собственного изготовления, украшенная в праздничные дни сложным рукоделием»²⁹.

Но главным в воспитании было духовно-нравственное образование, прививаемое путем участия в годовом ритме календарных праздников и соблюдения постов. Громыко замечает:

«Вся эта система представлений и норм поведения, связанных с постами, имела большое значение для развития внутренней, нравственной дисциплины, для совершенствования силы воли, умения ограничивать себя, соблюсти запрет. Дети с малых лет учились понимать, что не все, что хочется, дозволено. Воспитывалось понятие о превосходстве духовного начала в человеке над телесным. Считалось, что человек тем и отличается от животного, что «сила духа в нем позволяет одолеть хотение»³⁰.

Образцы нравственного поведения давали жития святых. М. М. Громыко замечает, что устное предание о «простолюднике» Февронии, ставшей княгиней и святой, сохраняется в деревне Ласковой и в наши дни.

Святость

Высок идеал у русских людей. Не уместается он в земные границы. Весь жизненный путь видится в свете этого идеала как путь духовно-нравственного возрастания — *лестницы*, ступени которой ведут от временного нашего мира к Вечности.

Но и близок сердцу русского человека этот идеал. Памятью о святых подвижниках наполнена земля. Это такие же люди, которые жили здесь. Отличает их то, что они до конца исполнили *закон Христов*, то есть были настоящими христианами (слово *крестьяне* этимологически и происходит от слова *христиане*).

²⁹ Там же, с. 107.

Там же, с. 115.

Еще Н. Лосский в работе «Характер русского народа» приводит свидетельства религиозности у русских, относящиеся к периоду, предшествующему революции. Вот одно из них: Р. Райт в книге "Русские"³¹ утверждает, что религия есть основа жизни России, пульс ее: забота не о теперешней, а о небесной жизни³². О стремлении русских людей к «иному царству» — царству «не от мира сего» говорит князь Евгений Трубецкой³³.

М. М. Громыко отмечает:

«Непременным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян, считалась вера. Судили о ней по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно — по степени выполнения нравственных норм в целом»³⁴.

Крестьянская семья выступала хранительницей традиций. Семья, которая отличалась особенно благочестивым образом жизни, оказывала заметное влияние на духовный настрой всего сельского прихода. Многие из монахов, по происхождению своему, были из крестьян.

«Далеко в округе распространялась слава крестьянина-пустынника, праведника, поселившегося на краю деревни или в стороне от нее в землянке или маленькой избенке, ведшего, по общему мнению, праведный образ жизни, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления, беседовавшего на эти темы. <...> К числу добродетелей такого старика крестьяне относили то, что "обида сносит смиренно, сам никого не обидит"»³⁵.

В главе «Просить прощения» М. М. Громыко подробно описывает, как в семьях и крестьянских общинах было принято просить прощения перед дальней дорогой, в особые дни перед началом постов, в дни говения — перед исповедью.

«Человек, который затаил обиду и собирается мстить за нее, не встречал сочувствия в крестьянской среде. "Мшения русский

³¹ Wright R. "The Russians", 1917.

³² Лосский Н. Характер русского народа. Кн. первая. Frankfurt, Мам, 1957, с. 20.

³³ Трубецкой Е. Избранное. М.: «Канон», 1995.

³⁴ Громыко М. М. Мир русской деревни, с. 111.

³⁵ Там же, с. 122.

народ почти не принимает", — записал С. Я. Дерунов, один из внимательных собирателей этнографических материалов, в конце XIX века. В умении простить некоторые крестьяне достигали больших нравственных высот. Признавали либо непосредственную и открытую реакцию на обиду, либо прощение вины. <...> Заметным средством очищения нравственной обстановки в деревне служили обычаи просить прощения при определенных обстоятельствах. Обычаи эти были приняты как в личных и внутрисемейных делах, так и в общине в целом»³⁶.

В связи с темой «праздники» М. М. Громыко замечает, что, к сожалению, в современных представлениях о Масленице утрачен обычай просить прощения, в прежние годы имевший большое распространение:

«У обычаев просить друг у друга прощение в конце Масленицы в разных краях России сложились свои особенности, свой склад, но суть всюду была одна — нравственное очищение через примирение, через взаимное прощение прегрешений»³⁷.

Известна храбрость, сила и смелость русского человека. И на этой мощной основе веками нарабатывались такие *тихие* качества, как умение от всего сердца простить обидчика, не озлобиться ни при каких обстоятельствах. Сочетанием этих разных свойств, возможно, и стало то, что можно назвать *русским характером*.

Когда начавшийся революцией и «красным террором» XX век организовал самые жесткие и жестокие испытания способности простить обидчикам, тогда Патриарх Тихон воззвал:

«Чадца мои! Пусть слабостью кажется иным эта святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть «невместимо», «жестоко» кажется омирщенному пониманию радость, черпающая себе источник в страданиях за Христа, — но мы умоляем вас, умоляем всех наших православных чад не отходить от этой единственно спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного

³⁶ Там же, с. 126.

³⁷ Там же, с. 128.

нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщения. Не омрачайте подвига своего христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия Церкви, которое бы унизило ее и принизило бы вас до уровня действия ее хулителей. Убереги, Господи, нашу Православную Русь от такого ужаса».

Ныне Патриарх Тихон прославлен в лике святых земли Российской. Те многие тысячи людей, которым довелось встретиться с ним, своими глазами видели святого.

Святость в Православной Церкви означает сочетание, по житейским меркам, «несочетаемого»: пока человек живет на земле, то как бы праведен он ни был, до тех пор, пока жизнь его не завершена, нельзя еще говорить о святости. Святость — это «не от мира сего». Все вершит конец жизни. Смерть называют «рождением в жизнь вечную». В народе, отличавшемся любовью к житийной литературе, пересказывали поучительные истории о праведной смерти святых людей, которые до последнего момента считали себя «великими грешниками». Так уберегались они от самого страшного греха — гордыни.

В спокойном еще XIX веке, когда только зрели те беды, которые обрушились на русскую землю в веке XX, было в обычае у народа ходить на богомолье по святым местам, связанным с жизнью христианских подвижников. Богомолье, странничество давали образ жизни человека как образ пути к святости.

«Мы — на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы.

И все мне кажется особенным. Небо — как на святых картинках, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая: называется — Троицкая. И люди ласковые такие, все поминают Господа: «Довел бы Господь к Угоднику», «Пошли вам Господи!» — будто мы все родные».

Это отрывок из повести Ивана Шмелева «Богомолье»³⁸, основанной на детских воспоминаниях писателя. В его книгах действуют те же крестьяне, только поднявшиеся на ступеньку по социальной лестнице купеческой Москвы второй половины XIX века. Отец Шмелева, хотя и купец, а трудится от зари до зари. А *святой* (таким запомнил его писатель) старичок Горкин

родом из деревни, о которой все время вспоминает, а в Москве он плотничает, да за хозяйством присматривает. Горкин так объясняет, зачем человеку богомолье:

« — Так и человек. Родится дите чистое, хорошее, ангельская душка. А потом и обгрязнится, черная станет да вонючая, до смрада. У Бога все хорошее, все-то новенькое да чистенькое... а сами себя поганим! Всякая душа, ну... как цветик полевой-духовитый. Ну, она, понятно, и чует — поганая она стала, — и тошно ей. Вот и потянет ее в баньку духовную <...> Потому и идем к Преподобному — пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи-вони...»³⁹.

И преподобный Сергей, и родители его воспринимаются как живые. Так построена речь (по детской памяти). Святые *реально присутствуют* в народном сознании и участвуют в жизни людей. РС ним обращаются с просьбами, молитвами. Свидетельства о том, что святой *слышит* молитвы, передаются как предание из уст в уста. И маленький Ваня Шмелев оказался свидетелем двух исцелений, которые тихо и как-то ненавязчиво происходили у него на глазах со встреченными на «богомольной» дороге больными: молодой женщиной, у которой произошло расстройство сознания из-за погибшего («заспала») младенчика, и парализованным в результате травмы молодым мужчиной. Ожиданием помощи святого, верой и надеждой на исцеление наполняются мысли и чувства многих богомольцев, сострадающих несчастным.

Детские воспоминания о богомолье наполнены чудом: чудесна сама природа, небо, чудесно житие преподобного Сергия Радонежского, о котором мальчик много слышал от Горкина. Преподобный, то есть тот, кто восстановил подвигом своей жизни образ-подобие человека Творцу, восстанавливает и достоинство человека как царя природы. Поэтому и дикий медведь служит преподобному, и источник воды бьет на горе по молитве преподобного, и темный лес («пустынь») становится градом Божиим на земле...

Встречаются богомольцы и с современным им подвижником. Это старец Варнава Гефсиманский (ныне прославленный в лике святых).

Там же, с. 165-166.

³⁸ Шмелев И. Богомолье. В кн. «Иван Шмелев. Лето Господне». М. «Молодая гвардия», 1991, с. 153.

«Едем прудами, по плотине, на пещерки к Черниговской — благословляться у батюшки Варнавы <...> А мне и без того страшно — увидеть святого человека! Все думаю: душеньку мою чуёт, все грехи узнает. Тишина святая, кукушку слышно. Анята жметя и шепчет мне:

— Семитку со свечек утаила у бабушки... он-то узнает ну-ка?
Я говорю Аняте:

— Узнает беспрерывно, святой человек... отдай лучше бабушке, от греха.

<...> Идем к воротам и слышим — зовет нас кто-то:

— Московские, стойте!

Горкин и говорит: «Аведь это батюшка нас кличет!» Бежим к нему, а он и говорит Горкину:

— А, голубь сизокрылый... благословляю вас, московские.

Ласковый такой, и совсем мне его не страшно. Горкин тянет меня за руку на ступеньку и говорит:

— Вот, батюшка родной, младенчик-то... привести-то его сказали.

Батюшка Варнава и говорит ласково:

— Молитвы поешь... пой, пой.

И кажется мне, что из глаз его струится свет. Вижу его серенькую бородку, острую шапочку — скуфейку, светлое, доброе лицо, подрясник, закапанный густо воском. Мне хорошо от ласки, глаза мои наливаются слезами, и я, не помня себя, трогаю пальцем воск, царапаю ноготком подрясник. Он кладет мне на голову руку и говорит:

— А это... ишь любопытный какой... пчелки со мной молились, слезки их это светлые... — И показывает на восковинки. — Звать-то тебя как, милый? <...> — Смотрит ласково, и как-то грустно в мое лицо и опять торопливо повторяет:

— А моему... крестик, крестик... — И дает мне маленький кипарисовый крестик — благословение. <...> Я гляжу через наплывающие слезы, сквозь стеклянные струйки в воздухе, которые растекаются на пленки, лопаются, сквозят, сверкают. Там, где крылечко, ярко сияет солнце, и в нем, как в слепящем свете, — благословляет батюшка Варнава»⁴⁰.

Свидетельство о том, как простой народ встречал Оптинских старцев, оставил Ф. М. Достоевский в книге «Братья Карамазовы»:

«Про старца Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, — до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово. Но при этом Алеша почти всегда замечал, что многие, почти все, приходившие в первый раз к старцу на уединенную беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось в счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то, что старец был вовсе не строг; напротив был всегда почти весел в обхождении. <...>

Особенно же дрожало у него сердце, и весь как бы сиял он, когда старец выходил к толпе ожидавших его выхода у врат скита богомольцев из простого народа, нарочно, чтобы видеть старца и благословиться у него стекавшегося со всей России. <...> Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что они его так любят, за что они повергаются перед ним и плачут от умиления, завидев лишь лицо его. О, он отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученного трудом и горем, а главное, всегдашнюю несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему: «Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано». Знал Алеша, что так именно и чувствует и даже рассуждает народ, он понимал это, но то, что старец именно и есть этот самый святой, этот хранитель Божьей правды в глазах народа — в этом он не сомневался...»⁴¹.

Прообразом старца Зосимы был Амвросий Оптинский (ныне Прославлен в лике святых). Достоевский описывает, как стремится народ увидеть святого, спросить у него совета о самых трудных и самых простых житейских делах, и пересказывает

Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы». В кн.: Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 т. Т. 9, М.: Гос. Изд-во Художественной литературы, 1958, с. 40-42.

⁴⁰ Шмелев И. Богомолье, с. 242 -243.

истории, свидетельства о которых сохранились в других воспоминаниях об отце Амвросии. Одна из них связана с удивлением человека, услышавшего подробное объяснение старца женщине, занимающейся разведением индюшек, как нужно ухаживать за птицами. Когда женщина отошла, отец Амвросий объяснил этому человеку, что для нее, возможно, в этих индюшках вся жизнь, а отвечать надо о том, что действительно важно для другого, а не навязывать то, что представляется важным тебе (таков довольно вольный наш пересказ этого случая). Другая ситуация, описанная Достоевским, касалась его самого и его супруги. Умер их младенец, и безутешные родители пришли к старцу за утешением. Но он не стал их «утешать», а сказал, что в горе потери ребенка нет утешения, «разрешил» плакать, а с этими слезами пришло и облегчение и возможность услышать слова старца, наполненные любовью и сочувствием.

Так, видимо, и Гефсиманский старец Варнава, повторяя слово «крестики» и давая «младенчику» — шестилетнему Ване Шмелеву — крестик, подсказывал ему с любовью и состраданием необходимость быть готовым к страданиям («нести крест» — крест раннего сиротства, изгнничества и гибели единственного сына).

Люди с обостренной духовной интуицией, старцы (т.е. духовно опытные) задолго до революции видели, в каком направлении развивалась судьба России. Воспоминания, письма сохранили их предостережения об испытаниях и страданиях, которые коснутся всего народа⁴². Но и позднее, когда послереволюционные беды затронули большинство людей, внутренний поиск духовно-нравственной опоры рождал образ-представление о святом, подобно невидимому граду Китежу, скрытом от гонителей.

Свои воспоминания о Соловецкой каторге писатель Борис Ширяев назвал «Неугасимая лампада». Через описание ужаса и страданий ГУЛАГа проходит тема схимника, оставшегося на острове и продолжающего молиться у неугасимой лампады.

Разговаривают два заключенных:

«— Так вот... ты о схимнике, последнем русском молчальнике, что и теперь еще здесь в дebre живет, слышал?»

⁴² См., например, «Россия перед вторым пришествием» (начиная с начала 90-х годов XX века книга переиздавалась неоднократно не только в России, но и на Украине).

— Кто же об этом феномене не знает? Ну?

— Говорят <...> сначала монахи скрывали схимника, но, конечно, дознались чекисты и доложили Ногтеву. Тот спьяну обрадовался: "Вот какая петрушка! Самонастоящий святой человек у меня на острове! Поеду к нему и водки с ним выпью! Антиресно!" <...> Набрали водки, колбасы. Поехали к землянке. Ногтев вышиб ногою дверь, вваливается, размахивает бутылкой. "Святой опиум! Разговеться пора! Отменили твоего Бога!". Наливает стакан и подает схимнику, а тот с колен поднялся и, ни слова не говоря, земной поклон Ногтеву...как покойнику... потом опять к аналою стал. <...> Тут Ногтев с лица спал, перекорезило его. Вдвери повернулся: "Душу мою, отец, помяни..." <...> Факт тот, что Ногтев не только оставил схимника в землянке, но и на паек его зачислил и службу к нему из монахов приставил. <...>

— А ты его видел? <...> Схимника этого видел?

— Раз, случайно. Мельком.

— Расскажи.

— Я с Анзера от переправы ночью пешком шел. <...> Вот, раз осенью, возвращаясь ночью, я сбился с дороги. Пру по папоротникам каким-то — ничего не видать! Вплотную на землянку наскочил и только тогда свет в оконце заметил. Маленькое оконце, в одну шибку. Заглянул — лампада! Я догадался: схимник. Смотрю в окошечко, а войти боюсь. Не стесняюсь, не деликатничаю, а боюсь. Когда присмотрелся, вижу гроб на скамье, а перед лампадой — образ. Лица не разбираю, но знаю, что Спас! Другого не может быть. Вспыхнет лампадка — блеснет, прояснится, качнет ветер — снова тьма... А у самого схимника я сперва только бороду увидел. Длинная, седая... вверх и вниз ходит... Это он кланялся. Так я к нему и не вошел, и всю ночь до утра у окошка простоял. Присмотрелся, ясно стал различать и епитрахиль с черепами и тулуп под нею. Стоял и смотрел. А он молился, поклоны клал. До утра⁴³.

Самые высокие образцы нравственности на Руси являли собою подобие Первообразу. Есть особенно почитаемый в нашем народе **чин** святости — преподобные. Монашествующие, странники, юродивые Христа ради, просто нищелюбивые и добрые миряне всегда пользовались у нас особой любовью. Они поддерживали высокий образец нравственности, являя собою пример для тех, кто видел их или слышал о них. Нравственный закон запечатлевался не только в их словах, делах, но и в самом облике.

Ширяев Б. Неугасимая лампада. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2000, с. 360-364.

Хотя бы отдаленное представление о том, как образ подвижника воздействовал на других людей, может дать относительно недавнее воспоминание, принадлежащее О. Н. Вышеславцевой.

Дело происходит в начале 60-х годов прошлого века. Ольга Николаевна рассказывает о своем пребывании в монастыре: известной еще до революции Глинской пустыни, славившейся своими подвижниками, а в те годы вновь открывшейся на небольшое время. И вот, возвращаясь домой, паломница сидела в вагоне поезда, вся погруженная в воспоминания о Глинской.

«Вдруг с шумом раскрывается дверь, влетает авоська, затем въезжает огромный чемодан, а на диван в полном изнеможении плюхается девушка лет 18-ти, страшно неискусно накрашенная, с торчащим во все стороны перманентом. Я ласково заговариваю с ней, предлагаю чаю, монастырского хлеба. Она ест молча, не спуская с меня глаз. Потом неожиданно спрашивает:

— Откуда вы едете?

— Из гостей.

— Нет, этого не может быть. Из командировки? Нет, не похоже. Из санатория? Нет. Ну скажите мне, пожалуйста, мне очень надо знать, откуда вы едете.

— Хорошо, я скажу, только вам это будет непонятно. Я еду из монастыря.

— Я так и знала, что из необыкновенного места!

Она вдруг вскочила и убежала куда-то. Вернулась умытая, без косметики, волосы смочены и аккуратно подобраны.

— Я сейчас все вам расскажу про свою жизнь!

И она рассказала мне, что отец ее погиб на фронте, а мать во время бомбежки, когда ей было 6 лет. Ее отправили в детдом для сирот погибших. Когда она была в четвертом классе, они с ребятами ходили за ягодами из интерната. И вот однажды они увидели в лесу монаха в рясе. Он молился... До самой осени ребята встречались со старичком-монахом... А осенью крестил всех детишек в Оке, но должен был уйти, не мог больше оставаться в тех местах. Напоследок долго беседовал с ребятами, учил их быть братьями и сестрами, никогда не оставлять друг друга, переписываться, если разлучат. Это был его завет.

— И знаете, как мы его выполняли! — горячо сказала моя новая знакомая. И добавила: — Авдьян очень похож на вас, что-то у вас в лице есть то же, что и у него.

О. Н. Вышеславцева заключает: «Образ старого монаха все эти годы сиял где-то в глубине ее души, и теперь она уловила

отблеск того света, которым наделяла Глинская пустынь своих паломников»⁴⁴.

Судьба Глинской пустыни тесно связана с Кавказом. Когда монастырь вновь закрыли в период хрущевских гонений, некоторые старцы перебрались в труднодоступные места Кавказских гор.

Историю, похожую на описанную Борисом Ширяевым, приводит в своей книге современный автор архимандрит Рафаил:

«Из Шиомгвимского монастыря вывезли всех монахов и заперли их в метехском храме, превращенном в тюрьму. Часть из них расстреляли, других сослали, остальных же — и в их числе был отец Парфений — после допросов и издевательств выпустили на свободу. Так началась для него одиссея странствий из одного заброшенного монастыря в другой, где ему приходилось скрываться как зверю от охотников, и там его ловили, избивали или бросали в тюрьму. Недавно ко мне подошел житель Мцхета и сказал: <...> "Однажды я со своими друзьями охотился в горах Дзегви. Там стоит монастырь во имя Святой Троицы, уже давно покинутый и разоренный. Мы не ожидали встретить там ни одной человеческой души и вдруг, глубокой ночью, увидели свет, который горел в домике около храма. Мы были уставшие и решили переночевать там. Дверь была открыта, и мы вошли внутрь и увидели монаха, который стоял на молитве. Услышав наши шаги, он повернулся к нам. У него не было ничего, кроме сухарей и нескольких картофелин, но узнав, что мы голодны, он сварил нам весь картофель, который был у него, и предложил эту трапезу. Потом он указал на войлок, лежавший на полу, где мы могли бы прилечь, а сам продолжал молиться. Мы были одеты в бурки, так что холод не был страшен для нас. Мы были рады крыше над головой и наутро, поблагодарив его, ушли. Я думал: какая сила заставила этого человека переносить холод, голод и ожидание, что его схватят, как преступника, бросят в тюрьму и расстреляют без суда? И в то же время я думал: значит, он видит то, чего не вижу я, слепой. И если бы я мог, то как бы охотно поменялся с ним местом в жизни! Прошли годы. <...> Иногда я брал хлеб и бурку, говорил, что иду на охоту, а на самом деле просто уходил в горы, чтобы побыть одному. Как-то зимой, в снежную погоду я поднялся на Задазени и здесь снова встретился с тем же монахом Парфением. Он был

Вышеславцева О. Н. Пастырь во время безбожия. СПб.: "Сатис", 1995. Трофимов А. Три встречи. М.: «Паломник», 1997, с. 417-419.

нездоров, и у него не было продовольствия. Я сказал ему: «Помнишь, как ты накормил нас в Дзегви, теперь прими добро за добро». Я оставил хлеб, который взял с собой, затем спустился во Мцхета и принес ему пищу, но, чувствуя, что я нарушаю его безмолвие, я ушел в другое место. Теперь архимандрит Парфений служит во Мцхетском соборе, я иногда бываю у него. И он, вспоминая время гонений, говорит, что это было лучшее время в его жизни, он никогда не был так счастлив, как тогда»⁴⁵.

И для русских, и для грузин (о которых шла речь в этих воспоминаниях), и для других больших и малых народов России наступали времена испытаний. Суть их почувствовал, находясь на Соловецкой каторге, Борис Ширяев и описал (в несколько поэтизированной форме) на страницах своей книги, посвященных воспоминанию о тайной панихиде по жертвам репрессий:

«В заговоре участвовало только 22 человека. Больше собрать боялись. Вышли из кремля все порознь и, сделав большие обходы, к закату собрались на Голгофе. <...> ...Это стояли не люди, а их воспоминания о самих себе, память о том, что оторвано с кровью и мясом. В памяти одно — свое, отдельное, личное, особое для каждого; другое — над ним стоящее, общее для всех, неизменное, сверхличное: Россия, Русь, великая, могучая, единая во множестве племен своих, — ныне поверженная, кровоточащая, многострадальная. <...> Стены храма раздвигаются и уходят в безбрежье. Храм — вся Русь, святая, неистребимая, вечная! Здесь, на соловецкой лесной Голгофе, — алтарь этого храма. <...> Двадцать два соловецких каторжника в тот час молений о погибших были с тобою, Русь, в бесконечной жизни твоей...»⁴⁶.

Русь-Россия воспринималась всегда простым народом как существо живое — способное страдать и радоваться. Поэтому мог русский человек обратиться к Родине своей с этим замечательным «ты». И знал он, что на это «ты» будет дан ответ, как бы далеко не занесла его судьба странствий.

В этой уверенности приоткрывается настоящая загадка представлений личности о социальном мире.

⁴⁵ Архимандрит Рафаил (Карелин). Тайна спасения. Беседы о духовной жизни. Из воспоминаний. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Сергиевой лавры, 2001, с. 322 — 325.

⁴⁶ Ширяев Б.. Неугасимая лампада. М.: Издание Сретенского монастыря, 2000, с. 369-371.

Глава III «ЗАГАДКА» СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В событиях, в которых русский народ вместе с другими народами Российского государства был и участником, и жертвой, проявилась загадка социальных представлений. С одной стороны, представления о том, что является правдой, справедливостью, добром, «лежат на поверхности» и кажутся аксиомами здравого смысла, позволяющими верно ориентироваться в социальной действительности. Однако, с другой стороны, совершенно непонятно, как здравый смысл в исторически короткое время изменяет себе и принимает как не противоречащую картину действительности, построенную на совершенно противоположных основаниях. Ключ к этой загадке мы нашли в ранних работах А. Ф. Лосева, прежде всего, в «Диалектике мифа».

Диалектика мифа

Миф, каким он предстает в книге Алексея Федоровича Лосева (стоившей автору каторги на Беломорканале и почти полной потери зрения), прежде всего, предельно конкретен:

«Миф говорит именно о *данном* явлении. Об его *пространственном начале и конце*, т.е. об объеме, и об его *временном начале и конце*, т.е. о времени, когда оно началось, возросло, умалялось и умирало»¹.

Здесь и далее в этой главе указываются страницы по изданию: Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: «Правда», 1990, с. 542.

Миф, по Лосеву, выступает смысловым носителем идеи абсолютного исторического долженствования. Это одна из форм (наряду с числом, понятием, символом и именем) *энергийного* проявления сущности. У Лосева речь не идет об историческом типе мифологического сознания (как уже осуществленной в истории данности), но миф понимается как еще только мыслимая, предполагаемая телеологическая (целеполагаемая) перспектива, которая должна замкнуть духовное развитие мира. Таким образом, миф понимается как абсолютная цель истории, в которой разрешатся все антиномии (противоречия), реально разрывающие человеческое сознание. Лосев называет рационализм «ущербной» формой сознания — в отличие от сознания мифологического.

Миф личностей и в таком его понимании способен разрешить многие загадки интерпретации человеком истории: своей, своего народа и человечества.

«И тогда определение мифа будет такое: он — символически осуществленная интеллигенция². Я же утверждаю, что личность и есть символически осуществленная интеллигенция. И потому вот наикратчайшее резюме всего предыдущего анализа со всеми его ограничениями и подразделениями: миф есть бытие личностное или, точнее, *образ бытия личностного, личностная форма, лик личности*»³.

Лосев считает, что такая формула отражает все своеобразие мифического сознания.

Своеобразно и само понимание Лосевым личности. Это понятие, так и оставшееся одним из самых загадочных и сложных для психологической науки в целом⁴, ученик Челпанова⁵ определяет диалектически:

² «Интеллигенция» — понятие А. Ф. Лосева, означающее «самосознание».

³ Лосев А. Ф. Из ранних произведений, с. 459.

⁴ Пожалуй, только С. Л. Рубинштейну удалось «обойти» сложности определения личности с помощью принципа детерминизма: эта та «совокупность внутренних условий», которая определяет эффект внешних воздействий.

⁵ Г. И. Челпанов был одним из преподавателей на историко-филологическом факультете Московского университета, который А. Ф. Лосев окончил в 1915 г. по двум отделениям: классической филологии и философскому.

«Личность есть, прежде всего, некое неизменное единство, как бы парящее в процессе всего изменения и само по себе существующее вне всякого изменения и истории. Только в силу этого и возможна сама история. Но, во-вторых, реальная личность есть личность *историческая*. Она непрерывно и сплошно течет. Вечно меняется и становится»⁶.

Прежде всего, личность предполагает самосознание («интеллигенцию»). Именно свойством самосознания личность отличается от вещи. Но это самосознание должно постоянно и действительно выявляться. В самосознании личности должна присутствовать глубина перспективы, так как личность существует в истории и времени. Реальная личность должна иметь ядро и связанные с ним переменчивые качества («акциденции»). «Поскольку личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление *себя* всему *внешнему*, что не есть она сама. Углубляясь в познание себя самой, она и в себе находит эту же антитезу субъекта и объекта, познающего и познаваемого. Эта антитеза субъекта и объекта, далее, обязательно *преодолевается* в личности. <...> Итак, личность как самосознание и, след., как всегда субъект-объектное взаимопонимание, есть необходимым образом *выразительная* категория». Два различных плана личности всегда объединяются в одном неделимом лике. Внешность лица не является чем-то йамостоятельным, а выражает *внутреннее* состояние.

«Итак, личность есть всегда выражение, а потому принципиально — и *символ*. Но самое главное, это то, что личность есть обязательно *осуществленный* символ и *осуществленная* интеллигенция. <...> Личность есть *факт*. Она существует *в истории*. Она *живет*, борется. Порождается, расцветает и умирает»⁷.

Личность человека немыслима без его тела. В осмысленном («интеллигентном») теле проявляется личность, «видна душа». «Всякая *живая личность есть так или иначе миф*...». Автор «Диалектики мифа» добавляет к этому своему выводу:

«...по крайней мере в том смысле, как я понимаю миф. Это, конечно, миф главным образом в широком смысле. <...> ... личность есть миф не потому, что она — личность, но потому,

⁶ Лосев А. Ф. Из ранних произведений, с. 456 — 457. Там же, с. 460.

Глава 3. «Загадка» социальных представлений

что она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания»⁸.

В связи с понятием личности Лосев говорит о мифе как о чуде.

«Но вот мы начинаем сравнивать реально-вещественный образ вещи с ее первообразом, парадигмой, «образцом», с ее идеальной выполненностью и идеальным пределом полноты всякого возможного ее осуществления и приближения к своим собственным внутренним заданиям. Полного совпадения ожидать мы не имеем тут никакого права. <...> Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и первообразом. *Это и есть настоящее место для чуда.* Чудо — диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и насквозь выполняет на себе лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза. Это как бы второе воплощение идеи, одно — в изначальном, идеальном архетипе и парадигме, другое — воплощение этих последних в реально историческом событии»⁹.

Как видим, здесь понятие архетипа связано с традицией отечественной философской мысли. Как отмечает С. С. Аверинцев, в России, независимо от К. Г. Юнга высказывались свои интуиции об архетипах (прежде всего, П. А. Флоренским)¹⁰. Аверинцев пишет:

«Поэтому в позднейшей литературе термин «архетип» применяется просто для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных,

⁸ Лосев А. Ф. Из ранних произведений, с 461.

⁹ Там же, с 550.

¹⁰ «В отечественной науке некоторые мыслители и ученые независимо от Юнга подходили к понятию архетипа [ср. выражение «схемы человеческого духа» у П. А. Флоренского (см. его «Столп и утверждение истины», М., 1914, с. 678), а также работы О. М. Фрейденаберг]. Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Киев: Дух і АіТера, 2001, с. 37.

в т.ч. мифологических структур (напр., дерево мировое) уже без обязательной связи с юнгианством как таковым»¹¹.

Данные замечания могут оказаться существенными для нашей темы, так как в юнгианских архетипах современные исследователи видят глубинный пласт социальных представлений.

Понятие чуда, о котором пишет А. Ф. Лосев, возможно, является особенно близким отечественной философской мысли¹². В его описании можно узнать и «пиковые переживания» А. Маслоу, и изменение личности в психотерапевтическом процессе К. Роджерса, однако текст Лосева звучит ярче, точнее и исчерпывающе. Прежде всего, личность здесь видится включенной во всеобщие вселенские процессы, но это одновременно и история индивидуального становления во всех его трагических и лирических частностях.

«И вот, когда чувственная и пестро-случайная история личности, погруженной в относительное, полутемное, бессильное и болезненное существование, вдруг приходит к событию, в котором выявляется эта исконная и первичная, светлая предназначенность личности, вспоминается утерянное блаженное состояние и гам эмпирии, — тогда это значит, что творится чудо. В чуде есть веяние вечного прошлого, поруганного и растленного, и вот возникающего вновь чистым и светлым видением. Уничтоженное и опозоренное, оно незримо таится в душе. И вот — просыпается как непорочная юность, как чистое утро бытия. Прошедшее — не погибло. Оно стоит незабываемой вечностью и родиной. В глубине памяти веков кроются корни настоящего и питаются ими. Вечное и родное, оно, это прошедшее, стоит где-то в груди в сердце; и мы не в силах припомнить его, как будто какая-то мелодия или какая-то картина, виденная в детстве,

¹¹ Там же.

¹² Слово «научной» здесь мало подходит, однако близким оказывается предложенное С. С. Аверинцевым понятие «инонаучное знание»: «В той мере, в которой истолкование символа принуждено само прибегать к символу, ведя в бесконечность, символические связи смыслов так и не доходят до однозначного решения, оно лишено возможности усвоить формальную четкость т.н. точных наук. < ...> даже если принять точность математических наук за образец научной точности, то надо будет признать симвонологию не «ненаучной», но инонаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности...» (там же, с. 157 — 158).

которая вот-вот вспомнится, но никак не вспоминается. В чуде вдруг возникает это воспоминание, возрождается память веков и обнажается вечность прошедшего, неизбывная и всегдашняя. Умной тишиной и покоем веет от чуда. Это — возвращение из далеких странствий и водворение на родину»¹³.

Задача личностного бытия «в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью». В этом — собственное понимание истины, которым живет миф. «Мифическая истинность» ясна и вполне отличима от всякой иной истинности. Мифология фактически осуществляет конструкции самосознания, «интеллигентные конструкции». «Интеллигентными конструкциями» являются наука, мораль, искусство.

*«Личность, история и слово — диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это — диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе: 1) учение о первозданном светлом бытии, или просто о первозданной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии первозданную сущность. <... > По характеру выполнения этой внутри-мифической триады можно судить об основной идее, лежащей в той или другой мифологии...»*¹⁴.

В качестве примера такого мифа Лосев приводит «миф о материи» — «механике атомов», в которой нет ни сознания, ни души, ни разумной воли, ни истории.

Мифология может быть абсолютная — как единственно возможная картина мира — и относительная, «ущербная», которая живет приближением к мифологии абсолютной, абсолютизируя всегда один или несколько из ее принципов. Например, поддиалектикой Гегеля лежит намерение (миф) «понимать диалектику и всю философию лишь как учение о понятиях, т.е. как *логическое учение*».

Свои ущербные мифы существуют и в психологии, особенно если речь заходит о личности. «Когда старые психологи — субъективисты хотели говорить о личности (да они почти и не говорили о ней...), они повторяли все те же схемы, применяемые ими

¹³ Там же, с 561-562.

¹⁴ Там же, с 576.

р области отдельных способностей (главным образом, конечно, тоже в силу особого мифа, — в области мышления). Когда же современные рефлексологи начинают говорить о личности после того, как все сведено на физиологические процессы, — это Производит только забавное впечатление. Вопреки этим ублюдочным мифологиям, абсолютная мифология признает полную невозможность уничтожения субъекта в пользу объекта и объекта в пользу субъекта. Но в то же время утверждает необходимость новой категории, не сводимой на них, но тем не менее синтезирующей их. *Абсолютная мифология есть персонализм*». Она также есть жизнь сердца, поскольку «свобода и необходимость примиряются в чувстве, в котором всегда слиты воедино долг и склонность, заповедь и влечение, долженствование и свободный выбор». Миф это не сама личность, «но ее изображение, ее лик, ее форма и образ, ее начертание»¹⁵.

Итак, миф есть личностное бытие, он алогичен, т.е. равнодушен к логике. Миф возможен без религии, но религия без мифа невозможна. А. Ф. Лосев поясняет: «Под религией мы понимаем субстанциальное самоутверждение личности в вечном бытии». Пример «мифа без религии» — это мифология нового социального порядка:

«С точки зрения коммунистической мифологии, не только *«призрак ходит по Европе, призрак коммунизма»* <...>, но при этом *«копошатся гады контр-революции»*, *«воют шакалы империализма»*, *«оскаливает зубы гидра буржуазии»*, *«зияют пастью финансовые акулы»* и т.д. Тут же снуют такие фигуры, как «бандиты во фраках», «разбойники с моноклею», «венценосные кровопускатели», «людоеды в митрах», «рясофорные скулодробители»... Кроме того, везде тут *«темные силы»*, «мрачная реакция», *«черная рать мракобесов»*; и в этой тьме — *«красная заря»* «мирового пожара», *«красноезнамя»* восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии»¹⁶.

¹⁵ Там же, с 590-591.

Составители примечаний к работе А. Ф. Лосева предлагают сравнить данный фрагмент «Диалектики мифа» с теми эпитетами, которые прозвучали в адрес автора спустя год после написания книги в печати и на партийном съезде: «идеалист-реакционер», «философ-мракобес»; «откровенно поповский реакционный идеализм». Даже Максиму Горькому пришлось высказаться: «Явно безумен», «остается повеситься», «очевидно, малограмотен». Составители

За каждым процитированным здесь Лосевым определением стоят древние мифологические образы. Таков принцип построения пропаганды при смене идеологии: мифическим образом уходящей эпохи приписывается значение, противоположное прежнему.

«Переубеждение», «переосмысливание ценностей» не являются лишь логической работой ума. Смена парадигмы — это смена мифа, понимаемого как целостное мировосприятие, в котором (по Лосеву) должны быть:

- телеологическое видение смысла (окончательной цели) исторического движения;
- узнаваемые имена-личности со всей живой совокупностью своих качеств, позволяющих им взаимодействовать (бороться, побеждать, быть побежденным...) в историческом движении;
- чудо — так или иначе понимаемое, но обязательно соотносящее личность с образцом («первообразом», «прототипом», «архетипом»);
- миф равнодушен к логике, так у него свое понимание истинности (по Лосеву, оно «в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью»);
- миф дает сознанию целостную картину мира, человеческой истории, смыслов и окончательных целей становления, выраженную в лицах (ликах), представленную именами и не подчиняющуюся закону противоречия;
- миф выражен в слове.

Об имени следует сказать особо. А. Ф. Лосеву принадлежит работа «Философия имени», предшествовавшая по времени написания «Диалектике мифа». Здесь он пишет: «имя есть жизнь», «только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления».

Примечаний поясняют, что Горький ссылается на «Дополнения» к «Диалектике мифа» (с. 638). Текст «Дополнений» был уничтожен полностью и, в отличие от «Диалектики мифа» (также конфискованной и уничтоженной), не сохранилось ни одного экземпляра этой работы.

Именам посвящено также специальное исследование П. А. Флоренского, начатое в 1914 году и продолжавшееся до 1927-го (и, видимо, до ареста автора).

В основе работы «Имена» лежит и интерес П. А. Флоренского к новой области современной ему математики — теории инвариантов, о которой он писал: «Теория инвариантов, одно из самых значительных приобретений математического анализа во 2-ой половине XIX века», выделяя три типа характеристик личности: первый — общий тип строения характеристик человека; второй — индивидуальный, а третий — инвариантный. Инвариантный тип характеристик личности призван соблюдать равновесие между силой, стремящейся слить человеческий род до однообразной массы, и силой, стремящейся обособить отдельных личностей до невозможности взаимопонимания. К таким инвариантным характеристикам Флоренский относил: имя, **лик**, род, психологический тип личности, тип возрастания и возрастание типа¹⁷. Флоренский не отрицает логику, а подходит к алогичности представлений с отличной от лосевской точки зрения. Он пишет:

«Под видом «логичности» мышления мы склонны, наскоро обобщив объекты по признаку, их, может быть, вовсе не характеризующему, предаться затем хаосу недифференцированной чувствительности, тогда как подлинное логическое сознание открывает в этом хаосе некоторые архетипы, и тогда между отдельными объектами может развернуться глубочайшая пропасть. Логическое мышление ведет вовсе не только к обобщающему слиянию, но и к типизирующему разделению; чувственно далекое может стать близким, а близкое — далеким. Имена и должны быть рассматриваемы как такие инварианты личности. Чрезвычайно далекие от какой-либо прямой связи с внешне учитываемыми признаками, даже с группами таких признаков, невыразимые слова, они, однако, определеннее всего ухватывают самые главные линии личностного строения в их индивидуальной целостности. Имя определяется лишь через себя. И подвести к нему сознание может лишь художественный образ, если нет прямой интуиции»¹⁸.

Игумен Андроник (Трубачев). Примечания к книге П. А. Флоренского «Имена», с. 303.

¹⁸ Флоренский П.А. Имена. М., 1993, с. 74-75.

Флоренский говорит о том, что имена, как драгоценное наследие человечества передаются от культуры к родственной ей культуре, видоизменяясь, но не теряя при этом своего основного назначения. Это «архетипы духовного строения» личности, «личностные инварианты», «типичностной организации»¹⁹. Количество имен не безгранично. Создание новых имен требует высочайшего творчества и мало кому доступно.

Косвенным подтверждением значения имени служат попытки при формировании новой идеологии создавать новые имена (Трактор, Революция, Октябрина, Мэл, Мэлс — по первым буквам фамилий классиков марксизма, Дина — дитя народа; жизнеспособным оказалось, видимо, лишь имя Майя, или Мая, т.е. майская). Эти попытки свидетельствуют также и в пользу личностного характера мифа. Однако новая мифология всегда обречена опираться на прежнюю — либо в качестве развития и преобразования, либо, как бывает в периоды революций,

путем полного отрицания (заканчивающегося порой, как писал в своих дневниках Пришвин, «уничтожением личностей»).

Мы возвращаемся к утверждению, с которого была начата эта глава: сознание, лежащее в основе социальных представлений, мифологично. Такой вывод, такая «разгадка» проблемы социальных представлений объясняет подбор материалов, приводимых нами в двух предыдущих главах. Если дневники и принято использовать для психологического анализа, то с художественными произведениями это происходит реже, а сказки и тем более жития в книгах по психологии встречаются мало. Однако и они нужны, поскольку речь идет о настоящей потребности представить непростую российскую историю всего лишь одного последнего века как историю живую, т.е. в лицах и судьбах. Живая эмпирия позволяет не упустить детали и охватить, насколько возможно, единым взглядом значительный исторический этап становления, развития тех или иных представлений.

Теории социальных представлений

Создание теории социальных представлений связано с именем С. Московичи, который видит предысторию этой проблематики в идее «коллективных представлений» Дюркгейма. Интересно, что сам С. Московичи строит свое описание истории исследования социальных представлений в жанре личных воспоминаний: творцы теорий предстают в своих живых проявлениях, а сам автор — в потоке эмоциональных и интеллектуальных событий²⁰.

Обращение к диалектике мифа позволяет ответить на вопрос, сформулированный С. Московичи: «... почему же люди думают нелогично и нерационально?»²¹. Более конкретно этот вопрос выражается такими противоречивыми позициями: человек вне его социальности разумен, а влияния социального порядка создают помехи, подчиняющие психический аппарат внешним воздействиям. Также человеку самому по себе легче вести себя

Moscovici, Serge. Social Consciousness and Its History. // "Culture and Psychology", 1998, Vol. 4(3): 411-429.

Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд. // «Психологический журнал», Том 16 (1), 1995, с. 4.

¹⁹ Флоренский дает свой анализ некоторых имен. О глубине этого анализа можно судить по очень небольшому отрывку анализа имени Дмитрий: «Дмитрий горд, - гордость, проходящей через все слои личности, от глубинного самоутверждения и до самолюбия на самой поверхности, которую соприкасается он с людьми. Эта гордость влечет за собою прямоту и правдивость, однако не ту подлинную, свободно ищущую прямоту, которую отношения делаются легкими, а принуждение себя и надрыв, заставляющие окружающих предпочесть в таком случае простое умолчание и невыясненность: Дмитрий так трудно для себя самого извергает из себя, - чтобы не показаться прикрашивающимся, - свою правду, что собеседник чаще всего не знает куда деваться от нее. Скрытные и себе самому даже не прозрачный в своих глубинах, Дмитрий вырывает из себя свои признания, без охоты к этому и насильственно над собой. По гордости, он хотел бы ничуть не считаться с окружающими и во всяком случае не допустить их до равенства с собою. Но, по гордости же, он не допустит унижения себя несправедливостью и не позволит себе того внутреннего движения, по которому влечется естественно. Он ставит себя слишком высоко над окружающими или, точнее, до такой степени не допускает и мысли о сравнении себя с ними, что ради этого избегает и повода дать подумать другим или себе самому, что он уравнивает себя с ними, хотя бы в борьбе за первенство и вообще — за место в мире. Это заставляет его, несмотря на врожденную склонность к угрюмости, преодолевать себя и стараться быть приветливым...» (там же, с. 205). Глубинная противоречивость, определяемая именем, разрешается и преодолевается (в каждом имени — со своим своеобразием) в результате духовного самоопределения личности.

разумно, чем в толпе: люди, собравшись в группу, меняют свои психические качества. Человек также, по словам Московичи, отказывается затрачивать усилия на осмысление социальной действительности и ведет себя как «когнитивный скряга», обходясь стереотипами — расхожими представлениями. Приводится ссылка на работы, утверждающие, что процессы, участвующие в когнитивной обработке несоциальных событий, проще, чем процессы, связанные с событиями социальными. Подчеркивание этой противоречивости ведет Московичи к утверждению особого места социального в науках о человеке. Он пишет:

«Все отчетливее осознается первостепенность социального в области эпистемологии, языка и социальной психологии. Я лично убежден, что именно эта тенденция будет углубляться»²².

И как раз в этом контексте С. Московичи говорит о социальных представлениях, выводя их из «антикартезианского понятия» — коллективных представлений. Он подчеркивает, что уникальность теории социальных представлений связана с тенденцией становиться общей теорией социальных явлений. И власть, и общие интересы для того, чтобы быть признанными, должны опираться в обществе на представления или ценности, придающие им смысл.

«И лишь когда знания и технологии превращаются в убеждения, они объединяют людей и становятся некоей силой, позволяющей преобразовать их из пассивных членов сообщества в активных, участвующих в коллективных действиях и во всем том, что делает общественную жизнь полнокровной»²³.

Почему он называет коллективные представления «антикартезианскими»? Потому что с именем Рене Декарта связано окончательное утверждение индивидуализма, исключаяющего влияние «коллективности». Московичи говорит о коллективных (социальных) представлениях, разделяемых всеми и передаваемых из поколения в поколение. Именно в них корень иррациональности воззрений на мир. Дюркгейм открыл коллективные представления, пытаясь объяснить, каким образом знание, добываемое индивидом, становится коллективным достоянием. Коллективное представление обретает стабильность благодаря

воспроизведению его и передаче от одного поколения к другому. ГЛосковичи пишет о Дюркгейме:

«Он сформулировал понятие коллективных представлений как глубинной, можно даже сказать, бессознательной матрицы наших верований, знаний, языка»²⁴.

Однако именно Леви-Брюлю принадлежит преобразование этого очень общего понятия в понятие, концептуально разработанное. Леви-Брюль говорил о холизме (целостности) представлений, определяемом тем, что семантическое содержание каждой идеи (убеждения) зависит от сцеплений представлений с другими идеями (убеждениями). Эмоциональную насыщенность представлений Леви-Брюль находит только в примитивных культурах. И особенно важные вещи он говорил о способах подхода к коллективным представлениям: искать эти представления надо в деталях, в наиболее тривиальных сторонах языка или поведения, обращать внимание на наименее ясные интерпретации, на случайные метафоры. И последний пункт, который выделяет и подчеркивает Московичи в концепции Леви-Брюля: любое коллективное представление обладает одинаковой связностью и значимостью:

«Каждое оригинально и существенно по отношению к другим, так что ни одно из них не находится в привилегированном положении и не может быть критерием истинности для других»²⁵.

Московичи считает, что «на Востоке» (в России) требуется меньше усилий, чтобы доказывать роль социального (коллективного). В этой связи он упоминает работы Выготского и Лурии:

«Подобно многим россиянам в то время, Выготский верил в истинность марксизма, в воцарение нового, лучшего общества, успех которого был бы гарантирован. И сам он, и его коллеги воспринимали все происходящее отнюдь не с отстраненной ироничностью, это были убежденные мыслители. Они это принимали всерьез и когда брались за глубокий анализ проблем, из которого заключали, что почти нет надежды найти в марксизме фундаментальное понятие или плодотворную для психологии точку отсчета»²⁶.

Там же, с. 11.

Там же, с. 13.

Там же, с. 15.

²² Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд., с. 5.

²³ Там же, с. 6.

Московичи считает, что введение исторического и культурного измерения приближает Выготского и Лурию к истокам теории социальных представлений.

Сам Московичи связывает проблему социальных представлений с проблемой современной рациональности. Т.е. основной вопрос, сформулированный в начале данной работы, остается ведущим на протяжении всех исторических экскурсов и сравнений: это объяснение иррациональности социальных представлений. Здесь Московичи (возможно, не зная того) перекликается с Лосевым:

«Наше научное мышление возведено в ранг нормы для любого мышления: наша логика, принятая как единственно законная, заклеила иные типы мышления и убеждения, не анализируя, и отнесла их к низшему уровню. Тем самым распространение научного мышления *ipso facto* /самим фактом/ предполагает регрессию других видов мышления без исключения»²⁷.

Он поясняет, почему стал использовать термин «социальные представления» вместо «коллективных». Этим Московичи хотел избавиться от груза накопленных социологических и психологических интерпретаций, а также от ассоциаций, с которыми оказалось связано понимание коллективных представлений. Он называет социальными представлениями любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку. С нашей точки зрения, концепция Московичи становится еще ближе к русской философской мысли, когда он заявляет об отказе от идеи всеобщей (тотальной) рационализации, от идеи вытеснения обыденных убеждений и знаний наукой как конечной цели развития человека и культуры. Возможно, в связи с этой телеологичностью он называет подобные идеи «мифом» (в смысле «выдумка»). Правда, Московичи, вероятнее всего, не принял бы наши аналогии с отечественной философской мыслью начала прошлого века, поскольку сам он заявляет:

«Я считаю себя первым из тех, кто утверждал идею несводимости здравого смысла к науке, которая заняла сегодня место философии»²⁸.

²⁷ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд (окончание). // «Психологический журнал. Том 16(2), 1995, с. 3.

²⁸ Там же, с. 5.

В принципе современный интерес к социальным представлениям вызван общим интересом к тому, что называют «обыденным мышлением», т.е. к мыслям и суждениям людей о явлениях и понятиях. Московичи пишет:

«Здравый смысл, обыденное знание — то, что англичане называют "folk-science" — открывают нам *непосредственный* доступ к социальным представлениям. *Это и есть в определенном смысле социальные представления*, которые составляют нашу способность воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам или объяснять личностную ситуацию»²⁹.

Московичи через социальные представления определяет всю социальную психологию, называя ее наукой о социальных представлениях. Сами социальные представления не отличаются определенностью — их все время нужно уточнять с помощью анализа контекста. При этом, однако, они обладают и строгой структурой, и внутренней связностью. Московичи предлагает их использовать в психологии как ядро нашего «консенсусного универсума» (если «доперевести», то получается, видимо, «всеобщего согласия»). Их можно и нужно исследовать, так как представления — это «творения постоянные» и это «единственная линия мысли», которая способна соединить убеждения и знания с социальной реальностью. Необходимость изучения их связана также с возрастанием роли средств массовой информации.

Связь социальных представлений с мифом (хотя Московичи противопоставляет их мифу, понимаемому как выдумка) просматривается и в том, что сама причина их образования лежит в желаниии человека «свыкнуться со странным», т.е. составить для себя непротиворечивую картину социальной действительности.

«Но это не поиск согласия между нашими идеями и реальностью, порядка, вводимого в хаос явлений, чтобы упростить сложный мир; это попытка перекинуть мост между странным и обычным»³⁰.

Разве сказанное здесь не приближает нас к *инонаучному* Подходу?

Там же, с. 6.

Там же, с. 9-10.

Конечно, мы не можем приписывать основателю концепции социальных представлений взгляды, которые он сам не предполагает. Однако мы можем привести некоторые результаты сравнительного анализа концепции Московичи, проделанного К. А. Абульхановой, считающей социальные представления одной из операций социального мышления личности.

К. А. Абульханова пишет о том, что социальные представления личностны, т.е. они принадлежат личности и несут в себе личностную специфику. Также она говорит об алогичности социальных представлений (нечувствительности к противоречиям) и о их глубинной укорененности в архетипической природе личности. Таким образом, в понимании Абульхановой мы находим, по крайней мере три момента, позволяющие рассматривать социальные представления (она добавляет — «личности») в русле диалектики мифа: их личностный характер, алогичность и архетипическая основа.

Сравнение своего понимания социальных представлений с концепцией Московичи позволяет Абульхановой прийти к следующим основным выводам (приведем их почти полностью).

1. С. Московичи считает социальные представления универсальным механизмом социального познания и потому — основным предметом исследования. Мы считаем социальные представления *одной из* процедур социального мышления личности наряду с — проблематизацией, интерпретацией, категоризацией.
2. Московичи считает социальные представления механизмом индивидуального и общественного сознания, т.е. рассматривает проблему в контексте соотношения сознаний. Мы рассматриваем социальные представления как механизм сознания личности и поэтому исследуем проблему роли личностных особенностей в функционировании и характере социальных представлений. Таким образом, мы исходим из личности, определяющей социальные представления, их возникновение, особенности, с одной стороны, и роль социальных представлений в становлении личности, а не только их влияние на ее сознание. <...>
3. Несмотря на близость теории С. Московичи теории коллективных представлений Э. Дюркгейма, оба классика не имели в виду бессознательного происхождения и функции социальных представлений, которые раскрыл К. Г. Юнг в своей концепции архетипов. Мы интегрировали эти теории, благодаря чему можно ставить задачи соотношения

влияния внутренних коллективных представлений, уже заложенных в бессознательном индивида, и идущих извне — от данного общества.

4. <...> С. Московичи рассматривает социальные представления общества в целом, тогда как, по-видимому, нужно дифференцировать общественную реальность и ту сферу социальной действительности, которую данная личность охватывает своим сознанием и действием, в которой проходят этапы ее жизненного пути, самоосуществления, общения с другими людьми. <...> Одни представления остаются для личности умозрительными абстракциями, другие отвечают ее позиции и выражают ее, оказываются ее основанием, опорой. Одни представления, чтобы стать принятыми, требуют усилий личности, другие механизмом защиты блокируются, отвергаются, третьи — усваиваются автоматически»³¹.

Для нашего анализа особенно важна расшифровка пунктов «1» и «2» в приведенном сравнении концепций. Если о личностной природе представлений мы уже говорили подробно, то об их архетипической природе Абульханова пишет:

«Социальные представления, усвоенные личностью и сложившиеся в ее архетипическом бессознательном, могут существовать параллельно и независимо друг от друга»³².

В нашем понимании, личностная природа социальных представлений означает и то, что они ассоциируются с личностями, точнее, сами имеют образ личности. Это видно в представлениях, например, о политических партиях, всегда имеющих «лицо» лидера данной партии.

Напомним слова академика Н. И. Конрада, процитированные во вступлении: «Каждый народ имеет свое собственное лицо». Опираясь на диалектику мифа, нужно говорить о лице не в переносном, а в прямом смысле слова.

Конечно, представление о народе и нации личностно. Оно зависит и от облика (прежде всего, нравственного) тех реальных

Абульханова К. А. Социальные представления личности. В кн. Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч.3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 92 — 93. Там же, с. 94.

людей, принадлежащих данному народу, с которыми человеку доводилось встречаться. Большой вес в формировании такого представления имеют образы художественной литературы, знание о реальных личностях, оставивших свой след в истории народа. В последние десятилетия к этим «источникам» образов добавились кино, Интернет (воздействие которого пока совершенно не изучено). А в прежние годы народ усваивал свои национальные черты под влиянием устного народного творчества: как слушатель, как сказитель, как хранитель народной памяти. Фольклор из века в век отбирал и сохранял самое существенное для народной памяти о героях, защитниках границ отечества: о богатырях.

Анализируя художественные образы, популярные у того или иного народа (в наше время это преимущественно герои фильмов), можно заметить, что в них выражены черты, исторически особенно важные и ценные для данного народа. Даже сравнивая, например, недавно вышедший на экраны и сразу ставший популярным фильм «Спецназ» с американскими боевиками такого же плана, можно было заметить одно существенное отличие, отражающее, с нашей точки зрения, национальный архетип героя (обнаружив его здесь, мы затем смогли заметить его практически во всех хороших российских фильмах, включая советские). Если в американских фильмах герой *единственный*, а остальные действующие лица (включая друзей героя) служат фоном, «хором», позволяющим главному герою показать свою исключительность (суперменство и т.п.), то в наших фильмах героев несколько, что позволяет выразить главное в национальном архетипе: стремление к внутреннему, духовному единству внешне совершенно не похожих друг на друга людей.

В святости — нравственном идеале Руси — происходит осуществление этого изначального единства людей. Однако в повседневной жизни действуют, как правило, мифы ущербные.

Психологические исследования показали специфичность социальных представлений различных социальных групп. Люди действительно получают в наследство от своего близкого окружения представления о тех или иных явлениях, как правило, выраженные в мнениях лиц, авторитетных для данной группы (можно даже вспомнить испуг Фамусова из «Горе от ума»: «...что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»). Переход от одной

«идеологии» к другой происходит неравномерно также в силу стойкости существующего мифа.

И все-таки общим законом перехода от одной категории к другой (даже в диалектике Гегеля) является страдание. Миф не заменяется безболезненно другой конструкцией — когнитивной. Личностные интерпретации как живой тканью пронизаны эмоциональной памятью. И лишь страдание — не только в смысле Гегелевской диалектики, а просто человеческое страдание ведет к пробуждению абсолютного мифа, ведущего личность к ее истокам.

В одной из книг воспоминаний нам встретилось стихотворение, найденное в кармане шинели убитого солдата Великой Отечественной и написанное им, видимо, накануне последнего боя:

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.

Ты знаешь... с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя... и я, дурак, поверил.
Твои я никогда не созерцал творенья,
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной;
Я понял вдруг, любуясь мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман.

Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь.
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого мне нечего сказать.
Вот только, что я рад, что я Тебя узнал...

На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно: Ты на нас глядишь.
Сигнал... Ну что ж, я должен отправляться...
Мне было хорошо с Тобой...
Еще хочу сказать, что, как Ты знаешь, битва будет злая
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.

И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?

Но... кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
Со мной случилось то, что ныне я прозрел.

Прощай мой Бог... иду... и вряд ли уж вернусь.
Как странно, — но теперь я смерти не боюсь.

А. Зацепа, 1944 г.³³

Представления о счастье в российском менталитете

В качестве примера одного из конкретных исследований социальных представлений, выполненных в последние годы, нам хотелось бы привести работу И. А. Джидарьян, посвященную представлениям о счастье. Сама Инна Аршавири в одной из своих последних статей так формулирует проблему: «Есть ли что-нибудь выше и значительнее счастья или оно абсолютно и не сопоставимо ни с чем?»³⁴. Автор приходит к аксиологическому, т.е. ценностному подходу к проблеме счастья. Теоретический анализ (опирающийся во многом не только на философские работы, но и на примеры из художественной литературы и анализ фольклорных источников) позволяет И. А. Джидарьян сделать следующее наблюдение:

«Тезис о несовместимости злонамеренности и счастья, как и утверждения о «псевдосчастливости негодяев», имеет своим основанием многовековой человеческий опыт, воплощающий в себе закономерности существования и развития человека как существа духовного и социального. В этой связи можно сослаться, например, на тот давно замеченный и лишенный всякого мистицизма факт, что зло, причиняемое другим, не обходит стороной и того, кто его совершает. Оно обладает эффектом бумеранга. И дело не только в том, что безнравственный человек встречает — и по-другому не может быть в социально здоровом обществе — осуждение со стороны других людей, утрачивает

Серафимово благословение /Сост. епископ Сергей (Соколов). М.: Про-Пресс, 2002. С. 316-317.

Джидарьян И. А. Ценностный мир счастья и его специфика. В кн.: Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 104.

прежнее уважение к себе и внутреннее право на встречную любовь родных и близких. Есть в этой проблеме и другой, более сложный и менее очевидный психологический аспект, связанный с тем, что совершенное зло не проходит обычно для самой личности бесследно, оставляя рубцы и вмятины в ее сознании»³⁵.

Пример исследования И. А. Джидарьян взят нами как образец очень современной по используемым методам работы, обладающей в то же время качествами широкого философского и культурологического взгляда на проблему. В своей прекрасной книге (название которой мы повторили в названии этой части)³⁶, она ставит и во многом решает проблему специфичности социальных представлений о счастье в российском менталитете. Анализ русских пословиц и поговорок, произведений классической русской литературы приводит ее к выводу о тесной связи в представлениях русских людей темы счастья и страдания.

Работа И. А. Джидарьян нами выбрана не потому (или не только потому), что автор утверждает наличие в отечественной ментальной™ самой глубокой связи нравственных представлений с представлениями о счастье. Интересна она типологическим подходом, когда факторный анализ результатов эмпирического исследования интерпретируется в ключе поиска содержательных связей качеств, с точки зрения респондентов, необходимых для счастья. Так фактор, связанный с целями и смыслом жизни и объединивший в себе самореализацию личности, «нравственную порядочность, чувство спокойной совести», оказался ведущим (дисперсия более 20%). Остальные пять факторов (кроме последнего, связанного с оптимистичной жизненной перспективой) ожидаемы и традиционны (семья, любовь, успех, радость, удовольствие..., суммарная дисперсия около 40%).

Мы предлагаем увидеть за этими выделенными факторами мифы, причем к абсолютному мифу приближается только первый из названных факторов, так как в нем содержится стремление к телеологическому видению смысла жизни в контексте истории.

Счастье равнодушно (безразлично) к логике, поэтому алогичность характерна для всех упомянутых мифов. Представление

Там же, с. ИЗ.

Джидарьян И.А.. Представления о счастье в российском менталитете. СПб.: Аллитейя, 2001.

о чуде автором обсуждается (хотя, как выяснилось в результате исследования, оно не занимает такого заметного места, как ожидалось — с учетом особенностей российской ментальности). А миф о любви достоин нового исследования (и не одного).

В связи с приведенным И. А. Джидарьян литературным примером о любви как высшей ценности жизни предоставляется хорошая возможность продемонстрировать, как происходит подмена мифа — в случае данного литературного произведения (или, точнее, реальных явлений, послуживших основой литературного произведения) — миф абсолютный подменялся на ущербный, «ублюдочный» (буквальное значение этого слова в русском языке — «выкидыш», т.е. мертворожденное, недоразвитое и нежизнеспособное существо). Речь идет о «Гранатовом браслете» Куприна.

Вновь мы должны по историческому времени переместиться в период дореволюционной России, когда цвет нации, ее интеллигенция находилась в поиске смысла жизни. Утерев связь с народом и отказавшись от веры отцов, лучшие ее представители (а герой Куприна — человек симпатичный во многих отношениях) ищут этот смысл в «истинной любви». И. А. Джидарьян, приводя этот пример, говорит о высшей ценности даже безответной любви. Нашему современнику трудно заметить момент страшной подмены, совершаемой героем. В письме к предмету своей страсти он пользуется словами молитвы «Отче наш». Обращение к Творцу, к Имени Божьему («да святится Имя Твое») герой адресует к творению — к земной женщине («дасвятитсяимятвое...»). Конечгероя ужасен: для народного сознания грех самоубийства был до того страшен, что телу самовольно ушедшего отказывали в отпевании и погребении (зарывали за оградой кладбища). Однако Куприн строит свое повествование по закону мифа, хотя и ущербного: появляются розы, прощальный поцелуй в «хладное чело», символизирующие, видимо, посмертное прощение героя.

Произведение Куприна вновь оказалось востребованным в конце 60-х прошлого теперь века. Был снят удивительный по внешней красоте фильм. И уже новое поколение русских людей не могло узнать в письме героя кощунственного искажения слов Господней молитвы и воспринимало сюжет как просто фильм о «торжестве любви».

Подобное происходит с мифами, давно ставшими достоянием мировой культуры. Так обращение к символам древнегреческого мифа о царе Эдипе стало для психологов со времени, как это

проделал основатель психоанализа, настолько обычным, что нередко забывается сам сюжет (мы проверяли это на студентах-психологах), но об «эдиповом комплексе» известно самой широкой публике.

Как раз обращение к вечным сюжетам обнаруживает подлинную глубину авторских интерпретаций. Так Т. А. Флоренская утверждает, что в основе мифа об Эдипе лежит символ осознания человеком своего греха и исцеления от духовной слепоты³⁷.

Мудрость царя Соломона

Нам хотелось бы здесь привести интерпретацию одного из сюжетов, также в свое время привлечших внимание психологов. О ветхозаветном образе Иова существует известная работа К. Г. Юнга. В конце 80-х появились также первые публикации Т. А. Флоренской, в которых, с позиций метода духовно — ориентированного диалога, дается критический анализ юнговской интерпретации.

Понимание сюжета о страданиях Иова, потерявшего всех своих детей, богатство и здоровье, но не возроптавшего на Творца, зависит от внутреннего состояния самого интерпретатора него представлений о мире. Здесь мы хотели бы обратиться к анализу истории Иова, принадлежащего современному автору, Имеющему возможность опираться на опыт духовной работы асвятоотеческой традиции.

Архимандрит Рафаил (Карелин) основывает свой анализ на *биографическом*, если можно так сказать в данном случае, -Метод. Он сопоставляет состояние души человека и его отношение к Творцу в разные периоды жизни. Речь идет о двух книгах Бакблии, авторство которых, по преданию принадлежит царю Соломону. Далее мы будем обходиться обильным цитированием, *ак как *такой* уровень анализа явно превосходит наши собственные возможности, однако результат анализа находит в нас искренний сердечный отклик.

«Книга Иова и Песнь песней — это два полюса религиозной жизни. И между ними пролегает поле огромного напряжения.

Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М • Ин-т психологии РАН, 1991.

Это переживание души, созерцающей в своем наличном состоянии и перспективе вечности рай и ад. В начале книги говорится о праведной жизни Иова, но это внешний, верхний пласт. Самое главное, что его душа была поглощена любовью к Богу, подобно Суламите из Песни песней. По древним толкованиям, под образами жениха и невесты в Песни песней символически подразумевается Божество и человеческая душа³⁸.

Эпизод из книги повествует, как жених ночью зовет через дверь свою возлюбленную, она медлит, а когда открывает дверь, там уже никого нет. Невеста в горести ищет своего жениха по улицам, и ночные стражи хватают ее, избивают, и она с трудом вырывается из их рук.

«Ночь — страдания и скорби, уход жениха — богооставленность, сорванный хитон — знак потери всего видимого, борьба с темными силами, подстерегающими душу, раны и унижения, которые терпит от них душа; но самая страшная мука для невесты — это мысль, что жених разлюбил и оставил ее навсегда»³⁹.

При чтении Книги Иова отмечается вызывающий удивление контраст: Иов бесстрашно и мужественно принял испытания, но вдруг стал проклинать свою жизнь и роптать. «Почему этот спор человека с Богом должен был войти как непонятное назидание в Библию?». Ключ к пониманию находится в Песне Песней, говорит архимандрит Рафаил, приводя слова святых Отцов: «Блажен тот, кто читает Песнь Песней — он вошел в алтарь храма, если понял ее таинственный смысл». В юности царь Соломон пережил высокие духовные состояния. «Песнь песней — это пророчество, но в то же время и откровение, которое он пережил сам. Однако богообщение этого блистательного израильского царя было трагически и неожиданно прервано. Библия скуп и глухо говорит о том, что «развратилось сердце Соломона» (см.: 3 Цар. 11,3)⁴⁰. Для своих жен-чужестранок царь Соломон воздвиг языческие храмы (капища), присутствовал при демонических ритуалах и в результате сам опытно пережил реальную богооставленность —

³⁸ Архимандрит Рафаил (Карелин). Тайна спасения. Беседы о духовной жизни. Воспоминания. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001, с.71.

³⁹ Там же, с. 72.

⁴⁰ Там же, с. 73.

«ад при жизни, потерю благодати»⁴¹. Это было много страшнее дотери земного царства. «Итак, Соломон пережил высоту богообщения, которая в Песни Песней сравнивается с восхождением на вершины Ливана, и глубину богооставленности, которую познал до Соломона, может быть, Адам»⁴².

Автор анализа не проводит прямые аналогии между Иовом и царем Соломоном. Но по глубине переживания («недоступного нам») они были близки.

«В жизни Иова мы видим три периода: первый, когда он занимал высокое положение в своей стране (в церковной гимнографии он назван царем); период испытаний: потеря детей, имущества, проказа, изгнание из города и, наконец, богооставленность; и третий, заключительный период — время награды за праведность и верность в испытаниях. В жизни Соломона мы также можем отметить три периода: блистательное начало царствования <...>, время строительства Храма в Иерусалиме, когда он сам восходил по ступеням духовного храма к высшим созерцаниям и озарениям, когда его сердце пело Песнь песней. Второй период — смерть прежде смерти, отпадение от Иеговы, потеря Того, Кого он любил больше всех на свете. <...> Соломон в своей богооставленности видел себя покрытого струпьями проказы, душу, пораженную грехом, разлагающуюся, как труп, видел следствия своей измены Богу: царство, разорванное, подобно одежде, на части, двенадцать племен, обративших мечи друг против друга, разрушенный Иерусалим и пепелище на месте, где стоял построенный им Храм. Это была нищета более страшная, чем нищета Иова. <...> В своем великолепном дворце, соперничавшем с дворцами Египта и Вавилона, он переживал то, что Иов — на куче мусора, который сбрасывали с крепостных стен, Иов, заживо пожираемый червями. <...> По мистической высоте Песни песней можно мысленно представить бездну, на дно которой пал изменивший Богу пророк»⁴³.

Предание говорит о том, что царь Соломон принес глубокое Покаяние и был прощен. Светом Божественного прощения наполнен Экклезиаст — другая книга царя Соломона.

«Какой силы нужно было покаяние, чтобы Соломон мог заново родиться, чтобы орел, превратившийся в червя, снова обрел свои крылья? Священное Писание хранит об этом молчание, но

¹ Там же.

Там же, с. 74.

⁴³ Там же, с. 74-76.

безмолвный вопль души Соломона, как вспышки ночных молний, озаряет страницы Книги Иова. Здесь нет заимствований, а лишь одна и та же трагедия богооставленности, хотя причины ее неодинаковы»⁴⁴.

Архимандрит Рафаил приводит слова о том, как нужно приближаться к Книге Иова: «Книгу Иова надо читать через слезы». Именно «через слезы» можно *так* рассмотреть трагедию всей человеческой жизни, главным вопросом которой становится отношение творения с Творцом.

«Иов мужественно вынес самые тяжкие испытания, как доказательство своей любви к Богу. Но теперь, в новом внутреннем переживании — богооставленности или передужасом ее — эти же самые испытания могли показаться ему охлаждением Божественной любви к нему, и этого перенести он уже не мог. Поэтому слова Иова — это безумие любви, это плач Суламиты в разлуке с ее женихом. Великая скорбь и великая радость молчаливы, поэтому слова друзей, как бы ни были они прекрасны, только обременяют Иова. Суламиту могут утешить не подруги, а лицо жениха. Суламита, увидев его, забывает все: и речи своих подруг, и свои слезы, и саму себя. Совершается феофания — Бог явился Иову: «Я слышал Его, а теперь вижу Его» (см. Иов. 42,5), — говорит праведник. Это богоявление — ответ не на слова Иова, но на любовь его сердца»⁴⁵.

Библейские образы лежат в основании всей европейской культуры и являются, в конечном итоге, тем языком, на котором можно выразить самые глубокие переживания души в процессе становления человеческого духа. Эти состояния узнаются, как только начинается настоящая внутренняя работа, потому что задача личностного бытия — «в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью».

Повторное цитирование «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева позволяет нам сделать переход от этой сложной в теоретическом отношении главы к описанию проведенных конкретных исследований социальных представлений о некоторых вопросах, тесно связанных, на наш взгляд, с темой нравственного идеала у наших соотечественников и современников.

⁴⁴ Архимандрит Рафаил (Карелин). Тайна спасения. С. 76.

⁴⁵ Там же, с. 78.

Глава IV О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предлагаемый нами путь к решению загадки социальных представлений, с одной стороны, позволяет видеть целостную картину. Но с другой стороны, сама задача исследования социальных представлений становится более сложной, так как встает проблема применяемых методов. Решается она путем *сочетания* методов, традиционно применяемых не только в разных областях психологической науки, но также частично заимствованных из других наук о человеке.

В серии ряда исследований, проведенных нами, ведущим оказался *биографический метод* (применяемый также в психологии личности, исторической психологии и в этнографии). Биографический метод понимается нами двояко: в широком смысле слова (как анализ биографического материала, прежде всего, дневников и писем при постоянном соотнесении этого материала с историческим контекстом) и как специальный методический прием при проведении эмпирических исследований (образцом для нас здесь является, например, метод «игровой биографии» С. В. Григорьева¹: частично этим образцом мы воспользовались при построении «праздничной биографии», правда, представленной пока в виде фрагментарных воспоминаний о «настоящем празднике»² и при анализе примеров «нравственного поступка»).

В качестве традиционного для исследования социальных представлений, мы обратились к методу, предложенному японскими

Григорьев С.В. «Игры сознания» и биографические исследования в этнопсихологии // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1995, с. 57 — 75.

Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М.. Психология и праздник: праздник в жизни человека. М.: ПерСэ, 2003.

психологами Азумой и Кашиваги³ для изучения кросс-культурной специфики имплицитных концепций интеллектуальности (житейских представлений об умном человеке). В отечественной психологии метод был адаптирован Н. Л. Смирновой⁴.

Другой метод проведения кросс-культурных сравнений был взят нами без каких-либо изменений. Это метод исследования представлений о праве и юридическом законе Джейн Тапп⁵, в основе которого лежит диагностика морального развития Л. Колберга (в свою очередь, основанная на работах Ж. Пиаже). *Методология* нашего анализа опиралась на наследие отечественных ученых — известного правоведа и философа И. А. Ильина и, также как все наше исследование в целом, — на работы С. Л. Рубинштейна.

В самой большой степени последнее замечание относится к примененному нами *микросемантическому* анализу, также появившемуся в школе С. Л. Рубинштейна и разработанному А. В. Брушлинским. Рассмотрев историю создания этого анализа и обобщив основные принципы, на которых он построен, мы покажем на конкретных примерах возможность применения его в исследовании социальных представлений.

Обнаруженная связь социальных представлений с диалектикой мифа предполагает также обращение к *символическому* анализу. Однако в этом случае мы сможем лишь предложить читателю образцы и примеры, принадлежащие другим авторам, с работами и выводами которых мы согласны.

Обширное использование фактов, материалов, накопленных в смежных науках (прежде всего — в этнографии), мы уже продемонстрировали в предыдущих главах и будем еще продолжать обращаться к этому очень важному для нас источнику.

Использование произведений художественной литературы для нас является естественным в поиске свидетельств прошедших эпох, позволяющих увидеть целостную картину, запомнить

³ Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // Japanese Psychological Research 1987, vol. 29. No. 1, 17-26

⁴ Смирнова Н.Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993, с. 97 — 103.

⁵ Tapp J. Legal socialization across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N. J., 1987.

лица участников событий и услышать вновь их *диалоги*, в которых оживает для нас история.

Теперь, после этого общего вступления к главе о методах, подробно остановимся на некоторых из них.

Микросемантический анализ: история разработки и возможности применения

Термин «*микросемантический анализ*» появился впервые в середине 70-х годов в работах А.В. Брушлинского, посвященных экспериментальному исследованию мышления⁶. Этот вид анализа относится к *качественным* методам исследования и направлен на выявление внутренних детерминант мышления. Возможности его применения связаны с пониманием мышления как *процесса* — всегда творческого, развивающегося, формирующего внутри себя причины своего саморазвития. Такое понимание мышления основывалось на работах С. Л. Рубинштейна и учеников, одним из которых и был А. В. Брушлинский.

Экспериментальные исследования мышления, проведенные под руководством С. Л. Рубинштейна, и их теоретический анализ были опубликованы в самом конце 50-х годов в виде двух книжечек (ставших к настоящему времени библиографической редкостью)⁷. Позднее некоторые из материалов проведенной тогда серии экспериментов были опубликованы в книгах учеников: К. А. Славской (Абульхановой), А. М. Матюшкина, Д. Б. Богоявленской и других.

А. В. Брушлинским была поставлена и в значительной степени реализована задача воссоздания и продолжения начатых С. Л. Рубинштейном исследований мыслительного процесса. Основным результатом, как нам представляется, также стали две книги: авторская «Мышление и прогнозирование»⁸ и коллективная

Брушлинский А.В., Воловикова М.И. О мышлении как прогнозировании // Вопр. психол. 1976. № 4. С. 31-40; Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: «Мысль», 1979.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958; Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения /Под ред. С.Л. Рубинштейна. М., 1960.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: «Мысль», 1979.

«Мышление: процесс, деятельность, общение»⁹. С помощью микросемантического анализа (или семантического микроанализа) А. В. Брушлинским был открыт феномен *немгновенного инсайта*, показан *недизъюнктивный* характер мыслительного процесса.

Микросемантический анализ является прежде всего анализом *речевой продукции* и включает в себя следующие основные моменты:

- выделение психологической структуры мыслительной задачи (что можно считать решением, какие проблемы психологического характера содержатся в задаче, что является ее основным отношением); добавим, что применение его для целей исследования других областей психологии означает рассмотрение анализируемой ситуации в терминах решения задачи: жизненной или какой-либо иной;
- вычленение операционной схемы сравнения, которой пользуется испытуемый;
- выделение психологических переменных и константных образований в мыслительном процессе;
- анализ роли и значения пауз, семантического построения фраз, грамматической неправильности речи и т.п.
- выделение всех малейших переформулирований испытуемым условий и требования задачи и поиск направленности этих изменений;
- определение этапов анализа задачи и их качественной специфики.

Исторически традиция психологического анализа структур задачи восходит к работам гештальтпсихологов. Хрестоматийным является известный эксперимент К. Дункера с использованием задачи на «облучение». Испытуемым предлагалось решить (рассуждая вслух) проблему: как уничтожить с помощью х-лучей опухоль в желудке, не повредив при этом здоровые ткани?¹⁰ В 30-е годы этот вопрос (в наше время решенные

⁹ Мышление: процесс, деятельность, общение /Под ред. А.В. Брушлинского. М.: «Наука», 1982.

¹⁰ См.: «Психология мышления» /Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1965.

и известный большинству людей) рассматривался чисто теоретически. Он был связан с недавно открытым и неизвестным в деталях действием радиации и позволял моделировать творческий мыслительный процесс. Анализ решения задачи испытуемым предшествовал детальный анализ предлагаемой задачи самим экспериментатором с точки зрения *проблемной ситуации*, на которой построена задача. Проблемная ситуация связана с несовпадением *искомого* и *условий*. Используя знание о физических и биологических закономерностях как вспомогательное и для целей изучения мышления не главное, Дункер выделяет *психологическую структуру* ситуации. Смысл проводимого им анализа в поиске моментов *переструктурирования* ситуации (в терминах «фигура — фон»). С моментами переструктурирования (самым ярким из которых является «ага-реакция», инсайт) связано возникновение следующих друг за другом *стадий решения*.

Итак, анализ проблемной ситуации, заключенной в экспериментальной задаче, должен предварять сам эксперимент. Если воспользоваться терминологией гештальтпсихологов, для экспериментатора анализ физической (математической, биологической и т.п.) стороны задачи должен выступать лишь как «фон», тогда как основным («фигурой») становится психологическая проблема, содержащаяся в задаче. Классификация и анализ суждений, сделанных испытуемым по ходу решения, проводилась экспериментатором с точки зрения психологической близости или удаленности от решения (так за верное решение принималось использование специальной линзы, фокусирующей лучи, хотя технически такого решения в то время не существовало). Одним из экспериментальных методов было изменение первоначальной формулировки задачи.

Практически все указанные условия соблюдались и в работах школы С. Л. Рубинштейна. Обозначенное гештальтпсихологами направление исследований здесь получило широкое развитие. На материале как физических (известная задача Секея), так и геометрических задач проводился поиск признаков, отличающих *ранние* этапы мыслительного процесса от *поздних*. Методическим приемом, с помощью которого определялся этап анализа основной задачи, было предъявление вспомогательной задачи (задачи-подсказки). Предъявляемая на ранних этапах анализа основной, она рассматривалась испытуемым как самостоятельная задача, тогда

как на поздних этапах анализа обе задачи включались испытуемым в *одну систему связей и отношений*. Показателем развития процесса мышления и было постепенное «вычерпывание» из данных условий задачи все новых содержаний (свойств). Переформулирование испытуемым условий и требования задачи в процессе их постоянного соотнесения друг с другом рассматривалось как объективный показатель развития самого процесса. А сам процесс получил название «анализа через синтез», т.е. новое качество (анализ) выявляется через мысленное включение исследуемого объекта во все новые системы связей и отношений.

Таким образом, была реализована идея Рубинштейна о связи движения процесса мысли и ее речевой экспликации (К. А. Абульханова-Славская), которая впоследствии и послужила для А. В. Брушлинского отправным пунктом для увеличенного «под микроскопом» анализа микроизменений речи. В новой серии экспериментов А. В. Брушлинского (выполненной под его руководством также М. И. Воловиковой, Б. О. Есенгазиевой и другими) одно из основных значений приобретал сам анализ полученных протоколов решения, получивших в эти годы (середина 70-х) название «микросемантического».

Первым и основным условием микросемантического анализа является выделение в тексте всех моментов переформулирования испытуемым высказываемых мыслей в ходе рассуждения. Исходным здесь служит понимание тесной, неразрывной связи мышления и речи, идущее от С. Л. Рубинштейна, отмечавшего: «Процесс облачения мысли в слова есть процесс развития и более содержательного определения самой мысли»¹¹.

Следующий момент — выяснение того, что является *основным отношением* самой задачи и того, насколько предлагаемые формулировки приближаются к этому основному отношению. Далее вычленяется *операционная система сравнений* (соотнесения) условий и требования задачи.

А. В. Брушлинскому удалось выделить микродвижения мысли испытуемого от одного этапа решения к каждому последующему. Столь детальный анализ позволил обнаружить моменты особой интенсивности развития мысли, получившие название немгновенного инсайта.

¹¹ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 112.

Анализ демонстрируется на конкретных примерах записей «мышления вслух» по поводу предложенной в эксперименте задачи (либо нескольких задач). Проводя нумерацию высказываемых испытуемым мыслей, автор показывает, что здесь имеет место инсайт, протяженный во времени: *немгновенный инсайт*. В анализе текста учитываются паузы, семантическое построение фраз. Так, в книге «Мышление и прогнозирование» приводя конкретный пример инсайтного развития мысли, А. В. Брушлинский обращает внимание читателя на то, что в первой фразе у испытуемого еще нет явных признаков предстоящего инсайта, и далее пишет: «Затем во время небольшой паузы и во второй фразе этот инсайт начинается...». Показывая, что здесь испытуемый учитывает новые, ранее не рассматриваемые им причины угасания свечи (предъявляемые задачи основаны на физическом законе конвекции), автор отмечает:

«Здесь весьма характерна сама семантическая конструкция второй, третьей и четвертой фраз, т.е. характерно, что именно упоминается вначале, а что потом». В данном случае упоминание «новых причин» до того, как сами эти причины названы испытуемым, свидетельствует о том, как формируется его мысль: сначала общая идея («предвосхищение искомого»), а затем конкретные механизмы, реализующие эту идею: «Включение познаваемого объекта в новую систему отношений и начинающееся благодаря этому выявлению его в новом качестве сразу же открывают как бы новую перспективу или направленность мышления в процессе искания и открытия до сих пор неизвестных, но существенных свойств объекта (ранее не учитываемая роль конвекции в горении и угасании свечи). Именно эта новая система связей обеспечивает существенно новое направление всей мысли индивиду»¹².

Вывод, касающийся выделенного автором фрагмента:

«Следовательно, можно предположить, что в форме такого немгновенного инсайта мысль испытуемого начинает возникать и затем постепенно *формируется* в течение нескольких секунд как бы на наших глазах (она именно формируется, а не просто формулируется)»¹³.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: «Мысль», 1979, с. 135.

¹³ Там же, с. 127.

Такое стремление *увидеть* процесс формирования мысли является, возможно, самой характерной особенностью микросемантического анализа. Еще раз подчеркнем, что вся предшествующая работа — подготовка самого эксперимента (анализ психологической структуры задачи, варьирование формулировок, подбор подсказок), подробный анализ с целью определить по высказываниям испытуемого изменение направленности его мысли, выделение моментов рассуждения, напрямую не связанных с задачей (т.н. «уходы» от решения) — все это помогает находить и анализировать такие яркие (инсайтные) моменты развития мысли. В данном, конкретном случае этот анализ помог автору сделать вывод о закономерностях процесса прогнозирования искомого.

Микросемантический анализ позволяет выделять в протоколе моменты, связанные с личностными особенностями испытуемого (уверенность-неуверенность, настойчивость в достижении решения, «уходы» от решения и т.п.). Дальнейшим усложнением экспериментального материала, подвергающегося анализу, стало использование задач на личностно значимые темы. И здесь, с нашей точки зрения, микросемантический анализ не только обнаружил свою ограниченность, но и показал новые возможности.

Ограниченность связана с определением *основного отношения* задачи. Если в математических, физических и т.п. задачах это отношение основано на математических, физических и т.п. закономерностях, не затрагивающих личность, то в личностно значимых задачах в основное отношение включены в той или иной степени личности и решающего, и анализирующего.

Микросемантический анализ оказался незаменимым при исследовании процесса решения нравственных задач. Примером одного из таких исследований является работа, выполненная в начале 90-х годов Л. В. Темновой под руководством А. В. Брушлинского, где авторы замечают: «Свою задачу мы определили так: изучение особенностей решения человеком нравственных задач, содержащих ситуацию морального выбора»¹⁴. В одной из предложенных задач спрашивалось: «Следует ли оставить в Законодательстве в качестве высшей меры наказания смертную казнь?» Интересен сам подход авторов к проблеме. Они отмечают, что

анализу подвергается лишь ход рассуждений и аргументация испытуемых, а не полученный ответ, так как единственно верного решения в задачах такого рода нет¹⁵. В то же время применение микросемантического анализа было бы невозможно, если бы «ответа», т.е. своей точки зрения на проблему, не было бы у самих исследователей. Его нетрудно найти в тексте: «Не вызывает сомнения тот факт, что для честного человека нет выбора: делать добро или не делать»¹⁶. Значит, решение есть, но оно затрагивает, прежде всего, уровень личности, ее убеждения (осознанный выбор между добром и злом в пользу добра). Следовательно, для получения решения необходимо включение в одну систему связей и отношений, с одной стороны, результатов интеллектуального, мыслительного анализа (ситуации в стране и прочих конкретных условий, связанных с проблемой преступления и наказания), а с другой стороны, нравственного выбора личности между добром и злом. Для того чтобы выбор абсолютного (насколько возможно в реальных условиях) добра попал в одну систему связи и отношений с тщательно проанализированной реальной ситуацией (в стране, в судебном исполнительстве и проч.), необходимо, чтобы что-то из этих двух сторон стало *психологической переменной*. Метод оказался ключевым для обнаружения отношения между мышлением и нравственной позицией (выбором или убеждением). Наиболее поразительным фактом оказывается момент интеллектуального открытия субъектом нравственной истины.

Авторы выделяют несколько типов решения. Один из них назван ими «ортодоксальным» (или «безапелляционным»). Это тот случай, когда на предложенный вопрос у испытуемого есть свой, давно обдуманый ответ, и он лишь последовательно аргументирует свою точку зрения. Сколь бы протяженным ни было это изложение, процесса развития мысли здесь не наблюдается, предложенные подсказки остаются без внимания. Микросемантический анализ позволяет быстро обнаружить «безапелляционность» и в таком конкретном случае он краток.

Интерес исследователей вызывает тип решения, названный ими «колеблющимся». Протокол такого типа наиболее полно

Сам Брушлинский был принципиальным противником смертной казни.

Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач, с. 48.

Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Ин-т психологии РАН, 1993., с.47.

позволяет обнаружить то, *что именно* для испытуемого на разных этапах анализа становится психологической переменной. Если у «безаппелляционного» типа вывод о допустимости смертной казни (за убийство) не подвергается сомнению, не становится психологической переменной, то колеблющийся тип внутренне открыт для подсказок (о ценности человеческой жизни и прочее), т.е. для него эта проблема является именно *мыслительной* задачей. Мышление использует в качестве психологической переменной одно из условий задачи (допустимость-недопустимость смертной казни) и таким образом становится открытым (способным войти в новую систему связей и отношений) к аргументации о самооценности человеческой жизни¹⁷.

Микросемантический анализ открывает возможность рассмотрения взаимосвязи мышления и личности на процессуальном уровне — в динамике, изменении и взаимозависимости. Нами было проведено несколько исследований такого рода, однако мы должны сразу же признаться, что *моменты*, напоминающие инсайт по скорости развития мысли, неожиданности для самого испытуемого и новизне полученного решения, были обнаружены только в протоколах решения задач детьми. Остановимся подробнее на каждом из таких случаев.

В исследовании, проведенном в конце 80-х годов, дети младшего школьного возраста решали вслух различные задачки на моральную тему (составленные по типу «историй» Ж. Пиаже). Нами наблюдался следующий факт. Один мальчик, практически единственный из всех детей, у которых был диагностирован 2-й этап развития ВПД (по Пономареву¹⁸), давал тип решения

¹⁷ Когда убийство человека перестает быть абстрактным вопросом принятого в интеллигентном обществе гуманизма, а становится реальностью лишения жизни самых близких людей, то формулируется другой ответ: право на жизнь в не меньшей степени обладает и жертва. После трагической гибели Андрея Владимировича обращение к его работам позволяет заметить: для него самого не существовало альтернативы выбора между добром и злом. Если он был убежден в чем-то как в добром и хорошем, то проблемы выбора не стояло. Другое дело, само различие добра и зла. Возможности мышления здесь у любого человека ограничены. Ответ узнается сердцем.

¹⁸ Измерение ВПД — внутреннего плана действий (или СДУ — способности действовать в уме) проводила аспирантка Я.А. Пономарева, Т.В. Галкина в рамках своего исследования.

моральной задачи, характерный для детей с более высоким этапом развития ВПД. Микросемантический анализ хода его рассуждений позволил обнаружить, что ребенок, отвечая на «провоцирующие» вопросы экспериментатора, ни разу не попытался сделать *психологической переменной* моральное правило, и именно это позволило ему сформулировать решение, характерное для детей с более развитой способностью действовать в уме¹⁹.

Другой факт был получен на первом этапе совместного с Л. Л. Гренковой исследования социальных представлений о «порядочном человеке»²⁰. Этому исследованию и исследованиям, продолжающим его, будут посвящены одна из следующих глав. Здесь мы хотели бы остановиться на примере применения микросемантического анализа в работах такого типа.

Одно из предъявляемых заданий можно было рассматривать как задачу на нравственную тему. Испытуемых просили привести конкретные и аргументированные примеры, доказывающие, что лицо, описываемое ими (при выполнении предыдущих заданий), действительно «порядочный человек».

Данное исследование показало возможность осуществления микросемантического анализа *письменного* текста. Проводимое наличностно-значимую тему (нравственность), оно, во избежание неискренних ответов, было организовано как анонимное и соответственно проводилось в письменной форме. При анализе учитывалось переформулирование мысли испытуемого от первого предложения до последнего, отмечались исправления текста, зачеркивания, а также искренний тон ответа. Только среди детей были получены несколько фактов инсайтного развития мысли (взрослые, скорее, рассказывали о результатах своего осмысления предложенной темы, состоявшегося не во время исследования, а раньше).

Продемонстрируем пример инсайта, который с большой определенностью можно назвать *немгновенным*: он действительно происходит как бы у нас на глазах. На просьбу вспомнить

Воловикова М. И. Моральные суждения младших школьников // Вопр. психол. 1987. № 2.

Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997, с. 93— 111.

знакомого человека, которого отвечающий может назвать действительно порядочным, 12-летний мальчик пишет (по примеру анализа А. В. Брушлинского мы также пронумеруем каждую фразу): «(1) У меня нет порядочных друзей, я пишу правду. (2) Они все уже что-нибудь совершили плохое. (3) Например, мой друг В...(4) (густо зачеркнуто) (5) Я тоже, что-нибудь совершал плохое и очень плохое. (6) Например, дрался и даже иногда приносил телесные повреждения. (7) Но я (зачеркнуто) ненарочно. (8) Я сделал очень много нехорошего и злово (9), но я извиняюсь». Сохраненная орфография позволяет видеть, что ребенок «не отличник». Искренность тона его ответа не вызывает сомнения («я пишу правду»), более того, он потрясен самим вопросом, и от фразы к фразе происходит бурное развитие его мысли. В 1-й фразе он отвечает на вопрос: у него нет друзей, которых можно назвать порядочными. Ответив таким образом, он вполне может освободить себя от необходимости отвечать дальше. Но он продолжает, и это говорит о том, что для него проблема не решена. Во 2-й фразе он ищет аргументы для подтверждения своего первого утверждения. Аргументы связаны с *поступком*. Наш вопрос касался поступка, *доказывающего*, что описываемый человек порядочный. Мальчик ищет сначала критерии того, почему людей *нельзя назвать* порядочными: когда они «уже что-нибудь совершили плохое». Но и на этом он не останавливается, обнаруживая потребность доказать, аргументировать свой ответ (в этом сказывается его заинтересованность темой, мы бы даже предположили, потрясение от такой постановки вопроса). В 3-й фразе он пытается привести конкретный пример плохого поступка, совершенного «другом В.», но (4) сам себя останавливает, густо зачеркивая написанное. Этот момент является поворотным. Если во фразах с 1 по 3 образец порядочности не обнаруживается вовне, в окружении подростка, то зачеркивание фразы, уточняющей, что именно плохое совершил В., меняет направленность поиска. Из поиска вне себя ребенок обращается к себе самому: (5) «Я тоже, что-нибудь совершал плохое и очень плохое». Это настоящий инсайт. Вместо ответа — «я не знаю порядочных людей, так как моих знакомых нельзя назвать порядочными по таким-то и таким-то критериям», неожиданно возникает иная система связи: порядочность и он *сам*. Те же критерии, по которым он в первых фразах пытался судить о порядочности своих друзей, подросток

применяет к себе (6-я фраза). В 7-й фразе он делает мучительную (зачеркивания!) попытку оправдаться («ненарочно»), но отбрасывает ее. Начавшийся инсайт определяет направленность анализа *на себя*, свое поведение, и здесь уже нет зачеркиваний: (8) «Я сделал очень много нехорошего и злого». Слово найдено: «зло». 12-летний мальчик открывает четкую границу нравственного («порядочного») и безнравственного («непорядочного»): это граница между добром и злом. Такое понимание онтологической сущности нравственности человека при осознании, в то же время, своей причастности злу, а не добру, приводит к продолжению инсайта (или к новому инсайту?): мальчик выражает свою готовность исправиться (словами «извиняюсь» он разрывает связь со злом и обнаруживает готовность отказаться от своих плохих дел).

Продемонстрированный здесь анализ позволяет увидеть, что работа совести («совестный акт» — по И. Ильину) носит характер инсайта: внезапное осознание, отказ от осуждения другого человека и готовность к исправлению поведения. В операционную схему сравнений включается не только мышление, но и личность, которая сама становится и *психологической переменной*.

Микросемантический анализ позволяет «уловить», сделать доступным рассмотрению *психологическим фактом* этот миг неразрывного единства мышления и личности. Относительно продолжительный по времени *немгновенный* инсайт в процессе решения математической, физической или любой другой задачи преобразует личность испытуемого. На эти 2 — 3 минуты он становится уверенным, независимым от поддержки либо оценки со стороны (экспериментатора), блистательным в своих суждениях, у него доминируют мотивы специфически познавательного характера²¹. *Мысль руководит личностью* и руководство это исключительно продуктивно.

Возможен иной ход взаимодействия мышления и личности — Деструктивный, разрушающий, что показывает приведенный нами в первой главе анализ сюжета романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», позволяющий увидеть *анатомические* подробности захвата власти над человеком мысли, в прямом смысле слова убийственной и больной.

См. «Мышление: процесс, деятельность, общение» /Под ред. А. В. Брушлинского. М.: «Наука», 1982.

Условием проведения микросемантического анализа является не только рассмотрение анализируемой ситуации в терминах мыслительной задачи, но и разработанность четких критериев, позволяющих проводить анализ процесса решения. Критерии эти формируются не в психологии, а в той области знания, к которой относится задача. Для математической задачи эта область — математика, для физической — физика. А вот для нравственных задач критерии надо искать не только и не столько в этике (разделе философии). Ключом к анализу истории пленения мысли Раскольникова для нас стало произведение автора XV — XVI веков преподобного Нила Сорского. Святоотеческое наследие отразило многовековую практику борьбы с помыслами.

Имплицитные концепции интеллектуальности

На работу японских психологов Азумы и Кашиваги, посвященную исследованию социальных представлений об умном человеке (имплицитным концепциям интеллектуальности) наше внимание обратила Н. Л. Смирнова, которая сама провела подобное исследование на отечественной выборке (в рамках проекта, совместного с финскими учеными Х. Рати и Л. Снеллман, получившим результаты по японской методике на финской выборке²²).

Поскольку метод, предложенный японскими психологами, стал (при незначительном видоизменении) основным и для целой серии наших исследований, мы здесь подробно о нем расскажем.

В своей работе «Дескрипторы для интеллектуальной личности: японское исследование»²³ Азума и Кашиваги отмечают: «Интеллектуальность в современном мире имеет прочную позитивную ценность, а любое качество, которое связано с высокой социальной оценкой, стремится двигать человека в этом направлении»²⁴. И делается такое интересное наблюдение: как только коэффи-

циент интеллекта стал важен, то он в целом по нации... стал выше. Вывод, напоминающий замечания С. Московичи о взаимовлиянии научных знаний и социальных представлений, но сделанный с несколько неожиданной стороны.

Работа японских коллег привлекла наше внимание именно из-за непривычного ракурса, в котором они рассматривают проблему, исходя, кроме опоры на западные образцы, из специфики своей культуры. Японскую традицию отличает трепетное внимание к мелочам. Иначе говоря, «мелочей» здесь нет и быть не может. Всякий обобщенный взгляд на такое важное качество как ум (интеллектуальность), полученный с помощью методик, заимствованных в культурах, развивающихся по несколько иным принципам, таит в себе опасность не заметить детали, которые существенны как раз для социальных представлений японцев. Поэтому Азума и Кашиваги, взяв за основу метод американского психолога Стернберга и его соавторов²⁵, внесли существенные изменения в способ проведения исследования. Они утверждают, что житейские представления об интеллектуальности менее абстрактны, чем IQ или "д", используемые психологами. В Японии они более многогранные и завязаны на контексте. Это интеллект как территория позитивного оценивания в контексте окружающего мира и это также житейское понимание ума, которое оказывает воздействие на направление когнитивного развития. Исследователи делают вывод, что житейские представления об интеллекте связаны с культурой». Ссылаясь на работы Найссера и на прототипическую концепцию когнитивной психологии, они напоминают, что об уме человека судят на основании общего сходства с прототипом (*образцом, эталоном*) интеллектуальной личности. Прототип в таком понимании — это абстракция, обобщение наблюдаемых примеров: «Существуют разные уровни абстракции. На нижнем уровне абстракции прототип может быть высоко специфичным, наполнен деталями примеров отобранных образцов и будет, следовательно, специфичен относительно количества деталей, подробностей, а также специфичен у различных культурных, этнических, социально-

²² Hannu Raty, Laila Snellman. Does Gender Make Any Difference? Common-Sense Conceptions of Intelligence // J. Social Behaviour and Personality, 1992, Vol. 20(1), p. 23-34.

²³ Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study//Japanese Psychological Research 1987, vol. 29. No. 1, 17 — 26.

²⁴ Там же, с. 17.

Sternberg R., Conway B., Ketron J., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // Journal of Personality and Social Psychology. 1981, 41. P. 37-55.

экономических групп или групп по половой принадлежности» (нужно заметить, что они не используют термин «гендерные различия»). От этих теоретических рассуждений исследователи переходят к принципам построения самой методики: «Мы предлагаем исследование прототипа интеллектуальности на уровне такой абстракции, которую использует большинство людей в своем повседневном общении». Сказав о специфичности представлений об «умной домохозяйке» или «умном пожилом человеке» или «умном ребенке» и т.п., они заключают: «Наконец, мы приходим к единичному члену общности, где прототип стремится в то же время к конкретной личности»²⁶. Именно эту «конкретную личность» японские исследователи не могут «сократить».

В отличие от Стернберга с соавторами, собиравших качества «идеального», а не реального умного человека, они просили вспомнить и описать человека «которого респондент знает лично» и которого считает умным. Принимаются также и описания нескольких умных людей одним респондентом:

«Таким образом мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему испытуемому подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает и знает как интеллектуальную, и думает, что эти личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности»²⁷.

Категоризация собранных таким образом дескрипторов (качеств интеллектуальной личности) и отбор в каждой из групп (категорий) дескрипторов, ясных по значению позволили сформировать список из 67 дескрипторов. Исследователи отмечают, что многие из этих дескрипторов трудно поддаются переводу на английский язык — «без добавления длинных и утомительных пояснений».

Сделанное замечание позволяет обратить внимание на то, что в работе не только есть обращенность к конкретной личности и ее качествам, но и то, что первичный сбор дескрипторов, необходимых для подготовки анкеты, происходит на родном языке и, соответственно, может быть сделан в любой другой культуре в такой же последовательности.

Предположим, для исследования представлений об умном человеке была бы переведена анкета, составленная в США (так обычно и происходит при кросс-культурных исследованиях, когда специально обговаривается процедура перевода: прямого и обратного). Но тогда в анкету не попали бы такие качества, которые совершенно не важны в США, но оказались очень существенными для Японии. Например: «знает свое место», «с богатым словарным запасом», «знает, как на него смотрят другие», «с изяществом признает ошибки», «рассказывает последовательно», «может привести к согласию различные мнения», «духовно опытен», «может стать на точку зрения другого», «с хорошим почерком», «смотрит на вещи с разных углов зрения», «часто пишет письма», «проницательный» (остальные качества могут быть типичны и для западной культуры).

Далее процедура исследования становится обычной — кроме повторения просьбы при заполнении готовой анкеты, составленной на основе найденных 67 дескрипторов, отмечать наличие или отсутствие каждого из качеств у «человека, которого респондент знает лично и считает его умным человеком» (оценка проходит по 3-балльной шкале: «да», «нет», «не знаю»).

Полученные после статистической обработки заполненных анкет результаты факторного анализа уже можно сравнивать и тогда, когда исследования проводились в разных культурах и, соответственно, первичный сбор данных осуществлялся на разных языках.

Выделенные факторы, с нашей точки зрения, можно было бы рассматривать и как типы людей, которых считают умными в Японии.

«Было выделено 5 факторов. Фактор 1, охватывающий 47% всех вариантов, был интерпретирован как *позитивная социальная компетентность*. Дескрипторы, которые составили этот фактор при более чем .45 были следующими: «хорошо говорит», «общительный», «остроумно говорит», «знает много тем» «с чувством юмора», «активный, энергичный» «бодрый» «лидер» «движется вперед» и «живо говорит». Фактор 2 — *эффективность в решении задач*, дескрипторы: «работает эффективно», «не опаздывает», «быстро соображает», «планирует заранее», «расторопный клерк», «с хорошей интуицией»<...> Фактор 3 — *рецептивная социальная компетентность*: «может встать на точку зрения другого», «сочувствующий», «скромный», «хороший слушатель», «признает ошибки с большим изяществом»,

²⁶ Azuma&Kashiwagy... p. 18.

²⁷ Там же.

«знает свое место», «остроумен». Фактор 4 — *оригинальность*: «оригинальный» и «знаток». <...> Последний фактор 5 — *чтение и письмо*: «хорошо пишет», «часто пишет письма» и «хороший читатель»²⁸.

Н. Л. Смирнова, которая провела аналогичное исследование по той же процедуре на российской выборке, смогла сравнить свои результаты с данными японских, финских и американских коллег. Исследование Смирновой, проведенное в середине 90-х годов, показало близость отечественной ментальности к представлениям японцев, а также близость финских данных к американским (хотя последние и были получены с применением несколько иной методики). Сходство между нами и японцами заключалось в том, что и в том и в другом случае ведущее место в представлениях об умном человеке принадлежало не чисто когнитивным или инструментальным навыкам, а «социальной компетентности».

Факторами, которые были выделены в исследовании Смирновой и которые она сама называет «типами социальных представлений об интеллектуальной личности», были: *социально-этический* («скромный», «порядочный», «доброжелательный», «добрый», «честный», «помогает другим»); *культуры мышления* («эрудированный», «интеллектуальный», «хорошо образован», «много читает», «имеет гибкий ум», «творческий»); *самоорганизации* («независим от эмоций», «практичный», «не повторяет собственных ошибок», «хорошо действует в сложной ситуации», «стремится к поставленной цели», «логичный»); *социальной компетентности* («умеет понравиться», «хорошо говорит», «активный», «общительный», «с чувством юмора», «интересный собеседник»); *опытности* («много умеет», «мужественный», «работоспособный», «мудрый», «критичный»).

Н. Л. Смирнова пишет:

«Сравнивая результаты американского, японского и финского исследований, можно отметить значительное сходство в результатах, полученных в американском и финском исследованиях. Их главный вывод — когнитивный компонент является ведущим в представлениях об интеллектуальной личности. В японском же исследовании на первый план выступает социальный фактор. Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся

Azuma & Kashiwagy... p. 22.

с проявлениями западной и восточной ориентации, а именно: рационалистические и индивидуалистические традиции западного общества и коллективистические традиции и «ненаучный» (при рассмотрении с позиции западных стандартов) стиль мышления в Азии. <...> В нашем исследовании также выявлена ведущая роль социального фактора. По-видимому, это означает то, что по своим традициям и стилю мышления, во всяком случае, в том их аспекте, который определяет изученные характеристики прототипов, российская популяция является в большей степени восточной, чем западной. Эти результаты во многом подтверждают представления о наличии двух начал (восточного и западного) в российском менталитете и преобладании восточного, о ведущей роли моральных представлений, и вместе с тем, о целостном характере русского мышления»²⁹.

Однако, эти выводы, сделанные на основе своих исследований шестилетней давности, Смирнова корректирует и сравнивает с результатами, полученными совсем недавно (нужно помнить, что период между началом 90-х г. и временем перехода в третье тысячелетие в России связан со значительными социальными изменениями). Она пишет:

«Особый интерес представляет оценка динамики представлений об умном человеке в России за период с начала 90-х годов по настоящее время. В нашем обществе интеллектуальность обычно связывается с понятием интеллигентность [ср. *intelligence* (англ.) — интеллектуальность и *intelligens* (лат.) — интеллигенция], традиционно включающей морально-этическую оценку, что и составляет задачу дифференциации от других культур, в которых эти представления более рационалистичны. Но исследования последних лет показывают стирание этой разницы. Эти представления, во всяком случае, для московской выборки, претерпевают явную «вестернизацию»: сдвиг от социального в сторону когнитивного»³⁰.

Итак, данный метод исследования социальных представлений имеет следующие особенности: он позволяет говорить об определенных типологиях, а также учитывать культурную специфику

²⁹ Смирнова Н. Л. Типы социальных представлений об интеллектуальной личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 134.

³⁰ Там же, с. 137.

представлений, дает возможность поведения кросс-культурных сравнений. Метод «не экономен», т.е. первичные данные (де-скрипторы) нужно собирать заново в каждой иной культуре.

Еще Дюркгейм говорил о том, что коллективные представления (прообраз социальных представлений) «живут своей жизнью» и, передаваясь от поколения к поколению, становятся реальностью, существующей «в почти материальной форме»³¹. Эти утверждения, как и типологический взгляд на проблему социальных представлений, не противоречат, с нашей точки зрения, пониманию представлений в контексте *диалектики мифа*, а, скорее, помогают именно такому пониманию. Передается новому поколению не набор черт и качеств, а *образы* живых и конкретных людей, воплотивших жизнью своею (возможно даже, одним своим поступком или деянием) национальный идеал.

В предельном своем выражении эта мысль может быть выражена уже цитировавшимися ранее словами из «Диалектики мифа»:

«...нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и первообразом»³².

Есть имена в истории каждого народа, обращение к памяти о которых в моменты решающих испытаний объединяет народ и делает его силой, способной справиться с самыми трудными задачами. Здесь *диалектика мифа* имеет характер объективного закона.

О символическом анализе

Существуют разные определения народа, нации. Но не всегда в этих определениях отражено, может быть, главное для каждого народа — его святыни. Именно вокруг этих святынь собирается народ, утверждает свое бытие держава, устраивается государ-

ственная жизнь. Святыни — это и храмы, и города, и особые места родной земли, это предметы культуры, произведения искусства, литературы. Но главное среди святынь — люди, о которых народ хранит благодарную память, люди, ставшие символом нации. Среди них на Руси всегда главное место в сердцах людей принадлежало святым. Святые — это «видимые свидетели мира невидимого», «живая душа человечества, которую оно возшло в мир горний»³³. Символический язык древнерусской иконописи, «открытый» заново в начале XX века, был хорошо знаком любому крестьянину и до революции не забывался в народе, веками воспитывая русских людей.

Аверинцев говорит о том, что символ нельзя дешифровать простым усилием рассудка, что в него надо «вжиться». Символ многозначен, и благодаря этой многозначности происходят сцепления смысла, которые всякий раз соотносятся с самым главным — «с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого «универсума»: «Сама структура символа направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию «первоначал» бытия и дать через это явление целостный образ мира»³⁴.

Символ — диалогическая форма знания, реально он существует только в диалоге. Символом в Древней Греции называли разломанные половинки одной пластины, совмещение которых при встрече служило для людей опознавательным знаком того, что обладатели «половинок» находятся в духовном родстве. По символу «свои» узнавали «своих»³⁵. Символ включает в себя совокупность идей, объединенных не аналитически, а синтетически. Постигать их можно на любом уровне. Учение о символах основано на соответствиях, существующих между различными степенями реальности: низшее свидетельствует о высшем, видимое — о невидимом, известное — о неизвестном. Существует два вида символов: символы как знаки и предназначения, которые имеют неполное, иносказательное, преобразовательное соответствие тому, что изображают, и символы как образы,

Флоренский П. Иконостас // Богословские труды, сб. 9. М., 1972, с. 100.

Аверинцев С.С. София-Логос... с. 156.

Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия, т.7, М., 1971.

³¹ Смирнова Н. Л. Типы социальных представлений об интеллектуальной личности, с. 129.

³² Лосев А.Ф. Диалектика мифа..., с. 550.

которые непосредственно изображают совершенное, истину, поскольку она является в образах.

С. С. Аверинцев, разбирая традицию существующего символического анализа, говорит:

«Психоаналитик К. Г. Юнг, отвергший предложенное З. Фрейдом отождествление символа с психопатологическим симптомом и предложивший романтическую традицию (воспринятую через Бахофена и позднего Ф. Ницше), истолковал все богатство человеческой символики как выражение устойчивых фигур бессознательного (т.н. архетипов), в своей последней сущности неразложимых»³⁶.

Аверинцев предупреждает о том, что опасной возможностью юнговской симвонологии является размывание границ между символом и мифом, «превращение символа в лишённую твёрдого смыслового устоя стихию», добавляя, что «охота за архетипами» (возникшая в филологической и литературоведческой среде поклонников теории К.Г. Юнга), малопродуктивна. Он так выражает в самой краткой форме результат своего обобщения сказанного Юнгом о понятии архетипа:

«У Юнга понятие архетипа означало первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах <...> Однако архетипы — это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Словами Юнга, архетипы имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта, <...> восходит к универсально-постоянным началам в человеческой природе. <...> Юнг предполагал, что архетипы присущи роду (человеческой общности или всему человечеству) в целом, т.е., по-видимому, наследуются. В качестве вместилища («душевного пространства») для архетипов Юнг постулировал особенно глубокий уровень бессознательного, выходящий за пределы личности — т.н. коллективное бессознательное»³⁷.

Аверинцев приводит цитату из Т. Манна, полнее всего, с его точки зрения, раскрывающую понятие архетипа:

«... в типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, — это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы»³⁸.

Обращение к древним мифам позволяет современным авторам полнее и глубже показать свое видение проблемы. Так Т. А. Флоренская, наряду со своей интерпретацией мифа о царе Эдипе, приводит также интерпретацию С. С. Аверинцева, причем каждая из них не противоречит, а дополняет другую.

Сначала Флоренская напоминает об «эдипове комплексе», о котором знают все психологи, но дает совершенно иную (противоположную фрейдовской) интерпретацию:

«У Софокла ситуация не разрешается тем, что человек осознает свою вину и якобы отреагирует на вытесненные влечения. Эдип приходит к осознанию, раскаиванию. Он выкалывает себе глаза, идет на мученичество, добровольное изгнание, лишение всех благ. То есть реального Эдипа это приводит к покаянию. По Фрейду же, эдипов комплекс — все вытесненные влечения больных».

И далее приводится интерпретация этого же мифа С. С. Аверинцевым:

«Он говорит о том, что Эдип убивает своего отца на скрещении трех дорог: это дорога, ведущая к incestу (кровосмешению с матерью), дорога убийства и дорога экстраординарного знания. Каким образом это все связано? Incest символизирует власть. Эдип получил власть, стал царем через убийство отца, кровосмешение с матерью и экстраординарное знание — он разгадывает загадку сфинкса. За всеми этими тремя путями Эдипа-преступника стоит воля к овладению, к власти, к самости, выход за нормы и рамки человеческого бытия, переход запрета. Запретное знание — запретный плод — первое грехопадение. Блуд, incest, воля к власти: Эдип стал царем вместо своего убитого отца. Это

³⁶ Аверинцев С.С. София-Логос..., с. 160.

³⁷ Аверинцев С.С. София-Логос..., с. 35 — 36.

³⁸ Т. Манн. Собрание сочинений, т.9, М, 1960, с. 175.

Эдип-преступник, падшая душа человека. Падение человека и связано с тремя страстями. Но это не Эдип-человек. Эдип-человек ведет себя иначе. Он не выпускает на волю запретные влечения, не соглашается с ними, не примеряется к ним (как это происходит в психоанализе, стремящемся примирить человека с вытесненными влечениями). Он понимает, что внешнее знание его обмануло. Он раскаивается, идет добровольно на мучения — и в результате становится героем Фив. Из виновника страданий своего народа (из-за преступления царя Эдипа его страну поразила моровая язва) он становится избавителем и спасителем своего народа»³⁹.

На символическом анализе основаны работы князя Евгения Трубецкого «Умозрение в красках» и «Два мира в древнерусской иконописи» (1916 г.), посвященные древнерусской иконописи, незадолго до этого «открытой» для широкой публики.

«Совершающееся на наших глазах открытие иконы — одно из самых крупных и вместе с тем одно из самых парадоксальных событий новейшей истории русской культуры. Приходится говорить именно об открытии, так как до самого последнего времени в иконе все оставалось скрытым от нашего взора, и линии, и краски, и в особенности *духовный смысл* этого единственного в мире искусства. А между тем это — тот самый смысл, которым жила вся наша русская старина»⁴⁰.

Несколько веков иконы были скрыты под окладами и темными пятнами. Реставрация привела к «открытию» икон.

«В этих произведениях выявилось все жизнепонимание и все мироощущение русского человека с XII по XVII век. Из них мы узнаем, как он мыслил и что он любил, как судила его совесть, и как она разрешала ту глубокую жизненную драму, которую он переживал»⁴¹.

Трубецкой говорит о *двух Россиях*, образ которых дан в иконе. Одна «уже утвердилась в форме вечного покоя», другая —

«прислонившаяся к храму» и вокруг него возводящая свое временное мирское строение. Он пишет прежде всего о «Руси земледельческой»: «Во храме мы находим живой отклик на ее моления и надежды».

Русских мыслителей — самых самобытных из них (Соловьева, Бердяева, Флоренского, Булгакова и других, относящихся уже к новым поколениям: Лосева, Аверинцева) отличает способность видеть «разломы реальности», когда через явление просвечивает, обнажается сущность (Флоренский). Их мысль выдерживает напряжение антиномий (противоречий) и дает творческий синтез, «снимающий» противоречия. Только происходит это на самом высоком плане бытия.

Трубецкой пишет:

«От светлой мистики древнерусской иконописи мы теперь перейдем к ее психологии — к тому внутреннему миру человеческих чувств и настроений, который связывается с восприятием этого солнечного откровения. Мы имеем и здесь необычайно многообразную и сложную гамму душевных переживаний, где солнечная лирика светлой радости совершенно необходимо переплетается с мотивом величайшей в мире скорби — с *драмой* ⁴² *встречи двух миров*» .

Об образном, иконописном воплощении этой драмы автор размышляет на примере некоторых древненовгородских и псковских икон. Он пишет:

«В лице Иосифа иконопись угадала не индивидуальную, а общечеловеческую мировую драму, которая повторялась и будет повторяться из века в век, доколе не получит окончательного разрешения трагическое столкновение двух миров, ибо она — *всегда одна и та же*»⁴³.

Трубецкой говорит о том, что можно по-разному относиться к идее двух миров, можно даже попытаться забыть о ней и жить по-мещански «просто». Однако бывают эпохи, когда «удобный нейтралитет» между добром и злом становится невозможным. Так происходит в критические эпохи, в которые «борьба между

³⁹ Флоренская Т. А. Диалоги о воспитании и здоровье: духовно-ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. №3, 2001, с. 85.

⁴⁰ Трубецкой Е. Н. Избранное. М.: «Канон», 1995, с. 354.

⁴¹ Там же, с. 355.

⁴² Там же, с. 369.

⁴³ Там же, с. 375.

добром и злом достигает крайнего, высшего напряжения», когда «человек ставится в необходимость определенного выбора между горным полетом и провалом в бездонную пучину».

Начавшаяся Мировая война и почти пророческие предчувствия грядущих бед позволяют мыслителю заметить:

« Это — те времена, когда таящееся в человеке зло не сдерживается мирными, культурными формами общежития, а потому является в гигантских размерах и формах. <...> Это бывает в те дни, когда над землею разгорается кровавое зарево, в дни войн, великих потрясений и всяких внутренних ужасов»⁴⁴.

Самые суровые испытания и страдания питают и самые высокие образы. Такое утверждение Трубецкой делает на основе анализа ярчайших иконописных работ — в сопоставлении со временем, в которые те были созданы.

Завершая эту работу, датированную 1916 годом, князь Евгений Трубецкой пишет: «Возможно, что переживаемые нами дни представляют собою лишь "начало болезней"...»⁴⁵.

Он оказался прав. «Продолжением болезней» стала революция, внутренние истоки которой Трубецкой анализирует в последней своей работе «"Иное царство" и его искатели в русской народной сказке» (последняя авторская редакция — 1923г.). Отмечая, что «уход от гнетущей человека бедности жизни, подъем к неизреченному богатству чудесного в связи с исканием «иного царства» есть общая черта всех веков и всех народов», он говорит о разном понимании «сказочного богатства»:

«Бедность жизни ощущается людьми по-разному, соответственно различию в настроении, в жизнепонимании и в особенности — в душевном строе. Души низменные отождествляют ее с бедностью в буквальном смысле слова, т.е. со скудностью материальных средств. Отсюда рождается та вульгарная, приземистая сказка, для которой искомое «иное царство» есть в общем идеал сытого довольства»⁴⁶.

Предельным выражением такого искаженного народного идеала является «воровская утопия», в которой Трубецкой

увидел реальную силу, послужившую опорой в народном сознании идеям революции:

«Сказки, где так или иначе высказывается или вышучивается житейская мечта русского простолюдина, наиболее близки к русской действительности. Нужно ли удивляться, что эти сказки полны образов, которые уже стали действительностью. На наших глазах осуществилась утопия бездельника и вора и мечта о царстве беглого содд,ата. Захватывают «трехэтажные дома» и чужие кошельки; печатный станок уже давно воплотил в жизнь мысль о кошельке неистощимом...»⁴⁷.

И далее:

«Мечта эта оказалась сильною в жизни именно оттого, что у нее есть глубокий мистический корень в русской душе. Связь между усыплением нашего народного духа и торжеством воровской утопии совершенно очевидна»⁴⁸.

В то же время «для сознания более глубокого» бедность является общим свойством всего «житейского», «всего земного вообще». В отказе от этого идеала «царства не от мира сего» находит Трубецкой объяснение причин того, что революция была поддержана «простолюдинами».

В русской сказке есть много общего с сюжетами сказок других европейских народов. Даже герой-дурак (обычно — младший из трех братьев, где старшие — «умные детины») обычен для западноевропейских сказок. Так что смысл ограниченности житейского, рассудочного ума в задаче «добывания царства» на уровне сказочных архетипов открыт многим народам. Но существует герой, которого Трубецкой выделяет особо, видя в нем, в некотором роде, корень революции: «Крайним выражением апофеоза лени служит сказка о Емеле — дураке»⁴⁹.

Обращение к герою сказки «По щучьему веленью» позволяет нам показать «многослойность» символа как такового. Есть в этом образе — на самой поверхности его то, что прежде всего бросалось в глаза в период начавшейся русской трагедии, когда *народ* в массе своей не отвергнул идеи начавшегося переворота, в лозунгах своих адресованного к идеалу «воровской утопии»

⁴⁴ Трубецкой Е. Н. Избранное, с. 383.

⁴⁵ Там же, с. 385.

⁴⁶ Там же, с. 389-390.

⁴⁷ Там же, с. 398.

⁴⁸ Там же, с. 429.

⁴⁹ Там же, с. 393.

(«грабь нагребленное» и проч.). Однако, в отличие от типично «воровских» сказок (ныне большинство из них забыто), сказка «По шучьему веленью» создана «на века», и символическое значение ее превосходит идеал лени.

Герой — дурак «лежит на печи» и на всякое предложение приложить хоть какое-то усилие отвечает: «Неохота!». «На печи» (по причине болезни) лежал былинный Илья Муромец «тридцать лет и три года». Лежал (на лежанке) один из самых неоднозначных героев великой русской литературы Обломов — как и Муромец, тоже Илья (да еще «Ильич», т.е. сын Ильи⁵⁰). От «лежания» отрывается Илья Ильич ради сердечного порыва («предмет» которого — Ольга, оказался не стоящим), Емеля — дурак добывает принцессу и царство, потому что «печка» сама его возит, т.е. в своей «созерцательной лени» он оказывается более проворным, чем самые деловые и энергичные... Илье Муромцу сила подняться с печи дается (тоже волшебным образом) для защиты Отечества, ради пламенной любви его крестьянского сердца к Руси — России.

Формулируя «русскую идею», Иван Ильин записал:

«Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это созерцание призвано быть не только *свободным*, но и *предметным*. <...> Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: *свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет*. <...> Россия всегда строилась духом *свободы* и *предметности* и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...»⁵¹.

Хотя работы И. А. Ильина не основаны на понятиях *символа* и *мифа* (в положительном смысле слова), что естественно вытекает из его общей концепции (А. Ф. Лосев в работе 1927 года называет Ильина «гегельянцем»), однако видение Родины у него мифологично. В работе 1948 года «Русская идея» И. А. Ильин

Не путать с другим Ильичом, к сожалению, оказавшемся не порусски слишком «деятельным».

Ильин И. О русской идее // Русская идея. М.: «Республика», 1992, с. 438-439.

называет Россию «духовным организмом» и показывает, что Россия является единым организмом на всех уровнях — экономическом, географическом... По крайней мере, она должна быть такой, чтобы состояться.

И о русской науке Ильин говорит следующее:

«Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль *живым созерцанием* и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в философии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведающая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука *духовно слепая*: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бес-сильна подняться к *созерцанию целого*»⁵².

Символический анализ дает возможность приблизиться к «созерцанию целого». Мы будем обращаться к символу, хотя начнем с описания результатов эмпирических исследований, выполненных по вполне традиционным и современным методикам: одна появилась в Японии, о ней мы уже писали, другая — в США, о ней мы расскажем подробно в следующей главе. Кроме того будут использованы общие принципы анализа рисунка, а также ряд конкретных методик, разработанных английскими коллегами и применявшихся в кросс-культурном исследовании, совместном с учеными из ряда европейских стран. Наша задача в нем состояла в том, чтобы выяснить, как, по представлениям детей из разных регионов России, «выглядит» *европеец*, и насколько сами русские дети относят себя к «европейцам».

Там же, с. 442.

Глава V ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Сознание означает выход за пределы наличного, данного; осуществление возможности увидеть себя, свое поведение и последствия этого поведения со стороны. Таким образом понимаемое сознание является настоящим творческим актом, осуществляемым личностью в процессе нравственного самоопределения. Традиционный путь нравственного становления основан на подражании нравственным образцам. При разрушении традиций и привычного хода вещей каждый человек оказывается перед проблемой нравственного выбора.

«Людам было бы легче уразуметь закон внутренней свободы и сравнительную условность внешней и политической свободы, если бы они чаще и радостнее прислушивались к тому, что обычно называется "голосом совести," — писал И. А. Ильин в 30-х годах XX века, — ибо человек, переживая это изумительное, таинственное душевное состояние, осуществляет внутреннюю, духовную свободу в таком глубоком и целостном виде, что ему невольно открываются глаза на ее подлинную природу.<...> То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, — *есть нравственно совершенное; не "самоеприятное", не "самополезное", не "самое целесообразное"* и т.п., но нравственно лучшее, совершенное...»¹.

Ильин говорит о врожденности совести и о необходимости совершенствования ее путем "прислушивания" к ее голосу. Совесть есть живая и цельная воля к совершенному, первый и глубочайший источник чувства ответственности, основной акт внутреннего самоосвобождения, живой и могущественный источник справедливости.

Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: «Республика». 1993, с. 178—179.

«Совесть есть состояние нравственной очевидности», состоявшийся совестный акт характеризуется могучим *позывом к совершенно определенному нравственному поступку* (ИЛИ образу действий). Он восстанавливает внутреннее единство человеческого существа, всех его сил и способностей и потому может на долгие годы вперед озарять жизнь личности новым обретенным смыслом. Попытка вытеснить совесть для личности может закончиться трагедией всей жизни»².

Внимание к нравственным проблемам и их глубокий анализ всегда были характерны для отечественной мысли. Так С. Л. Рубинштейн считал этику главной областью своих научных интересов (об этом теперь можно прочитать в его дневниках). Основное противоречие российской истории, может быть, состояло в тесном переплетении нравственно-духовной одаренности ее мыслителей и всего народа с чрезвычайно затрудненным воплощением нравственных максим в жизнь. История XX века — яркой тому свидетель.

Опубликованные в наше время книги «запрещенных» прежде авторов дают картину нечеловеческих испытаний, которым подвергали одни люди огромное число других людей по причинам социальным, национальным, религиозным. Юридические права нарушались десятилетиями. Россия на долгие годы оказалась «естественной лабораторией», где нравственности и правовому самосознанию граждан устраивался суровый экзамен.

Закон и человек

Картина здорового и гармоничного правосознания воссоздается в работах Ильина. Его огромное наследие только недавно начало публиковаться на Родине, потрясая и убеждая подчас пророческим предвосхищением хода событий в России после неизбежного (в этом Ильин никогда не сомневался) краха коммунизма. Приведем некоторые из них:

«Русский народ выйдет из революции *нищим*. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина — не будет вовсе <..> Конечно, вынырнет перекрасившийся коммунист, награвивший и припрятавший

² Там же, с. 183.

<...>. Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет, но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде <...> Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи — и иноземными врагами, и «своими» предателями, давно уже мечтающими *ликвидировать Россию*³.

Работы Ильина позволяют восстановить образ не разрушенного, цельного правосознания. Истоки такой цельности — в наследии той, *прежней* России: без искажающих смысл событий школьных учебников с переписанными заново страницами отечественной истории. Из работ Ильина четко выступает образ человека как субъекта правового и нравственного сознания — в таком ярком и прямом выражении образ у нас почти утерянный, либо сохранившийся *вопреки* всему.

«Правосознание есть как бы легкое, которым каждый из нас дышает и выдыхает атмосферу взаимного общения. Пренебрегать этим орудием или органом — просто непозволительно»⁴.

Ильин называл правосознание *творческим источником права, живым органом правопорядка и политической жизни*. Он писал:

«Нет человека без правосознания; но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Этот духовный орган необходим человеку, он участвует так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступления <...>, ибо слабое, уродливое, продажное, рабское, преступное правосознание остается правосознанием, хотя его душевно-духовное строение оказывается неверным, а его содержание и мотивы — ложными и дурными»⁵.

Мысли Ильина глубоко *психологичны* и позволяют приблизиться к пониманию глубинных оснований *субъектности* правосознания.

³ Ильин И.А. Основы государственного устройства. М, 1996, с. 38 — 39.

⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: «Республика». 1993, с. 251.

⁵ Там же.

«Творческий источник права пребывает во *внутреннем* мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к *внутреннему* миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека»⁶.

Без субъекта законы остаются внешней силой, способной воздействовать только путем принуждения и репрессивных мер, причем, по мысли Ильина, закон своим специфическим образом должен преломиться в сознании и судьи, и исполнителя, и самого гражданина. «В качестве рядового подчиненного гражданина он должен принять закон в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения». Закон не всегда бывает совершенен и справедлив, однако пока он не отменен, то должен применяться и соблюдаться по римской формуле «*суров закон, но он закон*». «Это есть единственное средство поддерживать правопорядок в стране, укреплять его и не отдавать его в жертву произволу, личной корысти и случайности»⁷.

Трагедией для жизни всего государства оказывается неразвитое правосознание его граждан. Область правосознания традиционно относится к юридическим дисциплинам, но в той своей части, которая называется *личностные представления* о праве, она естественно оказывается в ведении психологии. Только через личность право обретает *существование* в конкретной общественной среде.

Суть «эксперимента», произошедшего в нашей стране состояла в том, чтобы с помощью принуждения заставить людей изменять духовно-нравственному закону. Однако внешние причины могут действовать лишь через совокупность внутренних условий (С. Л. Рубинштейн). Сохранность и поддержание нравственного состояния общества за счет *внутренних* ресурсов — конкретных личностей и опоры на совесть, — таков вывод следует из рубинштейновского *принципа детерминизма*. Если личности удастся стать и оставаться субъектом моральной ответственности, то она обретает внутреннюю инстанцию, чтобы противостоять воздействиям среды. Это касается нравственного закона совести.

⁶ Там же, с. 252.

Там же, с. 253.

Другое дело — юридический закон. Слабая отечественная традиция развития и поддержания правосознания вряд ли могла выдержать удар по этому хрупкому образованию той лавины нарушений законности на всех возможных направлениях. Можно предположить, что нравственная сфера граждан сохранила от разрушающих влияний то, что связано:

- с внутренним законом совести;
- с образами конкретных людей, ставших для других образцами нравственности.

Особенности правовой социализации в российском менталитете

Наше исследование, проведенное совместно с О. П. Николаевой⁸, обнаружило специфичность моральной и правовой социализации в современном (1988— 1992 гг.) российском обществе. В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация идет через подражание принятым в обществе нормам и законам, у нас наблюдается либо «застывание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо через высший (по Колбергу и Тапп⁹) уровень морально-правового развития: опоры на высшие этические принципы и совесть. В дальнейшем нами проводилось несколько «срезов» с применением той же методики Тапп с интервалами в несколько лет (последнее — в 2001 — 2002 гг.). Остановимся подробнее на принципах и способах проведения исследования такого типа. Но начнем с истории.

Вскоре после объявленной «перестройки» в Россию, в ожидании перемен стали приезжать западные специалисты. Одной из первых среди них оказалась профессор Джейн Тапп — ученица и ближайший соратник Л. Колберга (незадолго до этого трагически

Николаева О. П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах. Автореферат... канд. психол. наук. М., Ин-т психологии РАН, 1992.

Kohlberg, L. Moral stages and moralisation. //Moral development and behaviour. Holt, Rinehart & Winston. 1977. P.31-53; Tapp, J. Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N. J., 1987.

погибшего). Тема ее исследований была абсолютно запретной в советской России: предлагалось включиться в кросскультурное изучение понимания различных аспектов правосознания, проводимое в нескольких странах: в США, Индии, Японии, Италии, Греции, Дании. Правоведы, гостем которых оказалась Джейн Тапп, познакомили ее с академическими психологами. Цель знакомства была связана со стремлении наших американских коллег включить в исследование и российскую выборку. Для этого необходимо было организовать перевод анкеты на русский язык, соблюдая все необходимые в таком случае правила (обратный перевод с языка оригинала на родной язык исследования, затем независимый перевод этого текста на английский, сравнение разночтений — и так до тех пор, пока не будут получены *идентичные* тексты)¹; договориться об *одновременности* проведения работы в разных странах и о выборе *репрезентативных представителей* в каждой исследуемой группе (студенты, юристы). Требовалось отобрать по 100 человек в каждой группе, чтобы они в индивидуальном порядке ответили на вопросы анкеты, составленной в виде клинического интервью. Сравнение результатов при этом происходит так: ЮОчеловек принимается за 100%, и соответственно данные приводятся с указанием на количество людей, ответивших на каждый из вопросов тем или иным образом. В этом случае результат сравнения, по мысли создателя методики, должен быть достоверным. Исследования такого рода по характеру сбора данных и обработки результатов относятся к социально-психологическим и отличаются от *психологического анализа* решения моральных задач, характерного для работ Л. Колберга. Но и сама Дж. Тапп подчеркивала, что социально-психологическое направление ей в настоящих условиях представляется более перспективным.

Указанные условия были соблюдены лишь частично. Был сделан профессиональный перевод анкеты Тапп и с ее помощью получен определенный мониторинг особенностей правовых представлений в «доперестроечной», «перестроечной» и «постперестроечной» России на протяжении последних 15 лет.

Первый этап сбора эмпирических данных был проведен О. П. Николаевой¹⁰. В 1988— 1989 гг. 100 студентов Курского

Николаева О. П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах. Дисс. канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 1992.

пединститута (приравненных по классификации Тапп к «студентам колледжа») анонимно и в письменной форме ответили на вопросы анкеты. Анонимность в конце 80-х годов была единственным способом получения искренних ответов по теме *право*. В 1993 — 1994 гг. нами был проведен новый этап исследования. На вопросы анкеты ответили 100 студентов из Москвы и Смоленска. Среди них была организована группа доверительного общения, где ответы давались *устно*, в виде клинической беседы (сразу отметим, что в этом случае аргументация делалась более развернутой, высказывания — более откровенными). В 2001—2002 гг. нами был проведен новый этап исследования, в котором также 100 молодым людям (возраст от 19 до 40 лет, 65 женщин и 35 мужчин) была предъявлена анкета Тапп. Полученные на всех этапах проведения исследования ответы подвергались традиционному для данной методики анализу (то есть определению уровня морально-правового развития — по Колбергу и Тапп), а также контент-анализу и микросемантическому анализу. На первом и последнем по времени этапам исследования мы остановимся подробнее, но прежде необходимо рассказать о методике, а также о полученных с ее помощью данных в других странах.

Приведем текст анкеты (в русском переводе). Респондента просили указать свой пол и возраст и затем обращались к нему с такими словами:

«Ответьте, пожалуйста, на вопросы, соблюдая их очередность:

- 1) Что такое правило (поведения)?
 - 1а) Почему именно оно называется правилом?
- 2) Что такое закон?
 - 2а) Почему это является законом?
- 3) Зачем нам законы?
- 4) Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе?
 - 4а) Как это может быть?
- 5) Что такое справедливый закон?
 - 5а) Почему именно он справедлив?
- 6) Что такое право?
- 7) Какие права следует иметь людям?
 - 7а) Почему?
- 8) Какие права люди имеют?
- 9) Что бы случилось, если бы не существовало законов?
- 10) Почему люди должны следовать законам?

- 11) Почему Вы следуете законам?
- 12) В каком случае могут быть изменены законы?
- 13) Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон?
 - 13а) Если да, то какие это случаи?
- 14) Что означает выражение «быть правым»?
- 15) Может ли человек нарушить закон и быть правым?
 - 15а) Если да, то как это может быть?

Прежде чем перейти к анализу ответов на эти вопросы наших соотечественников, необходимо обсудить тему *языка* как такового. Она касается не столько точности перевода на другой язык, а того *психологического* смысла, которым наполнены одни и те же *юридические* понятия в разных государствах и культурах. В этом отношении удачей методики Тапп являются вопросы о конкретных примерах, которыми респондент может пояснить или проиллюстрировать свое утверждение. В этом смысле методика приближается к другим методам изучения *имплицитных концепций*, в данном случае — имплицитных концепций права. Анализ ответов необходимо предварить еще одним примером — сравнением чисто житейских ситуаций, как они изображаются в произведениях массовой культуры, например, в кино. В отечественном киноискусстве все привычно и осознанно-страшно: возможность нарушения закона лицами, призванными его охранять, детективная борьба хороших «ментов» с очень плохими служителями порядка и т.п. Но вот один из относительно недавних детских фильмов о «нашей жизни», снятый соотечественниками Джейн Тапп, проясняет очень существенное различие наших правовых представлений. Оказывается, есть такие вещи, которые американцам просто *не могут прийти в голову*. Например, по сюжету видно, сколько ухищрений (правда, не слишком удачных), приходится придумать авторам, чтобы наши «чекисты» смогли уличить приехавшую в СССР американку в нарушении закона. Авторы сценария исходили из безусловного правила: чтобы осудить за противоправное действие, это действие нужно *совершить*¹.

Для западного правосознания закон является реальной, действенной силой. Закон и права человека нужно знать, чтобы лучше и успешнее ориентироваться в социальном мире. Эта тема вызывает интерес, она активно обсуждается. Люди, уверенные, что поправки к закону отразятся на их жизни, будут внимательно следить за характером таких поправок.

Иная картина сохранялась у нас на протяжении нескольких десятилетий. Область закона вмешивалась в судьбу человека при трагическом стечении обстоятельств. Отсюда сама тема правопорядка оказалась связана для многих соотечественников с травмирующими переживаниями. По этой причине и обсуждается она неохотно. Есть и объективная сторона, состоящая в том, что «в нашей стране отсутствует правовая грамотность, нет популярных курсов (должны бы читаться в школах и вузах России) с объяснениями основных вопросов правоведения. Поэтому такие понятия как «право», «суверенитет», «государство», «гражданское общество», «власть» и т.п. понимаются многими весьма туманно и неопределенно»¹¹. Сказанное Ю. Лисицей в предисловии к книге И. Ильина, подтвердилось на всех этапах проводимого нами исследования. Правда, наблюдается и определенная динамика. Именно она и будет интересовать нас.

В самом конце 80-х годов отмечалась большая, чем ныне, скованность в ответах на вопросы о праве. Объяснения были куцыми, заинтересованных, искренних рассказов практически не встречалось, зато было много *советских* речевых штампов, которые ныне совершенно исчезли из употребления («ради интересов народа», «ради общего дела», «права человека закреплены Конституцией»). Один из таких штампов связан с воспитательной функцией закона, упоминавшаяся нашими студентами конца 80-х и совсем не упоминавшаяся американцами. Сразу отметим, что у наших современников (2001 — 2002 гг.) *ни разу* не была упомянута воспитательная функция закона: сюжет масскульта типа «Неподдающиеся» (название одного из популярных советских фильмов воспитательного направления) исчез из употребления. Единственная по-настоящему искренняя тема 80-х — это закон как *действующий* и *равно* относящийся ко всем гражданам (по данным Николаевой, суммарно это 18% ответов¹², в то время как у американцев подобные аргументы не встречались ни разу).

Многое помогли разяснить искренние ответы испытуемых, полученные через несколько лет (1993 — 1994 гг.) в «доверительно организованном общении». Остановимся на этом подробнее.

¹¹ Лисица Ю. Проблемы государственного строительства и гражданского общества. В кн.: «И.А.Ильин. Основы государственного устройства... М., 1996, с. 10.

¹² Николаева О.П...., с. 109.

Также как и для наших соотечественников конца 80-х, тема законности оказалась одной из самых болезненных; вырисовывалась картина слабой работы сознания над осмыслением законов, норм и правил поведения (наблюдались, как и в исследовании Николаевой, бедность используемых определений, незаинтересованность в развертывании самостоятельных тем, слабая детализация). Однако сохранилась готовность изменять закон — вплоть до оправдания его нарушения.

Напомним, что работы Дж. Тапп своим теоретическим основанием имеют концепцию морального развития Л. Колберга, изучавшего вслед за Пиаже опыт социального взаимодействия и выделившего шесть стадий морального развития, составляющих 3 уровня: 1-й — *доконвенциональный* (где нормы — нечто внешнее для человека и он им следует лишь под давлением авторитета или из-за страха наказания); 2-й — *конвенциональный* (где «конвенция» — поддержание норм, желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, поддерживать отношения доверия, уважения и лояльности); 3-й — *постконвенциональный* (по словам Колберга, этого уровня достигает меньшинство взрослых и только после 20-ти лет; и только на высшей — 6-й стадии следование закону и нормам определяется внутренним законом, т.е. *совестью*)¹³. Таким образом, следование высшим этическим принципам является высшей (по Колбергу) стадией развития морали: только в случае, если закон противоречит принципам справедливости, равенства человеческих прав, человек имеет право действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Конкретизация этих уровней и стадий применительно к правовому сознанию выглядит (по Тапп) следующим образом. На 1-м уровне стоят те, кто утверждает: законы предупреждают преступность, обеспечивают физическую безопасность граждан. Те, кто находится на этом уровне, следуют закону, подчиняясь авторитету власти или во избежание наказания. Те, кто находятся на 2-м уровне, утверждают, что законы поддерживают социальный порядок. Ценность закона — в выполнении правильных ролей в поддержании порядка, в оправдании ожиданий других. Даже если закон несправедлив, требуется его выполнять,

¹³ Kohlberg L. Moral stages and moralization // Moral development and behavior. L., N.Y. ... 1976.

пока он не отменен законным путем. Необходимость следования законам аргументируется стремлением избежать хаос и анархию; 3-й уровень — «законотворчество». Те, кто достигает этого уровня, осознает различие, между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости. Юридические законы выступают как выражение внутренних моральных принципов. Моральные ценности переносятся вглубь личности.

Рассматривая варианты ответов на вопросы анкеты и объясняя принципы диагностики правового сознания, Тапп приводит следующие примеры. Так при ответе на вопрос №9 (Что бы случилось, если бы не существовало законов?) аргументация о необходимости наказания преступника как гарантии физической безопасности граждан позволяет диагностировать такой ответ как относящийся к 1-му, доконвенциональному уровню развития правового сознания; предположение о наступлении анархии, хаоса и беспорядка в обществе, не регулируемом юридическим законом, диагностируется как ответ 2-го уровня — конвенционального; если ответ строится на утверждении человеческого существования как саморегулирующегося и считается, что поведение членов социума должно руководствоваться принципами, и при этом респондент способен отличать юридический закон от моральных принципов, то такой ответ позволяет диагностировать 3-й, постконвенциональный уровень развития правового сознания. При ответе на вопросы № 13 и № 15 (Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон? Может ли человек нарушить закон и быть правым?) простое «да» без аргументации и «нет» с аргументацией (закон неизменен; в своем постоянстве он подобен физическим законам), а также утверждение, что между законом и моралью нет различия (зло от нарушения и того, и другого эквивалентно) — позволяет диагностировать ответы 1-м, доконвенциональным уровнем. Ответы «да» с аргументацией «законы хороши не на все случаи жизни, так как связаны с жестокостью или составлены жестокими людьми, однако чрезвычайные обстоятельства могут оправдать нарушение закона» позволяют диагностировать ответ 2-м, конвенциональным уровнем. 3-й, постконвенциональный уровень определяют ответы «да» с аргументацией, связанной с общественной пользой, разумными целями, возможностями законотворчества. На самом высоком уровне находятся

те, кто оправдывает нарушение закона, если тот безнравственен или несправедлив и нарушает моральные принципы, например, права человека.

Если исходить из уровневой концепции Колберга и Тапп, большинство наших соотечественников по вопросу о *нарушении закона* можно диагностировать как находящихся на 3-м уровне морального развития. Однако ответы на другие вопросы диагностируют 2-й или даже 1-й уровень. Анализируя ответы московских студентов в нашем исследовании, организованном в группе доверительного общения (1993 г.), можно заметить, что очень «неприятный», с точки зрения отвечающих, вопрос мог вызвать эмоциональный взрыв: *«во-первых, смотря какому (закону следовать — М.В.), а во-вторых, я еще не полная идиотка, чтобы забывать о себе как о человеке»* (ж., 22 г.); пример из мужской выборки: *«Я стараюсь выполнять те законы, которые удобны мне и другим людям, а если эти законы неудобны мне и другим людям, то я на них плюю и плевать буду»* (м., 24г.). Мы пришли к выводу, что кроме указанного Колбергом доконвенционального уровня существует и *до-доконвенциональный*. Это те случаи, когда закон полностью игнорируется. Испытуемые начала 90-х годов вспоминали процессы над «врагами народа», говорилось о необходимости солгать на суде, чтобы человека (например, «политического») не засудили (или даже — не убили), о необходимости нарушения финансового закона.: *«Законы не идеальны, они могут не учесть какой-то наличной ситуации, например, когда предприятие с замечательными идеями в своей основе не может работать, т.к. для начала налоги слишком велики. Тогда надо как-то смухлевать с деньгами»* (м., 20 лет).

Как и при решении любой мыслительной задачи, в процессе сопоставления условий и требований есть необходимость что-то оставить константным (неизменным), а что-то сделать психологической переменной. «Психологическая переменная» — это то, что человек готов мысленно изменить. У нас такой переменной (кроме редких исключений) оказывался закон. Причем, этот процесс может быть и вполне осозанным. Так диагностический (по Тапп) вопрос: «Почему ты *соблюдаешь* закон?» мог переформулироваться искренним испытуемым: «Почему я не *соблюдаю* закон?». Зато у нас «не работал» диагностический прием Тапп: два вопроса о причинах соблюдения закона («почему *люди должны следовать* закону» и «почему *Вы следуете* закону»). Если

испытуемые Тапп утверждали, что сами они следуют закону по аргументам более высокого порядка, чем *другие люди*, то у нас такого приукрашивания себя как «юридического лица» почти не наблюдалось: естественное следствие из отсутствия отношения к закону как к *ценности*.

На последнем этапе нашего исследования мы заметили, что молодые люди начали понимать, что с юридическим законом они знакомы слабо. Пример: «Я не достаточно хорошо их знаю, чтобы им следовать. В основном ориентируюсь на своего внутреннего цензора, хотя он и есть тот, кто представляет мои знания о законах и мои знания о правилах поведения» (ж., 23г.). С другой стороны, приходит понимание жизненной необходимости соблюдения закона: «С законами — беспредел, а без законов — даже страшно подумать» (ж., 22).

Сопоставление ответов на вопросы №10 (Почему люди должны следовать законам?) и №11 (Почему Вы следуете законам?) дало следующую картину (см. таблицу 1):

Сравнение некоторых результатов, полученных по методике Тппп в других странах (1986 — 87 гг.) и в России (1988 — 89 гг. и 2001 — 02 гг.)¹⁴, можно проиллюстрировать с помощью ряда других таблиц.

Как видно из таблицы 2, ситуация в России меняется. Так на третьем уровне находятся те, кто утверждает, что люди должны следовать законам по рациональным причинам законопослушности, из чувства справедливости. Число таких лиц к началу третьего тысячелетия возросло почти в четыре раза. Количество лиц, находящихся на первом уровне, т.е. утверждающих, что следовать закону необходимо из страха наказания или послушания авторитету, почти не изменилось, однако уменьшилось почти в два раза число лиц, ответы которых можно отнести ко второму уровню. Это ответы, в которых необходимость морального поведения объясняется стремлением избежать хаос в обществе.

Затруднительно делать определенные выводы при сравнении данных, полученных в разные периоды (хотя и в одной стране и на аналогичной по составу выборке). Однако методика Тапп, с нашей точки зрения, позволяет осуществить некоторый мониторинг изменений в представлениях наших сограждан

Данные, полученные в 1993 — 94 гг., подсчитывались не по всем параметрам.

Таблица 1

Распределение ответов в российской выборке 2001 — 02 гг. на вопросы о причинах следования закону

Уровень, которым можно диагностировать ответ	Вопрос № 10 (Почему люди должны следовать...)	Вопрос № 11 (Почему Вы следуете...)
1. из-за страха наказания и др.	27	16
2. конформность	28	35
3. по этическим причинам	52	44
0. «А кто сказал, что нужно следовать?»	3	5

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос №10 (Почему люди должны следовать законам?)

Уровни\страны	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1988-89	Россия 2001-02
1. Из-за страха наказания	17	17	17	10	16	8	33	27
2. конформность	59	67	58	80	64	85	51	28
3. По рациональным причинам	25	8	25	10	18	8	12	52

о праве и законе. Постепенно уходит страх, связанный с юридическим законом. Практически исчезли ответы типа «не знаю», отказы отвечать. Ответы стали более развернутыми. Правовые вопросы начали вызывать определенный интерес. Однако сравнение с другими странами позволяет говорить о том, что у нас все еще заметно отчуждение закона от человека.

Особенно это становится заметно, когда речь идет о правах (вопросы №7 и №8 — Какие права людям следует иметь? Какие права они имеют?). Если в 1989 г. отмечалось около 50% ответов «советские люди имеют право на бесплатное лечение, учебу», то в 2001 — 02 гг. ответы распределились следующим образом:

«Люди должны иметь право на труд (24)¹⁵, право на жизнь (17), право на отдых (15), на образование (14), на свободу (12), свободы слова (11), на самореализацию (10), на медицинскую помощь (9), на безопасность (7), право собственности (7), на достойное существование (4), и др. Отмечены также ответы: «все» (12),

¹⁵ В круглых скобках указано количество ответов такого типа.

«разные» (4), «все, которые прописаны в Конституции» (3), «права, отраженные законом» (3). Они говорят о том, что все-таки пока людей *мало интересуют их права*. Хотя, по сравнению с 1989 годом ситуация заметно изменилась. Появились упоминания Декларации прав человека, совершенно невозможные в советские годы¹⁶, обозначилась тема безопасности, «расцвела» тема свободы («свобода совести», «свобода слова», «свобода мысли», «свобода», «свобода передвижений», «свобода вероисповедования», «право на личную жизнь»). Однако при ответе на вопрос о том, какие права люди *имеют*, вновь проявилась проблемность сферы гражданских прав, иллюстрируемая такими ответами: «Перечислить не смогу, знаю, что не все, которые должны иметь» (м., 20 л.); «Формально — многие, а практически никаких» (ж., 20 л.); «По конституции все те, которые необходимы, или почти все, а в реальной жизни все эти права действуют до поры до времени. Например, милиция может обвинить в чем угодно любого законопослушного гражданина» (ж., 21 г.). И, несмотря на то, что проявляется все еще слабый интерес к конкретному знанию прав человека, представление о том, что эти права нарушаются, является расхожим.

В ответах на вопрос о справедливом законе за последние годы также произошли изменения, и они, с нашей точки зрения, могут носить «промежуточный» характер, т.е. высказанных вслух обид стало несопоставимо больше, зато исчезли «штампы» советской эпохи, свидетельствовавшие только о степени полной отчужденности человека от закона.

Сравним данные этих двух исследований (таблица 3):

Таким образом, в России аргументация, связанная с апелляцией к нравственному закону, изменилась слабо, исчезли аргументы «вследствие факта принятия», но увеличилось внимание к принципам равенства всех перед законом. Т.е. происходят определенные процессы в сфере правосознания российских граждан, но эти изменения сохраняют противоречивый характер и не могут пока свидетельствовать о ее оздоровлении.

А. Н. Славская, анализируя ответы российских граждан на вопросы о правах человека, отмечает наличие объективных противоречий, с которыми в нашей стране связано осуществление права или его нарушение (Славская А. Н. Правовые представления российского общества. // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», М.: 1997, с. 85).

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос №5
(Что такое справедливый закон?)

Уровни	США	Россия 1989	Россия 2001-02
1. справедлив, так как он принят	34	16	0
1. справедлив, так как равно наказывает	—	11	11
2. поддержание порядка в обществе	52	30	5
3. защита прав человека	9	21	26
(по аргументам, которых нет у Тапп)			
соответствие моральным ценностям, закону совести	—	19	12
«действующий закон»	—	7	—
Учитывает интересы всех сторон	—	—	26
Такого закона нет	—	—	14

Общей характеристикой российского правосознания, отмечаемой во все периоды нашего исследования, является опора на нравственные принципы. В ответе на вопрос №15 (Может ли человек нарушить закон и быть правым?) это наше наблюдение можно проиллюстрировать таким примером: «Человек может нарушить юридический закон и при этом не нарушить, а наоборот, соблюсти закон высшего для себя порядка (например, его совести) — тогда он будет прав и для себя, и для тех, кто разделяет его иерархию ценностей» (ж., 33 г.). В целом ответы на данный вопрос распределились следующим образом (Таблица 4).

В каждом временном срезе в ответах наших соотечественников обнаружилось следующее: общее количество лиц,

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос №15
(Может ли человек нарушить закон и быть правым?)

Уровни/страны	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1989	Россия 2001-02
1 (нельзя)	29	52	42	47	23	18	15	13
2 (при экстремальных условиях)	36	18	44	30	17	64	39	37
3 (по высшим этическим принципам)	20	18	9	22	38	15	36	50

утверждающих, что закон *нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах*, остается практически неизменным и колеблется от 10 до 15 процентов от общего числа отвечающих. Как видно из таблицы №4, в 1989 г. это было 15%, в 2001-02 гг. - 13%. Кроме того, по данным нашего исследования 1993 — 94 гг., 10% отвечавших сказали, что закон нарушать нельзя, мотивируя это нравственными причинами. Мы высказали предположение о некоторой *личностной инварианте* такого отношения к закону. Дело в том, что утверждения о самоценности закона в наших условиях, с нашим историческим опытом — часто очень негативным, практически необъяснимы. Если по поводу исследования конца 80-х мы могли предполагать наличие *страха, привычки отвечать «как положено»*, то в середине 90-х и в начале 2000 годов причин для подобного страха нет: это другое государство, иной строй.

Отличительной особенностью нашей выборки является способность видеть противоречивость картины и умение различать одно от другого, что можно проиллюстрировать такими ответами: «Теоретически — нет/нельзя нарушить закон и быть правым — М.В./, на практике в наше время и в нашей стране — да» (м., 20 л.); «Когда человек по морально — этическим соображениям не может поступить по-другому, а закон это еще не предусмотрел» (ж., 30 л.); «С точки зрения закона — нет, с точки зрения человека — может» (ж., 27 л.).

Несколько человек переформулировали вопрос неожиданным для нас образом (с такими случаями мы не встречались ни в исследовании 1989 года, ни на этапе середины 90-х). Ситуацию «быть правым» они поняли как «быть оправданным в суде». Об этом говорят такие ответы: «если будет много денег», «если будет хороший адвокат». Т.е. кроме отмеченных выше позитивных сдвигов в развитии правосознания граждан, появляется также новый (или старый?) тип отчуждения закона от их жизни: вместо «ценности» закона человека интересует лишь «цена» (материальная) оправдательного приговора.

Сразу отметим, что аргументация «за» нарушение закона сама по себе производит сильное впечатление: «У нас вообще невозможно не нарушать закон; чаще всего нарушаешь и бываешь правым, хотя это трудно доказать» (ж., 21 г.).

При положительных ответах на последние вопросы анкеты («Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да,

то как это может быть?») в 2001 — 2002 годах использовалась такая аргументация:

- сложная экономическая ситуация: «украсть хлеб для ребенка» (ж., 32 г.); «сейчас очень много людей малоимущих, которые по вине правительства остались безо всего и у них просто нет другого выхода» (ж., 22 г.); «зайдите к своему бухгалтеру — он Вам расскажет» (м., 25 л.);
- несовершенство самой правовой системы: «если закон не является справедливым в конкретном случае» (ж., 21 г.); «если закон составлен неверно»; «законы пишут люди, а человек всегда может ошибаться, что-то не оговаривать, тем более не секрет, что один и тот же закон можно трактовать по-разному» (ж., 21 г.); «обычно законы в большей степени защищают чиновников, чем граждан» (м., 19 л.);
- противоречие юридического закона нравственному: «у нас в России формальный закон не преобладает — это на Западе; у нас живут «по правде», по неписанным нормам» (м., 21 г.); «когда человек защищает свой внутренний закон» (ж., 27 л.); «если поступок обусловлен морально-этическими нормами»;
- экстремальность ситуации (напомним, что у испытуемых Тапп встречается преимущественно такая аргументация).

Готовность подвергать сомнению сам закон, обсуждение причин, когда его можно нарушить «и при этом быть правым» позволяли Дж. Тапп говорить о достижении данным испытуемым уровня *законотворчества*. Однако в условиях отечественной ментальности особенно интересны случаи утверждения *самоценности* закона. Приведем некоторые из этих примеров: «Потому что его нарушение приводит к нарушению в жизни не только того, кто его нарушил, но часто и в жизни другого человека» (ж., 23 г.); «потому что если не следовать законам, то это выходит за рамки системы, что ведет к развалу общества» (м., 24 г.).

Аргументация в пользу соблюдения закона, как видно из этих примеров, свидетельствует о высоком уровне развития правового сознания, включающего в себя понимание последствий того

или иного деяния, поступка для многих людей, для всего социума. В то же время противопоставление нравственности юридическому закону представляет самый низкий (1-й) уровень развития сознания. Напомним, что основная характеристика сознания как такового — это качество его всеобщности, всеохватности. Сознание, как писал Рубинштейн, это прежде всего *выход* из наличной ситуации, способность посмотреть на нее *со стороны*. Такой взгляд извне помогает преодолеть конкретную включенность в обстоятельства и дает возможность приблизиться к *сущности* явления — в данном случае, к *сущности* *правопорядка*. Случайное, несущественное не закрывает *главное, существенное* и становится только *фоном*. Происходит разделение *самоценности* закона как такового и вопиющих нарушений его в нашей истории.

Как мы уже отмечали, если при решении задач на нравственную тему психологической «переменной» становятся нравственные нормы, то происходит упрощение задачи, полученное «решение» не является правильным, и от такой подмены страдает сам мыслительный процесс.

Аналогичным образом, по нашим наблюдениям, происходит развитие правосознания. Только выявление (зачастую опытным, иногда трагичным путем) того обстоятельства, что закон *действительно нельзя нарушать*, создает условия, необходимые для становления личности как *субъекта права*. С мысленного согласия использовать закон в качестве *психологической переменной* начинается путь утраты субъектности. Такое утратное состояние можно иллюстрировать высказыванием: «*В основном законы нужны «им», чтобы нас ограничивать*» [и., 28л.).

Люди перестают быть *субъектами права*, когда закон становится *внешним* для них. Многое обусловлено *нарушением закона* теми лицами, которые по своим профессиональным обязанностям должны его охранять. Именно нарушение законности вызывает психотравмирующие переживания, закрывающие юридическую сферу от работы сознания. Реальность такова, что рассуждать, думать, анализировать на тему закона люди не особенно хотят (это не «их» область, а юристов, «они» решат). В протоколах содержатся потрясающие душу примеры того, как можно «нарушить закон и быть правым». Есть рассказ (г. Смоленск) о пьяных милиционерах, на глазах собравшихся людей застреливших собаку, которую пожилой гражданин вывел

на прогулку *на поводке*, — только за то, что пес залаял (известно, что собаки не переносят пьяных). Рассказчики оправдывали мести пожилого человека «*представителям власти*». Они хорошо знали, что законным путем ситуацию никто не будет разрешать. В сюжетах о *самосуде* обнаруживается желание торжества справедливости, но достигается такое торжество своими, отличными от закона, методами. Тема мести, по словам одного из испытуемых (м., 38 л.) появляется от ощущения *незащищенности*. И тогда в качестве вершителя справедливости появляется образ «*Ворошиловского стрелка*» (сюжет недавнего фильма о самосуде): «мне кажется, что существует некая высшая справедливость в некоторых ситуациях — приблизительно как в фильме «Ворошиловский стрелок» — (ж., 32г.); вспоминается в качестве положительного образа *граф Монте-Кристо* (ж., 27 л.).

В случае мести человек остается субъектом своей жизни, но перестает быть субъектом прагма. Он оказывается вне закона и над законом. В этом смысле мечь, самосуд является *упрощенным решением* сложной жизненной ситуации без учета всех составляющих ее *условий и требований*. Мечь ищет виновного *вне* человека, взявшего на себя роль судьи и исполнителя приговора в то время, как здоровое правосознание позволяет сосредоточиться на реальных нарушениях *духа закона*, совершенных, возможно, и самим «самозванным судьей». Путь мести — путь *воспроизведения* все тех же неразрешимых противоречий на новом жизненном витке, тогда как путь здорового правосознания дает условия *выхода* на *духовно-нравственный* уровень решения всей проблемы.

В 1948 году Иван Ильин, думая о будущем своей Родины, победившей в Великой Отечественной войне, написал:

«Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности <...>. России необходимо *новое правосознание*, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское *сердце* должно увидеть *духовную свободу*, как *предметную цель* права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать *свободную личность с достойным характером и предметною волею*. России необходим *новый государственный строй*, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились

бы к Родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению *новой справедливости и настоящего русского братства*. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание. <...> Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом — духом сердечного созерцания и предметной свободы»¹⁷.

В российской истории для осуществления этого имелись серьезные основания. Это расцвет интереса к вопросам правосознания в пореформенном (после отмены крепостного права) обществе и богатый, но своеобразный опыт крестьянства в решении правовых вопросов.

Так М. М. Громыко отмечает, что творчество в области обычного права было у крестьян делом повседневным:

«В повседневной жизни общин при составлении челобитных, мирских приговоров, доверенностей ссылались на различные положения письменного законодательства»¹⁸.

Она также приводит аналогичное заключение Н. Н. Покровского, сделанное на основании крестьянских документов XVIII века по Уралу и Сибири:

«Не раз в своих челобитных крестьяне показывали хорошее знание законов Российской империи, эти законы они умели перетолковывать все в том же плане защиты хорошим царем крестьянских интересов от всех чиновников и душевладельцев»¹⁹.

Громыко также отмечает, что закон, проникнув тем или иным способом в крестьянскую среду, «надолго становился принадлежностью крестьянского общественного сознания». Правда, происходило это в том случае, когда крестьяне оказывались заинтересованы в этом законе. Подчас трактовка ими закона была весьма специфичной. Среди крестьян встречались знатоки права. Громыко пишет:

¹⁷ Ильин И. О русской идее. // Русская идея. М.: Республика, 1992, с. 443.

¹⁸ Громыко М.М. Мир русской деревни..., с. 240.

¹⁹ Там же, с. 241.

«Особенно увеличивалась роль правовой информированности крестьянских поверенных при переселениях. <...> Некоторые черты внутренней политики способствовали укреплению в крестьянской среде представлений о возможности апелляции к центральной власти при несправедливости местных правителей»²⁰.

Среди понятий, которыми умели пользоваться государственные крестьяне в «наказах», были «общее благо», «всенародная польза», «обоюдная выгода». Крестьяне считали, что законы должны гарантировать возможность для каждого пользоваться плодами своих трудов.

Однако юридический закон во многом оставался внешним для крестьянства, поскольку повседневная жизнь его регулировалась «миром», т.е. общиной. Здесь «внутренний закон» был прописан по всем важным для человека моментам общественного существования: разрешение конфликтных ситуаций, наказание обиженных, восстановление справедливости, поддержка немощных. В основе решений лежали нравственные принципы: доброта, милосердие, защита слабых, поддержание мира и порядка. Однако это «внутреннее право» имело характеристики «корпоративного права». Проблемы начинались при столкновении корпоративного права с юридическим законом. По материалам Тенишевского бюро можно видеть, что в случае, если у крестьянина-нарушителя была возможность выбрать, от кого он должен принять наказание, то крестьянин предпочитал иметь дело с общиной, а не с государством, хотя здесь наказать могли его сильнее. Все-таки юридический закон еще не успел войти в основание правосознания простого народа, хотя предпосылки к этому уже появлялись.

После реформы 1861 года «в связи со сложной перестройкой поземельных отношений» обращение крестьянства к государственному законодательству расширяется.

«Одновременно у многих представителей чиновной и научной интеллигенции крепнет убеждение в необходимости изучения обычного права для постепенного, осторожного слияния крестьянских юридических обычаев с государственным законодательством»²¹.

²⁰ Там же, с. 242.

²¹ Там же, с. 244.

Громько отмечает, что при Географическом обществе в Санкт-Петербурге была создана Комиссия по изучению народных юридических обычаев, и в ее работе принимал участие Петр Петрович Семенов-Тяньшанский. Ученый говорил:

«Нельзя допустить, чтобы обычное право, рожденное богатым народным опытом, просто исчезло под административным давлением законодательства. Важно, чтобы сами законы учили и впитали народную практику — обычное право»²².

Видные ученые и общественные деятели, изучавшие формы общинного землевладения, предупреждали также, что резкое вмешательство закона «в строй хозяйственной жизни русского народа» было бы пагубным.

Одним из ярких проявлений начавшейся работы по «синтезу» народных правовых навыков с юридическим законом стало учреждение «судов присяжных», где присяжными судьями были представители разных сословий. Практика присяжных судов в конце XIX и начале XX веков в России оказалась весьма удачной, что говорит о высоком уровне правосознания граждан. Возвращение к такой практике в середине 90-х годов показало, что ситуация изменилась не в лучшую сторону.

Главной проблемой современных судов присяжных является даже не то, что само участие в них уже не выглядит таким почетным и ответственным, как воспринимали это наши соотечественники до революции. Ныне ярко выраженным оказалось стремление «защитить» человека, даже явного преступника, от карающего воздействия закона. Исключением из этого становятся те юридические вопросы, по поводу которых у граждан страны и соответственно — у присяжных заседателей) уже сложилось определенное и четкое представление. Например, терроризм, угроза жизни мирных граждан не находят сочувствия в суде присяжных. «Цена» юридической грамотности здесь оказалась очень высока: это взрывы, погибшие люди.

Мир нередко сказуемо меняется буквально на протяжении жизни одного поколения. Меняются и представления людей о юридическом законе и праве. Как видим, процесс этих изменений носит не простой и разноплановый характер. В России он имеет свою специфику, объясняемую во многом ее историей."

Громько М.М. Мир русской деревни..., с. 244.

Глава VI О НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

Вопросы нравственности являются важнейшими в жизни общества и в жизни каждого конкретного человека. Только та или иная степень сохранности нравственных устоев позволяет сохранить страну, семью, дать воспитание подрастающему поколению. И, как это не раз бывало в человеческой истории, осознаются такие простые истины особенно остро, когда доброкачественного «нравственного материала» становится почти так же недостаточно, как свежего воздуха и чистой воды. Ныне настало время, когда необходимо собрать все позитивное, что накоплено в области исследования нравственности.

Интерес к нравственным проблемам, всегда отличавший отечественную науку, сказался на большом объеме конкретных исследований в психологии и педагогике. Если посмотреть хотя бы на количество публикаций, посвященных идеалам школьников России — как дореволюционной, так и советской, то можно заметить, что этой проблематике уделяли серьезное внимание. И не боялись, в отличие от последнего десятилетия, произносить слова «нравственный идеал». Л. И. Божович относил нравственный идеал к наиболее существенным свойствам личности, утверждая, что на его основе строится личное поведение. Нравственный идеал — это образец, эталон, с помощью которого оценивается свое собственное поведение и поступки других людей.

В советские годы личность «формировали», «воспитывали» и т.п. В этом смысле нравственный идеал был «рабочим понятием». Специально организованное воздействие на детские симпатии тем или иным героям, на желание подражать тем или иным качествам характера имели целью непосредственное воздействие на личность, ее сознание, ее представления.

В советской системе нравственного воспитания было много хорошего (хотя читая работы 60-х, 70-х годов двадцатого века, временами поражаешься их неискренности). Дети — будущее народа и отношение к ним было достаточно ответственное. Подрастающее поколение находилось под присмотром старших.

Дар свободы, которым наделен каждый человек, является в то же время и тяжелым бременем. Об этом в свое время задумывался Достоевский (когда написал о «Великом инквизиторе»). К свободе подростка надо готовить, потому что свобода — это право на духовный выбор, то есть предельная, превышающая земные мерки ответственность.

Один из примеров того, каким могло быть отношение к воспитанию юноши в «прежней» России, мы встретили, читая произведения тех авторов, которых та прежняя Россия воспитала. Митрополит Антоний (Блум), маленьким ребенком встретивший революцию в Персии, где в то время в посольстве работал его отец, затем с семьей оказался во Франции, где им пришлось пережить все тяготы русской эмиграции. Он рано научился отвечать за свои дела и поступки (позднее владыка Антоний говорил о том, что русским людям часто не хватает взрослой ответственности). И вот, уже будучи подростком, он возвращался из молодежного лагеря и его встретил встревоженный отец вопросом, не случилось ли с ним что-то плохое? Юноша удивился, заверив отца, что его жизни ничто не угрожало. В ответ на это он услышал такие слова, которые запомнил на всю жизнь и которые во многом определили ее: «Пойми, если бы что-то угрожало твоей жизни, это ничто. Сохранение жизни не самое главное для человека. Есть вещи страшнее смерти. Я боялся за твою чистоту».

По наблюдениям исследователей (преимущественно педагогов), идеалы школьников в переломные периоды российской истории существенно менялись.

Напомним, что в работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн сначала приводит описание обычного пути нравственного становления, основанного на подражании близкому окружению и следовании принятым нормам. Когда общество само хранит и поддерживает нравственные устои, то от человека требуется меньшее усилие, чтобы быть нравственным: «так принято», «так поступали деды и прадеды». Здесь прежде всего имеется в виду патриархально-общинный уклад жизни дореволюционного

крестьянства. При разрушении, «ломке» практически всех институтов, поддерживавших привычный ход вещей, каждая конкретная личность, лишаясь защиты, оказывается один на один с проблемой нравственного выбора. Рубинштейн предельно остро обозначает сам выбор: он происходит буквально между утверждением жизни или гибельным путем, ведущим личность к деградации и моральному разложению. Главное и практически единственное оружие, имеющееся в распоряжении человека в таких ответственных обстоятельствах — это сознание.

«Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента, собственно, и встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и упущенное»¹.

В обобщенном виде основные принципы нравственной психологии С. Л. Рубинштейна можно представить так:

- Усвоение нравственных норм, передача их от поколения к поколению происходит путем подражания образцам поведения из ближайшего окружения. Процесс этот носит естественный и мало осознаваемый характер.
- При нарушении принятого уклада нарушается прежде всего механизм передачи норм путем подражания младшего поколения старшему.
- Сознание позволяет личности выйти за пределы наличной ситуации и самой стать субъектом моральной ответственности.
- Результатом работы сознания является восстановление единства данного конкретного "я" с другими "я". Категория "я" носит универсальный характер.
- Основным этическим законом является любовь как утверждение бытия другого человека.

В каждую историческую эпоху ведущее место может занимать тот или иной из перечисленных принципов. Последнее десятилетие по характеру и скорости ломки привычного уклада

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: «Наука», 1998, с. 79.

приближается к революционному периоду, о котором писал Рубинштейн. Основные положения разработанной им нравственной психологии позволяют объяснить внутренние причины определенной степени сохранности основ нравственной жизни в стране после целого ряда социальных потрясений и обращения к ценностям, зачастую отрицающим предыдущие. «Другие люди в их деятельности выступают как фокусы или центры, вокруг которых организуется "мир человека"»². Нашим главным богатством и основным гарантом сохранения отношений, достойных человека, являются люди, конкретные личности, проделавшие свою работу по нравственному самоопределению в условиях, становящихся все более «тесными»: это те, кто выбирали любовь к людям, хотя обстоятельства и требования ситуации все чаще заставляли выбирать противоположное.

Единицей нравственности является поступок. Рубинштейн говорит о поступке как об *имплицитном суждении*. Поступок производит впечатление на других людей, и они запоминают его надолго. Подражают не словам человека, а именно его поступкам. Нравственное богатство личности — это запечатление нравственных поступков, свидетелями или участниками которых оказалась данная личность.

Гипотеза, положенная в основу нашего исследования, состояла в том, что нравственное становление личности осуществляется путем запечатления образа и поступков другого человека, являющегося для данной личности в данный момент ее развития образцом или нравственным эталоном. Процесс этот может в разной степени осознаваться самой личностью, но именно он лежит в основе формирования нравственных представлений. Потребность в нравственном эталоне является экзистенциальной.

В сравнительном анализе идеалов школьников дореволюционной (1909, 1911 гг.), и советской России (1926, 1960 гг.) Н. И. Судаков³ отмечает, что только некоторые примеры нравственного идеала сохранили для детей свою притягательность и воспитательное значение. Выразителями этого идеала были конкретные люди, жившие когда-то в России и много сделавшие для ее сохра-

нения. Прежде всего, они прославились защитой Отечества, и память о них сохранилась, невзирая на изменения общественного строя. Собственно, безусловный образец «на все времена» оказался... один. Это святой князь и воин Александр Невский, живший в XIII веке и прославившийся своими победами над войсками, хлынувшими из северо-западных стран на Русь, изнемогавшую в это время под гнетом татаро-монгольского нашествия. Остальные идеалы сохраняются уже не как образы конкретных людей (в 20-е годы уходят из упоминания цари, дореволюционные общественные деятели), а в делах и качествах. Защита Отечества оставалась важнейшим делом и для советских школьников (60-е годы), назвавших имена героев-молодогвардейцев, других героев Великой Отечественной и современных им героев, многих из которых школьники нашего времени и не вспомнят.

Но есть качества личности, которые в советские годы ушли из социально желательных. Прежде всего это смирение, терпение, «ласковость», так ценимые в русском народе прежде. Остались доброта и любовь. Как мы могли увидеть по результатам многих работ, доброта (пока еще!) является самой притягательной и ценной характеристикой нравственного состояния человека.

По вполне определенным причинам проведение конкретных исследований в области нравственной психологии в советские годы было затруднено. Большинство моральных проблем, которые вынуждены были в своей повседневной жизни решать наши соотечественники, могли носить нежелательный социальный оттенок. Возможно, именно поэтому первые экспериментальные работы школы Рубинштейна были проведены на материале геометрических и физических задач, получены новые факты о закономерностях процессов анализа и синтеза в процессе мышления, о роли включения объекта во все новые системы связи и отношений (анализ через синтез). В ходе этого процесса аскрывается глубина исследуемого объекта. Смысл, цель и главная задача работ С. Л. Рубинштейна — предельное приближение к сущности вещей и явлений. Именно в закономерностях познавательного процесса он видел основу непрерывности мироздания, отводя моменту появления здесь человека и человеческого сознания роль поворотного пункта в развитии Вселенной. «Человек познающий», «существо, обладающее сознанием» — такое определение человека через его сущность дает в своих работах С. Л. Рубинштейн.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир, с. 70.

Судаков Н. И. Сравнительные характеристики идеалов современных советских учащихся и учащихся дореволюционной России // Вопросы психологии, 1970, №5, с. 131 — 140.

ТОЛЬКО один раз им было проведено эмпирическое исследование на материале нравственных задачек⁴. Эту работу можно считать образцовой по замыслу и по отношению к человеку. Исследовались причины детского «ябедничества». Известно, что маленькие дети склонны жаловаться воспитателям или родителям на других детей, которые «не слушаются». Означает ли это, что человек обладает врожденной склонностью к «доносительству»? Глубокий анализ внутренних причин такого поведения детей позволил Рубинштейну сделать вывод: дети просто стремятся восстановить порядок, нарушенный «непослушниками», а взрослые — это сила, обладающая властью и способностью исправлять ситуацию. Исходной точкой анализа послужил не оценочный взгляд сверху, а стремление понять точку зрения ребенка, то есть отнестись к нему не как к объекту исследования, а как к субъекту, доверчиво раскрывающему перед взрослым внутренние причины своих поступков.

Позднее исследования личностных аспектов мышления в процессе решения задач были продолжены в работах А. В. Брушлинского и его коллег (о них мы подробно рассказали в предыдущих главах).

С именем, точнее с самим Андреем Владимировичем Брушлинским связано наше исследование современных представлений о нравственном человеке.

Имплицитные концепции нравственности

«Сдам квартиру порядочным людям, недорого...»
(из объявления)

В проведенном нами совместно с Л. Л. Гренковой — Дикевич⁵ исследовании представлений о нравственном человеке нас интересовало, насколько область нравственности пересекается в представлениях наших соотечественников с областью закона

См. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М.: Наука, 1989, с. 208-209.

Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997, с. 93-111.

и правопорядка. Метод был частично заимствован из упомянутых выше работ Стернберга, Азумы и Кашиваги и Смирновой, изучавших имплицитные концепции интеллектуальности. Наше исследование с самого начала также планировалось как кросс-культурное и в дальнейшем эти планы осуществились в диссертационной работе аспирантки Н. Д. Елисеевой «Культурологические особенности социальных представлений народа саха о нравственном человеке». Интересно отметить следующую особенность исследуемой темы и применяемого метода. Если для якутской выборки вопрос формулировался так: «Вспомните конкретного человека, которого Вы считаете высоконравственным, и опишите его», то для исследования, проводимого на русской выборке, мы просили описать «порядочного человека», хотя целью исследования были имплицитные концепции нравственности. Причин здесь две. Первую из них косвенно поясняет эпиграф к этой главе, в котором приведен текст одного из реальных объявлений, во множестве расклеиваемых в городе. Слово «порядочный» общеупотребимо в современной разговорной лексике, и все понимают, что речь здесь идет об определенных нравственных качествах. Каких именно, мы и хотели выяснить в нашем исследовании.

Вторая причина станет понятной, если напомнить о времени и обстоятельствах, когда зародилась сама идея исследования. Середина 90-х годов двадцатого века была трудным временем в современной российской истории, когда переоценке подвергались основополагающие ценности: правда, добро, справедливость, честность, доверие. В эти годы особенно актуальными стали слова С. Л. Рубинштейна из его работы «Человек и мир» о тех испытаниях, которым подвергаются нравственные устои в период ломки общественных отношений. В середине 90-х происходила не только замена одного общественного строя на другой — социализма тоталитарного образца на капитализм эпохи первоначального накопления капитала. Это было (или еще есть?) время, когда, по мысли К. А. Абульхановой, решающая роль в определении дальнейших путей общественного развития перешла к конкретной личности, ее моральному выбору. Абульханова пишет:

«Специфика российской ментальности, состоящая в цементирующей роли морального начала, которая всегда присуща

русскому обществу и составляла его цельность, соборность, разрушается дифференциацией разных слоев»⁶.

Конкретно это выглядело так: большинство граждан, оказавшихся за чертой бедности, иногда — без жилья и без работы, и небольшое количество тех, кто имел доступ к материальным благам. А дальше все решалось, действительно, на личностном уровне. Например, нам известен случай, когда научно-исследовательский институт в одночасье перестал существовать, поскольку здание, где он располагался, находилось в престижном месте и было продано «на корню».

Однако есть и другие примеры. Директором нашего института психологии все эти самые трудные годы (с 1989 по январь 2002 года) был Андрей Владимирович Брушлинский, человек кристально честный. Скорее всего, именно благодаря этому его качеству институт не только уцелел, но даже успешно работал. И когда возникла идея о проведении исследования имплицитных концепций нравственности, то первым на память пришло имя Андрея Владимировича как человека, о котором можно сказать: «Да, это действительно порядочный человек!» (так был сформулирован и текст инструкции).

Однако, когда в 1999 году диссертационное исследование Л. Л. Гренковой—Дикевич уже было завершено, на защите ее диссертации прозвучал вопрос: «Где вы видели порядочных людей?» Людмила Леонидовна ответила: «Все мои знакомые — порядочные люди».

Метод, примененный нами в ряде работ (о которых пойдет речь в данной книге), позволяет осуществить *субъектный* подход к исследованию, так как описываются конкретные люди, являющиеся, по мнению респондентов, субъектами определенных качеств (например, интеллектуальности — в работах Стернберга с соавт, Азумы и Кашиваги, Смирновой и, соответственно, в наших работах — нравственности). Выделяемые факторы позволяют также говорить об определенных личностных *типах* (*прототипах*), представления о которых распространены в той

Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997, с. 33.

или иной социальной среде или группе, как образцовых в нравственном отношении. Кроме того методика также опиралась на идею Рубинштейна о *поступке* как единице нравственного поведения. Поэтому в нее был включен вопрос-задача: рассказать о конкретном поступке описываемого лица, доказывающем, что данное лицо действительно является порядочным человеком.

Адаптация и апробация методики Азумы и Кашиваги к исследованию прототипа нравственной личности проходила с 1996 года. Последний этап исследования был проведен нами в 2002 — 2003 гг. Всего в исследовании приняли участие около 900 человек: школьники, студенты и люди более старшего возраста. Все они были жителями Смоленска, Смоленской области, Москвы и Московской области.

После этапа сбора описаний «порядочного», с точки зрения респондентов, человека, были отобраны частотным методом дескрипторы и составлен бланк, построенный по принципу одномерной шкалы. Анкета, дополненная просьбой описать конкретный поступок, предъявлялась в индивидуальном порядке испытуемым. Заполненные анкеты подвергались затем процедуре факторного анализа, а приведенные примеры — контент-анализу и микросемантическому анализу.

В связи с возможностями разных статпрограмм, которыми мы пользовались, были составлены два варианта анкеты. Расширенный вариант состоял из 60 дескрипторов (именно он был использован в работе Л. Л. Гренковой — Дикевич) и сокращенный, состоящий из 41 дескриптора (этот вариант мы выбрали для проведения мониторинга изменений общей картины социальных представлений о нравственном человеке; сокращение количества дескрипторов происходило за счет отбора путем экспертной оценки, удаления слов — антонимов и слов, близких по значению — синонимов).

Анкета начинается с просьбы: «Вспомните человека, которого вы знаете лично и о котором можно сказать: «Да, это действительно порядочный человек!» Оцените, в какой степени каждая из ниже перечисленных характеристик ему соответствует: из трех оценок выберете одну, наиболее подходящую. Укажите также пол и возраст описываемого вами человека. Укажите также свой возраст и пол». Затем приводился список дескрипторов, напротив каждого из которых располагались три варианта оценок «согласен», «неуверен» «неверно». Это были следующие

дескрипторы: скромный; пунктуальный; тактичный; уважающий других людей; не предаст друга; добросовестный; любит Родину; образованный; смелый; не выдаст чужую тайну; не нарушает закон; бережливый; верит в Бога; гордый; воспитанный; не нарушает данное ему слово; трудолюбивый; умный; справедливый; ответственный; не курит; может дать совет; хорошо одевается; волевой; не ворует; честный; культурный; аккуратный; не сквернословит; добрый; соблюдает правила этикета; общительный; щедрый; начитанный; рассудительный; с чувством юмора; не сквернословит; уважает старших; не врет; безотказный; интеллигентный.

Как видно из списка, дескрипторы касаются нескольких типов качеств: связанных с нравственными поступками, с внешним поведением и видом, с умом, образованностью... Но самое интересное то, что почти каждое из упомянутых качеств само нуждается в расшифровке: что же здесь имеют в виду, каково субъективное понимание «интеллигентности», «справедливости» и т.п. Именно с этой целью в анкету и было включено задание описать «конкретный случай, доказывающий, что описываемое лицо — действительно порядочный человек».

Оказалось, что тема нравственности («порядочности») как у школьников, так и у людей достаточно взрослых, вызывает (в отличие от «юридической» темы) типичную для российского сознания заинтересованность. Если дескрипторы расположить в порядке убывания частоты упоминания качеств, отличающих образцовую нравственную личность, то самыми употребимыми чертами оказываются следующие: умеющий прийти на помощь, добрый, честный, ему можно доверять. Первоначальный перечень черт, которыми описывают порядочного человека, состоял более чем из трехсот определений. Из них (исходя из частоты упоминания во всех группах) и были отобраны дескрипторы для двух вариантов анкеты, предъявляемой затем для заполнения.

Факторный анализ заполненных анкет показал, что *соблюдение закона* не входит в обязательный набор требований к человеку, которого можно, с точки зрения наших соотечественников, назвать *действительно порядочным*. Так у школьников-подростков и у студентов (включая студентов-юристов!) редко упоминались любовь к Родине и уважение к законам.

Однако анализ конкретных *примеров*, доказывающих, с точки зрения отвечающего, что описываемое лицо является действи-

тельно порядочным, позволил увидеть особую роль крепости и стойкости в соблюдении *закона* — как нравственного, так и правового. Выбирая образ «безусловно порядочного человека» испытуемые подчеркивали в нем те черты, где «образец» не переступает нравственный закон, т. е. у него сохранена нравственная *чистота*, внутреннее чувство *границ* допустимого в нравственной сфере. На этих-то людей, на их поведение и ориентируются те, кто хочет оставаться нравственным человеком. Размытость внешних границ допустимого (когда вести себя «как все» может означать участие в общем нравственном падении) делает внутренние границы важными и значимыми не только для самих их «обладателей», но и для многих людей, запечатлевающих их поступки. *"Ему можно доверять любую тайну и он никому ее не откроет, не бросит в трудную минуту и защитит"* (м., 18 л.); *"Никогда не участвует в обсуждении чужой жизни, поступков. Можно доверять любую проблему"* (ж., 19 л.); *"Когда человеку становится известна какая-то соблазнительная информация интимного свойства, например, о чем-то происшедшем внутри какой-то семьи, и он сдерживается и не разбалтывает это всем знакомым..."* (ж., 20 л.). *"Есть вещи, которые он НИКОГДА НЕ СМОЖЕТ СДЕЛАТЬ, потому что это ПРЕТИТ его внутреннему миру"* (м., 18 лет).

В целом поступки, о которых вспомнили и рассказали взрослые респонденты, не свидетельствуют в пользу вывода, сделанного одним из школьников: *"Быть порядочным человеком очень хорошо"*. Образец нравственности, по житейским меркам — это не самый приспособленный к жизни человек: *"Женщине понравился женатый мужчина, но вместо того чтобы кокетничать и "уводить", она даже в сторону его не смотрит"* (ж. 23 года). *"Он не воровал на заводе, хотя и был начальником"* (ж. 24 года).

Резюмировать можно словами одного из школьников; *"Порядочность — ЭТО ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК..."* В представлениях людей нравственность действительно существует как некий образец (эталон... или миф?). Исследование его по описательным характеристикам позволяет обрисовать общую картину нравственных приоритетов в той или иной группе людей. Но описание запечатлевшегося нравственного действия, поступка дает возможность узнать главное, что определяет выбор того или иного лица в качестве образца. В этом действии другой человек становится живым нравственным символом, позволяющим узнавать в поведении,

словах и даже облике как других людей, так и себя самого в разные периоды жизни соответствие или несоответствие нравственным образцам.

По нашему наблюдению, между поколениями в современной российской действительности лежит некая грань, связанная с дефицитом положительных нравственных образов. Наше главное и основное богатство — "*добрые люди Руси*" (слова, принадлежащие одному автору XIX века) расходовалось и расходовалось десятилетиями, сейчас слой этот истончился так, что относительно взрослым людям (студентам) еще удалось увидеть или встретиться с кем-то, кого они могут описать как нравственный образец. Подросткам сделать это уже труднее (всего одна треть опрошенных школьников смогла указать такое конкретное лицо). Сетования детей на то, что «нравственность» — это то, что было в прошлом, во времена дедушек и бабушек, имеют под собою реальные основания.

Факторный анализ результатов, полученных в период 1996 — 1999 гг. (исследования Л. Л. Гренковой — Дикевич, А. А. Шустова, З. И. Серединской и наши) позволил составить такую общую картину возрастной и региональной специфичности социальных представлений о нравственном человеке.

Подростки 13 лет (Смоленск) показали довольно гладкую и в целом позитивную картину. Были выделены факторы: *решения проблем* (может дать совет, отзывчивый, аккуратный, доброжелательный, ответственный); *доверия* (не предаст друга, настоящий друг, не выдаст чужую тайну, не нарушает данное им слово, безотказный, ему можно доверять, справедливый); *когнитивно-культурный* (эрудированный, начитанный, умный, рассудительный, уважающий других людей, честный, независимый, культурный); *коммуникативный* (с чувством юмора, общительный, хорошо одевается, веселый, не жадный) и *социальной поддержки* (щедрый, не сплетничает, пунктуальный, безотказный).

Сравнение ответов смоленских старшеклассников с ответами их московских сверстников позволило сделать предположение, что 16-летние смоляне находятся в начале того пути разрушения традиционных для нашей культуры идеалов, по которому 16-летние москвичи прошли на шаг или два дальше.

В ответах смоленских старшеклассников были выделены факторы: *самоконтроля и культуры поведения* (аккуратный, пунктуальный, ответственный, не нарушает закон, соблюдает

правила этикета, культурный); *доверия ровесникам и отрицания "взрослых" ценностей* (в него вошли: с *положительным* значением — не предаст друга, общительный, с чувством юмора, с *отрицательным* — любит Родину, скромный, не курит, не сквернословит); *доброжелательности и уважения к старшим* (добрый, уважает старших, безотказный); *культурно-когнитивный* (интеллигентный, образованный, начитанный, воспитанный) и *доверия* (не нарушает данного им слова, не выдаст тайну, щедрый, рассудительный).

В ответах московских школьников (тот же возраст и тендерный состав) были выделены факторы: *культуры поведения* (культурный, аккуратный, соблюдает правила этикета, уважает старших, интеллигентный, хорошо одевается, воспитанный); *доверия* (безотказный, не врет, добрый, не выдаст чужую тайну, ответственный/); *неприятя ценностей школы* (с *отрицательным* значением — образованный, начитанный, умный, может дать совет, интеллигентный) и фактор, который условно можно назвать "*скупой и мрачный*" (с *положительным* весом — бережливый, с *отрицательным* — с чувством юмора, общительный, волевой); *добропорядочности* (добросовестный, пунктуальный, не предаст друга, волевой, трудолюбивый) и *верности* (не нарушает данное им слово, любит Родину, смелый).

Как видно, у старшеклассников из Москвы и Смоленска наряду с общим для всех социальных и возрастных групп утверждением интеллигентности, культуры поведения, появляется и отрицание взрослых ценностей, но у московских школьников оно сильнее и затрагивает практически все ценности, прививаемые школой и образованием — ум, интеллигентность и саму образованность.

Смоленские студенты показали в целом более благополучную картину, но, как оказалось, она несколько зависела от избранной специальности: студенты-юристы больше ориентированы на ум, доверие и ответственность, а студенты-психологи — на воспитанность, образованность, независимость, также доверие и общительность. При этом у них наблюдается образование фактора, условно названного *возвращением к прежним идеалам*, куда вошли следующие качества: не ворует; добрый; не злой; верит в Бога; доброжелательный; может простить.

Аналогичный фактор был выделен в ответах взрослых москвичей (лица в возрасте от 38 до 52 лет, принадлежащих к довольно

однородной и в социальном плане относительно успешной группе). Остановимся на этом подробнее. Были выделены следующие факторы: 1) *когнитивно-коммуникативный* (дисперсия 17,3%): умный, общительный, гордый, волевой, начитанный, смелый, хорошо одевается; 2) *потери идеала* (11,4%) — все с отрицательным весом: не предаст друга, щедрый, не выдаст чужую тайну, не нарушает закон, не ворует, честный; 3) *культуры поведения* (8,8%): воспитанный, скромный, тактичный, культурный, интеллигентный, соблюдает правила этикета, рассудительный, с чувством юмора; 4) *возвращения к прежним идеалам* (7,9%): уважает старших, не сквернословит, верит в Бога, не врет; 5) фактор *поддержки* (6,4%): уважает других людей, не сплетничает; 6) *социальной ответственности* (5,2%): любит Родину, ответственный, трудолюбивый, аккуратный.

В целом в ответах можно отметить уважительное отношение к уму, образованности и интеллигентности, но при этом (у всех, кроме смоленских старшеклассников) наблюдается имплицитное отрицание качеств, связанных с соблюдением закона, доверием и честностью, и имплицитное утверждение ценностей прошлого (уважение к старшим, отказ от «идиоматических выражений» и лжи, вера в Бога). Мы высказали предположение, что системообразующим и для студентов, и для тех, кому «за 40», вобретении прежних идеалов может стать возвращение к вере — реальному основанию нравственности в России на протяжении многих веков. Однако и здесь не все так просто и однозначно. То, что разрушалось десятилетиями, не может в короткое время быть восстановлено без потерь. В этом отношении, как видно из сравнения результатов, полученных в разных возрастных группах, жизненный опыт играет определенную позитивную роль.

Результаты контент-анализа описаний конкретных поступков лицами зрелого возраста показали, что в них есть своя специфичность и в целом они подтверждают картину, полученную в результате факторного анализа, но только с его *позитивной* стороны.

Ведущие темы в поступках: *помощь* — готов оказать ее бескорыстно, безвозмездно, поддержит в трудной ситуации, умеет прощать; *забота* — о престарелых родителях, о чужих детях, о своих друзьях, о животных; *защита* — от нападения, умение взять ответственность, на себя, защита интересов фирмы, способность поступиться своим личным благополучием.

Конкретные примеры говорят о том, как трудно в наше время дается соблюдение нравственного закона. Так 40-летний мужчина описывает поступок 55-летнего коллеги, который, несмотря на угрозу увольнения и в конечном итоге само увольнение, отстаивал свою точку зрения, не пошел на сделку с совестью.

Тема совести, которая нас особенно интересовала на протяжении всех этапов исследования, неожиданно всплыла в результатах стандартной обработки выполнения рисуночного теста «дерево» (по Рене Стора⁷), который давался только испытуемым зрелой возрастной группы. Именно в рисунках 40-50-летних мужчин первое место принадлежало признакам и деталям, свидетельствовавшим о внутреннем конфликте и страдании, а второе — потребности в идеале.

Если сопоставить результаты факторного анализа, описания конкретных примеров и результаты рисуночного теста, то можно сделать предположение, что *необходимость нарушения закона*, связанная с успешностью работы, может приводить личность к внутреннему конфликту и страданию.

В период 2002 — 2003 гг. мы продолжили исследование и провели его на выборке молодых москвичей. Результаты факторного анализа приведены в таблице 1.

Полученные факторы описывают 42,4% случаев. Как видно по их названиям, мы воспользовались как традиционными определениями (что позволяет проводить сравнение с результатами других исследований), так и «типажами», т.е. теми «личностными мифами», которые находятся в их основе. В современной молодежной выборке ведущее место (дисперсия 13,8%) принадлежит типу «верный и справедливый»: не нарушает данное слово, не способен выдать чужую тайну или предать друга. Понятно, что именно с таким человеком можно вести дела без боязни быть «кинутым» (простите за сленг, но это слово тоже стало широко употребимо в постперестроечной России).

Второй также весомый (9,6% дисперсии) фактор-типаж — коммуникативный, либо «общительный и смелый». Сюда вошли такие характеристики как «смелый, общительный, щедрый, с чувством юмора».

Третий фактор (дисперсия 5,9%) описывает «тактичного интеллигента» (другое название фактора — «культураповедения»).

Stora R. Lefast e'arbre. Paris: Press universitaires de France, 1978.

Таблица 1

Результаты факторного анализа представления о порядочном человеке у молодых людей из Москвы (возраст 18 — 31 г., 36 мужчин, 70 женщин) 2002-2003 гг.

1-й фактор – рецептивной социальной компетентности «верный и справедливый» дисперсия 13,8%		2-й фактор – коммуникативный «общительный и смелый» дисперсия 9,6%	
не нарушает данное слово	.71	общительный	.66
не выдаст чужую тайну	.58	смелый	.66
справедливый	.58	щедрый	.58
не предаст друга	.56	с чувством юмора	.57
не сплетничает	.49		
3-й фактор – культуры поведения «тактичный интеллигент» дисперсия 5,9%		4-й фактор – когнитивный «умный и образованный» дисперсия 5%	
культурный	.73	образованный	.76
тактичный	.69	умный	.74
интеллигентный	.62	начитанный	.43
соблюдает этикет	.57	не курит	.40
5-й фактор – личностной ответственности «добросовестный и ответственный» дисперсия 4,4%		6-й фактор – добропорядочности «аккуратный и бережливый» дисперсия 4,1%	
ответственный	.61	аккуратный	.69
добросовестный	.61	уважает старших	.56
трудолюбивый	.56	бережливый	.51
		не сквернословит	.51
		не ворует	.43

Подводя итоги предыдущего этапа исследования⁸, мы отмечали, что «интеллигентность» в типично российском понимании этого

Воловикова М.И. Нравственное становление человека: субъектный подход // Проблема субъекта в психологической науке. М.: «Академический проект». 2000, с. 235 — 259.

слова пока еще занимает ведущее место в нравственных представлениях, но уже не во всех возрастных группах, и те, кто родились и воспитывались в период «второй капиталистической революции», нуждаются в особом внимании и помощи со стороны взрослых. Возможно, мы ошиблись в своем прогнозе, так как за 6 лет, разделяющих оба этапа исследования, школьники подросли и в их представлениях интеллигентность вновь заняла свое место.

Четвертый фактор (дисперсия 5%) - когнитивный, названный нами типаж «образованный и умный». Связь представлений о нравственном человеке с представлениями о нем как об умном также является традиционной особенностью российской ментальностиTM. Интересно, что в этот фактор хотя и с небольшим весом (.4) вошло качество «не курит».

Пятый фактор (дисперсия 4,4%) был назван нами фактором «личностной ответственности», либо в качестве типажа как «добросовестный и ответственный». Сюда также вошло качество «трудолюбивый».

Шестой фактор (дисперсия 4,1%) был назван нами фактором «добропорядочности», а в качестве типажа как «аккуратный и бережливый». В него также вошли качества "уважает старших, не сквернословит и не ворует".

Нас интересовало также изменение частоты выбора каждого из дескрипторов и в целом общий вес каждого из них. Какое качество в большей степени характеризует нравственного человека само по себе, вне выделенных факторов?

Если сравнить по частоте упоминания качества (дескрипторы), присущие порядочному человеку в двух молодежных выборках, разделенных по времени шестью - семью годами, то результаты такого сравнения можно представить в такой таблице, где качества расположены в порядке убывания (таблица 2).

«Аутсайдерами» в современной выборке стали такие качества:

Уважает старших;
Не сквернословит;
Любит Родину;
Верит в Бога;
Может дать совет;
Не курит.

Таблица 2

Наиболее употребляемые дескрипторы для описания порядочного человека в молодежных выборках 1997 — 98 и 2002 — 03 гг.

№	Молодежная выборка 1997-98 гг.	Молодежная выборка 2002-03 гг.
1	Умеющий прийти на помощь;	Не предаст друга
2	Добрый	Умный
3	Честный	Уважает других людей
4	Ему можно доверять	Воспитанный
5	Умный	Добрый
6	Сдержанный	Не выдаст чужую тайну
7	Трудолюбивый	С чувством юмора
8	Общительный	Тактичный
9	Умеющий держать слово	Добросовестный

Нас опечалило, что нравственный образец в представлениях современных молодых россиян (если судить по Москве и Смоленску) слабо связан с чувством патриотизма, не всегда предполагает чистоту родного языка и отказ от нецензурной брани. Радует, что реже стала упоминаться способность дать совет (часто не неся ответственности за его последствия). Жители России взрослеют, приобретая свой трудный социальный опыт последних лет. Понятно, почему на первое место вышла возможность доверять человеку («не предаст друга»). Напомним, что возможность доверять образовала также первый, самый весомый фактор.

Изменения, происходящие в российском обществе, заметно отражаются на социальных представлениях о нравственном, «порядочном» человеке. Являются ли эти представления представлениями русских людей о нравственном идеале? На этот вопрос нет однозначного ответа. Во-первых, хотя исследования проходили в районах с преимущественно русским населением, специального вопроса о национальной принадлежности в анкете не было.

Во-вторых, можно ли *изучить* идеалы с помощью анкеты? Нельзя, конечно. Но путем исследования, подобного нашему, можно приблизиться к некоторым особенностям понимания современниками нравственного идеала.

Сравнивая эти результаты с той информацией, которую дает изучение этнографических материалов, биографий, автобиографий, воспоминаний, дневников, можно увидеть, насколько

проявлен или не проявлен традиционный идеал русских людей в представлениях наших современников, какие качества проявляются особенно ярко, и важность каких нравственных качеств осознается слабее. Можно даже предположить, что подобные изменения означают для народа.

Например, по представлениям русских людей, сквернословие является тяжким смертным грехом, поскольку осквернение слова означает хулу на Бога: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог» (Ин. 1.1.). То, что из обыденного сознания уходит представление о несовместимости сквернословия и «порядочности», может оказаться очень серьезным симптомом состояния духовного здоровья народа.

Среди тем, которые можно было выделить в описаниях нашими современниками конкретных поступков, свидетельствующих о порядочности человека, первое место заняла тема «помощь». Действительно, благодарная память о помощи, оказанной, возможно, в самый трудный момент, может делать не столь существенными другие качества человека: курит ли он, честен ли...

Помощь могла быть связана с житейской ситуацией, с чисто человеческой или материальной поддержкой. «Когда у меня были проблемы в личной жизни, этот человек бросил все свои дела и поддержал, дал нужный совет», — пишет 24-летняя женщина о своей ровеснице. «Этот человек бескорыстно дал мне в долг 2000 долларов, а затем устроил меня на работу» (29-летний мужчина о 50-летнем мужчине).

Связанная с первой тема касается тех качеств, которые Кант определял как критерий этического: они совершаются «без цели личной выгоды». 20-летняя девушка пишет о 45-летнем мужчине: «Однажды вернул забытый в маршрутке зонтик. Целый день искал (ждал) забывшего человека. Когда вернул, радовался не меньше, чем человек, забывший свою вещь». Другой пример (24-летняя женщина о своей ровеснице): «Семья попала в автокатастрофу, маленький сын погиб, муж остался невредим, а его жена осталась парализованной. Она ездит очень часто на дальнее расстояние и ухаживает за своей подругой». Подчас это качество становится близко к настоящему подвигу: «В городе Владикавказе в тот день, когда случился теракт на площади, этот человек, получив рану, преодолевая боль, помог другим людям, оказывал первую медицинскую помощь» (22-летняя женщина о 25-летнем мужчине).

Есть описания поступков, которые нам представляются характерными именно для представлений о нравственности русских: это беззлобность, умение простить, совсем забыть обиду и причененное зло. «Когда у него из рук выбили пакет с вазой, то он, конечно, расстроился, выругался, но в драку не полез, отшутился (29-летняя женщина о 39-летнем мужчине); «Может простить человека, которые доставил ему неприятности, предал его, и не помнить зла... У его друга умерла жена и тот чуть не увел его жену. Он простил друга и жену. Умение прощать, безусловная любовь» (30-летняя женщина о 65-летнем мужчине).

В примерах, приведенных выше, представлены основные нравственные ценности народного («крестьянского») идеала: доброта, незлобивость, способность помирить, не помнить обиду, поделиться последним, оказать гостеприимство (при крайней необходимости поселить у себя в квартире знакомых) помочь даже с риском для собственной жизни, не обнаружить свои чувства, чтобы не разбить чужую семью. Только в описании конкретных примеров мы встретили «никогда не нарушает закон».

Ценности, которые веками формировали духовно-нравственный облик народа в России, не ушли из современных представлений, только подчас их очень сложно заметить. В этом смысле поступок оказывается тем имплицитным суждением, которым человек утверждает нравственные ценности в глазах других людей и сам становится живым примером, образцом.

Представления о «любимом герое»

В прежние годы большое внимание уделялось тем литературным образам, с которыми знакомился подросток. Согласно представлениям наших предков, в воспитании подрастающего человека многое зависело от «круга чтения»: каким героям, каким нравственным качествам он будет стремиться подражать.

В наше время образы для подражания стали приходиться не только со страниц книг, но и из кино, из компьютерных игр и из шоу-бизнеса. В последнем мы убедились, когда в конце 90-х годов проводили (совместно с А. А. Шустовым⁹) исследование

⁹ Шустов А. А. Нравственные представления и идеалы современных подростков. Дипломная работа. М., Высший психологический колледж, 1998.

представлений современных московских подростков о любимом «герое». По разработанной нами методике клинического интервью небольшая группа старшеклассников (28 учащихся одной из московских школ, возраст 15— Шлет, 15 мальчиков и 13 девочек) в индивидуальном порядке ответили на вопросы, составленные по следующей схеме:

1. *Есть ли среди ваших знакомых человек (или историческое лицо, литературный, кино — ТВ герой), который произвел на вас особенно сильное впечатление?*
2. *Если «да», то сколько ему (ей) лет?*
3. *Постарайтесь составить его (или ее) «психологический портрет»: т. е., опишите этого человека.*
4. *Расскажите запомнившийся вам случай, особенно характерный для этого лица.*
5. *Постарайтесь объяснить, чем вас особенно поразил этот случай.*

В результате качественного анализа полученных ответов (контент — анализа и микросемантического) были выделены следующие «типы героя», популярного шесть лет назад у подростков (если судить по данной небольшой группе московских старшеклассников).

«Артист». Артист, чаще всего, солист известной рок группы, описывается как обладающий многими положительными качествами («Справедливый, непреклонный, сильная личность, волевой, неагрессивный, смелый, просто умный и интересный человек...» — дев., 16 лет). Лично не знакомый, он воспринимается как близкий друг. Наблюдается также эффект личного участия в его судьбе («вообще сейчас Костя стал немного другим, набрался жизненного опыта, поумнел, его песни стали более глубокими. Не то, что раньше. Можно сказать, что этот человек прошел путь от хулигана до степенного взрослого человека...» — дев., 16 лет). Привлекает его исключительность, непохожесть на других людей («Индивидуальная личность, не схожая с другими...» — дев., Шлет). Особое внимание вызывают моменты активного противодействия и противостояния давлению извне («Его несколько раз арестовывали. Был случай его избияния (в милиции). После длительных попыток доказать свою невиновность К. и его группу оправдали...», — дев., Шлет).

Источник знаний об артистах — публикации, концерты («Видел много концертов. На одном из них был. Читал историю о группах, в которых они играют» — м., 15 лет). Есть момент сознательного подражания («с того момента, как я начала слушать Алису, прочитав биографию К., я во многом изменилась. Я стала по другому себя вести (т.е. теперь я не стесняюсь что-то сказать, как-то ответить). Раньше этого не было...» — дев., 16 лет).

С чем же связано такое глубокое запечатление образа другого человека, практически не знакомого лично? Первая и главная причина здесь (когда речь идет об артисте) — это сильное эмоциональное переживание («Он играл не просто хорошо, а **ОЧЕНЬ** хорошо! Это было просто великолепно! В самой последней сцене, я не буду ее, конечно, описывать, ну так вот в конце спектакля весь зал плакал. Его игра тронула и поразила всех. Я никогда не думала, что актер так может вжиться в свою роль. Мне казалось, что это не спектакль, а это все на самом деле..» — дев., 14 лет)

Сильное эмоциональное потрясение вызывается встречей с чем-то, личностно крайне важным и значимым. Это, конечно не сам артист как конкретный человек, практически совсем не знакомый подростку. Если возвратиться к только что приведенному примеру, следует обратить внимание на слова «тронула и поразила всех», «весь зал плакал». Слова «весь», «всех» указывают на момент единства всех присутствующих, *общего* переживания.

Именно преодоление на некоторое время отчужденности, вообще свойственной человеку или даже иллюзия такого преодоления и оставляет самый глубокий след в душе подростка, почувствовавшего на какое-то время, что он — не один: «Концерт дает ощущение некоего контакта с этими людьми, ощущение немого диалога, как будто общаешься с ним, а он общается лично с тобой из всей многотысячной толпы...» (м., 15 лет).

«**Притель**». Настоящий друг — вот тот, кто призван дать подростку опыт подлинного общения. Для девочек это «избранник». О том же говорит и характер их выборов (напомним, почти 76% девочек рассказывали о лице противоположного пола, тогда как у мальчиков таких случаев не было). Появляются рассказы о придуманном «герое», большое значение приобретает внешность описываемого лица («Высокий, красивый парень. Со светлыми волосами, карими глазами, красивыми зубами и, следова-

тельно, красивой улыбкой...» — дев., 16 лет). Рассказы о нескольких «героях» говорят об активной работе сравнения и поиска. Кого? Конечно, как бы мало это не было осознанно, — отца своих будущих детей, т.е. красивого, доброго и способного заботиться о других. Девочки упоминают особое внимание к себе, достигающее до самоотречения («Он пожертвовал своим местом, что очень тяжело, так как я по себе знаю, что когда вижу «Арию», прорываюсь как можно ближе, так он встал на ряд дальше, сзади меня и стал оберегать меня от этой давки, практически не слушая концерта. Он совершенно забыл о себе...» — дев., 16 лет).

Здесь речь идет о самом естественном, свойственном природе человека пути преодоления изолированности от других. И озабочены таким поиском девушки, так как для них будущий супруг — это действительно самое важное в жизни («Он забрался на балкон второго этажа в 2 часа ночи, чтобы признаться мне в любви. Яне думала, что люди способны на такое...» — дев., 16 лет).

Только у девушек-подростков были и рассказы о близких друзьях. Сквозная тема оставалась та же — общение и возможность доверять («Им можно все рассказать, доверить все самое сокровенное <...> Если ты одинок, если тебе скучно или плохо, всегда можно обратиться к этим людям» — дев., 16 лет)

«**Родственник**». Счастлив тот, кто смог обрести опыт доверительного общения в родной семье. Мы предполагали (и так оно оказалось, судя по ответам подростков), что хороший семейный контакт со взрослым помогает лучше разбираться в людях: описываемые личностные черты становятся богаче и реалистичнее. И особенно счастлив тот, кто обрел в детстве полноценный опыт общения в родной семье, состоящий из двух нераздельных «половинок»: мамы и папы. Интересно даже то, как повторяются одинаковые слова при описании родителей («Моя мама красивая женщина с сильным, волевым характером. Она умная. Но иногда несдержанная. Она очень любит своих детей. <...> Мой папа очень деловой человек, очень умный. Сдержанный. Очень любит своих детей...» — дев., 15 лет).

В описании конкретных дел и обстоятельств, поразивших подростка, речь также идет об общении — умении мамы и папы наладить контакт с другими людьми («она смогла договориться в врачом...», «он может договориться о невозможном с людьми...»).

В то время, когда взрослые заняты своим делом, когда мама отправляется в больницу к заболевшему братишке, когда папа

делает покупки в магазине, внимательные глаза подростка замечают все *отношенческие* (т.е. касающиеся способа построения отношений с другими людьми) детали их поведения, запоминают, копируют. Это фундамент и основа их собственного будущего поведения. Хороший фундамент для того, чтобы, став взрослым, быть в состоянии сделать что-то свое. Но как редко у современных подростков есть такая возможность: семьи расколоты, больны, малодетны.

«Спортсмен». Мальчику нужен учитель — значимый взрослый, которому подросток стремится подражать. В другой работе¹⁰ мы приводили пример: спортивный тренер проявил честность и твердость в отстаивании правды; тренер с риском для своей карьеры отказался брать на соревнования «подставок», т.е. ребят более старшего, чем было официально заявлено, года рождения. Именно этот поступок запомнился подростку. Если тренера (сильного, мудрого взрослого) рядом нет, то в центре внимания оказываются рассказы о судьбах и поступках известных спортсменов — иногда и тех, которых уже нет в живых и чье имя стало легендой («Особенно мне запомнился случай, происшедший в матче СССР — Великобритания, когда Яшин «взял» 3 пенальти из пяти и мы победили...» — м., 15 лет). Постоянно подчеркивается преодоление преград, трудностей, связанных зачастую и с природными дефектами («у него была одна нога короче другой, а он бежал как хороший легкоатлет» — м., 15 лет; «Этот человек переборол все свое волнение, собрал в едино всю свою силу и умение...»; — м., 16 лет; «Он сумел повести за собой всю команду и забил решающий гол, который психологически подломил соперника...» — м., 15 лет).

Спорт — это борьба не только с противником, но и с собой — своей ленью и трусостью. Образ героя помогает мальчикам готовиться к подвигам.

«Придуманый герой». Встречается у девочек как мечта о романтическом герое («добрый, честный, уважает себя и других, храбрый, умный любит жизнь, чувство юмора...», — дев., 15 лет). Интересна идентификация с несуществующим в реальности

Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет..., с. 93— 111.

лицом как выражение неистребимости самой потребности в такой идентификации [*«Я хотела бы, чтобы его черты были моими чертами характера и были в характерах всех людей, которые меня окружают»* — она же).

«Исторический деятель». Петр I, Наполеон, Гитлер, Жириновский... Выбирают их (когда серьезно, а когда — как в случае в Жириновском, чтобы «поюморить») мальчики, ищущие *сильную личность* («Мог быть очень жестким политиком...» — м., 16 лет, о царе Петре I; «Этот человек обладал довольно сильной личностью», — м., 15 лет, о Гитлере).

Описания очень бедные, кроме одного исключения, когда 15-летний мальчик рассказывает о Рузвельте: «*Спокойный характер, логичный, рассудительный. Очень волевой человек. Добросовестный. Честный. Всегда выполняет свои обещания. Он калека, один из жертв полиомиелита. Умный и своеобразный человек...*». Рузвельт — это пример человека, немощного физически, но сильного душевно и духовно. Подросток рассказывает о том, как американский президент вывел свою страну из кризиса 37-го года. («Он обещал народу вывести страну из него и вывел...»).

«Кризис» — повторяемая во всех средствах массовой информации характеристика современного состояния развития страны, и дети по-своему ищут из него выхода, вспоминая героя, уже проделавшего когда-то в истории подобную работу.

«Деловой человек». Это новый герой. Человек, который смог стать очень богатым («*Билл Гейтс... Это самый богатый человек в мире <...> Создание Windows 95. После этого он стал иметь невероятные богатства...*» — м., 16 лет). Однако дополнительные вопросы позволяют выяснить, что привлекательно для подростка не богатство само по себе, а *дело*, с которым удалось справиться герою («*То, что без него не было бы прорыва компьютерной индустрии*»). Но второй момент связан как раз с деньгами, вернее с тем, что приносит их обладателям наша современная реальность («*То, что его никто не убил...*»). Кто изучал, какой след в душе подростка оставляют сообщения об очередных убийствах и грабежах «богатых людей»?

«Кино — ИЛИ литературный герой». Кино и книги стали местами обитания и тиражирования самых темных образов. Тон

подростков (мальчиков), рассказывающих о «кликухах», профессиональных убийцах, бравурный, вызывающий («*Мой идеал, это один из главных героев в фильме Оливера Стоуна «Взвод». Его кликуха «Вани». Вообще мой идеал это те люди, которые не будут ломаться, когда их попросят убить»*, - м., 15 лет). Положительных образов литературных или кино-героев приведено не было.

И все-таки, подростки, живущие в огромном городе (москвичи), все еще продолжают стремиться к любви, верности, хотя рядом чувствовать «локоть друга». Способ, которым личность строит себя, остается единым на все времена. Используется «подручный материал» — тот, который дается судьбою, близким и дальним окружением: лица, характеры, привычки и поступки людей, все то, что наработано культурой и представлено в употреблении.

Судя по рассказам подростков, они, как и во все времена, стремятся к любви, к дружеским отношениям, хотят, чтобы их всегда «принимали» («*меня поразило то, что она не отвернулась от меня, когда я была не права, не бросила меня...*» — дев. 15 лет/, чтобы рядом был близкий взрослый. И чтобы в памяти, мыслях и чувствах был *герой* — образец самых высоких устремлений, к которым так всегда была готова юность. Но мир этих образов становится все беднее.

Конечно, библиотеки наполнены замечательными книгами, киноискусство воплотило много прекрасных образов, телевидение также внесло в эту работу по созданию образного богатства свой положительный вклад, однако, невостребованное, не употребляемое, не обсуждаемое в определенной среде, не «проигрываемое» в играх и т. п., оно почти не участвует в формировании подрастающего поколения. Современные подростки «ткнут одежды» для своей личности из всего подручного материала: легенд о «подвигах» солистов рок — групп, историй про артистов и спортсменов.

Появление, а, главное, декларирование анти-героя является, возможно, новым явлением, связанным с *кризисом положительного* как такового в юношеской среде. Конечно, поток образного материала с отрицательной направленностью, быстро заполнивший кино — книгорынок, должен был привести к каким-то заметным сдвигам в пластичной и впечатлительной юношеской среде. Герой — злодей, всегда присутствовавший в литературе,

чтобы подчеркнуть положительные качества настоящего героя, пытается теперь сам стать образцом для подражания. Только в тоне мальчишеской бравяды заметно еще ожидание опровержения «победы» такого анти — героя.

Другое наше исследование проходило в 2000 — 2001 годах в рамках сатиллитного (дополнительного) исследования по проекту ИНТАС.

208 детей и подростков из двух регионов России (128 из Подмосковья и 80 - из казацкой станицы Вешенская, возраст от 8 до 18 лет) просили назвать своего любимого сказочного, эпического литературного или киногероя, а также описать три главные черты характера этого героя и какой-либо его поступок, который больше всего запомнился. Нас интересовало, насколько знают и любят современные русские дети фольклор, какие герои им нравятся и какие поступки и черты характера для них наиболее существенны. Рассматривались также возрастные изменения представлений о любимом герое.

Контент-анализ ответов показал, что любимый герой — это то лицо, которому ребенок или подросток хочет подражать, на кого он хочет быть похожим — в настоящее время или в будущем. Поступок, который особенно запоминается, может быть связан с любым сильным впечатлением — от страха до удивления, но чаще в нем отражено главное качество в характере героя, которому ребенок или подросток больше всего хочет подражать. Из тем, о которых идет речь в ответах детей и подростков из Подмосковья, лидирует тема *защиты* героем других людей, страны и даже мира. Юные донские казаки, особенно мальчики, выбирали гер'оя за его воинские заслуги («умеет драться», «выносливый»). Дети 8 — 9 лет часто называли случайные черты характера и внешние события (так 8-летняя девочка из подмосковной Купавны, назвав любимым героем Аленький цветочек из сказки Аксакова, главной его чертой называет красоту, а поступком — то, что цветочек сорвали, добавляя, что на месте цветочка «я бы завял»). К 17— 18-летнему возрасту представления о любимом герое юношей и девушек (как в Подмосковье, так в донской станице) являются сформированными, а ответы — последовательными и хорошо аргументированными.

В обычных условиях, при отсутствии специальной развивающей учебной программы, образ любимого героя дети берут преимущественно с телеэкрана. Поэтому в разных регионах

оказывается общий любимый герой. Почти для половины мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет имя этого героя — Джеки Чан или Шварцнеггер (как написал 12-летний казак: «Арнольд какой-нибудь»), Микки Маус или Винни Пух. Старшеклассники называют также героев произведений художественной литературы. Девушки выбирают Наташу Ростову или княжну Мэри, юноши размышляют над загадочным характером Печорина. Только небольшая часть детей отказывается отвечать на вопрос о герое (это 10% подростков 14— 15 лет). Остальные дают подробные и искренние ответы. Хотя, как видим, герой для подражания слишком часто оказывается «сделанным в Голливуде», черты его характера в описании детей соответствуют личностным чертам, наиболее ценными в России. Это доброта, мужество, ум, чувство юмора.

Современные дети плохо знают родной фольклор. Однако когда организуются специальные школьные программы по изучению русских народных сказок, дети надолго запоминают их героев. Это знание положительно сказывается и спустя несколько лет, помогая полнее анализировать произведения и героев русской (и не только русской) художественной литературы. Такая программа была организована несколько лет назад в гимназии подмосковной Купавны искусствоведом Ириной Флеровой. Ученики классов с буквой «в» в возрасте 8 — 9 лет (т. е. во 2-м классе) изучали символический строй самых популярных русских народных сказок. Мы имели возможность сравнить ответы этих детей (то есть, учеников 2 «в», 6 «в» и 9 «в») с ответами других детей (в том числе из той же гимназии). Очевидно, что специальное изучение народных сказок маленькими детьми помогает им знать эти сказки и их героев. Дети также знают сказки известных русских писателей, основанные на фольклорных сюжетах, считая их народными (сказки Пушкина, Аксакова, Ершова).

Анализ символического строя народных сказок, даже спустя несколько лет после завершения этого учебного курса, помогает ребятам замечать главное, чему учат сказки. Так 11-летний мальчик говорит: «Я выбрал эту книгу («Сказка о царе Салтане»), потому что в ней описывается, что добро побеждает зло, а мне нравятся такие книги». Поступок Гвидона из той же сказки 11-летний мальчик объясняет: «Потому что нужно защищать тех, кого обижают». Другой 12-летний мальчик, говоря о русских

народных сказках, называет три главные черты, являющиеся наиболее ценными для русской культуры, но почти забытыми после революции. Кроме «доброты» он назвал еще «преодоление страха и любовь к врагу».

Таким образом, наметились две тенденции в представлениях о «герое»: одна - тревожная, связанная с появлением эмоционально притягательного анти-героя. Другая вселяет надежду, она говорит о сохранении у части подростков главных ценностей, отличающих русских людей - защиты слабых и умения прощать.

Глава VII ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Национальная принадлежность является одной из глубинных характеристик личности. Осознание себя представителем того или иного народа дает основополагающие ориентиры в целях и смыслах всего личностного становления и развития. Попытки заменить национальное "интернациональным" должны были оказать воздействие на личность, но какое именно, не изучалось, а в нашей стране еще несколько лет назад и не могло стать предметом научных изысканий.

Мыслителями недавнего прошлого (особенно теми, кто переживал изгнанничество) оставлено много глубоких, наполненных теплом и чувством любви к народу мыслей о русских людях. Известна работа Н. Лосского «Характер русского народа», изданная во Франкфурте-на-Майне¹, где философ пишет о нравственной высоте русских людей, фундаментом которой является их религиозность. В то же время он отмечает и «широту» (о которой так точно говорил и Достоевский). В этой склонности не знать середины, а стремиться к крайности во всем — и в хорошем, и в дурном, многие мыслители первой волны русской эмиграции видели причины происшедшей в России революции.

Иван Ильин, который верил в Россию и в будущее русских людей, о той же «широте» писал в положительном ее смысле:

«Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода

чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестике, в русской одежде и пляске, в русской пище, в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к простой нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямоте и открытости..., превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...»².

Каждое из качеств, присущих какому-либо народу, существует и проявляется в конкретных представителях этого народа. Исторически какие-то черты могут проявляться сильнее, какие-то — слабее. А некоторые качества могут и вовсе оставаться не проявленными. Однако на глубинном уровне народной памяти (здесь как раз точнее будет употребить понятия «коллективные представления» и «архетип») он хранится, проявляясь подчас парадоксальным образом — через эмоциональное и энергичное отрицание этого качества.

Основная мысль, которую мы хотели бы подчеркнуть при обсуждении непростой темы национального характера, состоит в том, что «национальный характер», определенные качества и проявления личности существуют. И знание об этом является также предметом «имплицитных теорий», т.е. обыденных представлений народа о себе и других народов об этом народе. Такие обыденные представления (другое их название — «этнические стереотипы») складываются из всего потока знаний и сведений о народе, но более всего здесь сказывается опыт встреч с представителями данного народа, а также знакомство с его литературой, музыкой, архитектурой, народным искусством и т.д. Причем «широта» качеств — от яркого их проявления до эмоционального отрицания — служит причиной разброса таких представлений: от позитивного образа своего и других народов до карикатуры на этот образ.

Однако реально существуют черты, которые в данном народе проявляются особенно ярко. Более того, если по каким-то внешним причинам позитивная выраженность этих черт станет слабой, то под вопрос может быть поставлено само историческое существование данного народа.

Лосский Н. Характер русского народа. В 2 кн. Франкфурт-на-Майне, 1957.

Ильин И. О грядущей России. М., 1993, с. 321.

Например, вы можете представить себе весь Китай, населенный лентями? Наверное, тогда население его не будет называться китайцами. Невозможно представить японцев, совершенно утративших утонченное эстетическое восприятие природы, или немцев, в массовом порядке пристрастившихся к воровству... Можно напомнить слова из одного современного фильма («Брат-1»): «Что для русского..., то для немца — смерть». Амноготочие в этом цитировании нами поставлено не только потому, что из фразы точно запомнилась только концовка, касающаяся несовместимости для немца (кстати, «русского немца») воровства с осознанием своей этнической принадлежности к народу, долго на протяжении своей истории учившемуся уважать закон и порядок во всех его проявлениях.

Так что же для русского «смерть»? Какое качество, уйдя из проявления, т.е. не воплощенное в конкретных личностях, принадлежащих данному народу, поставит вопрос о существовании самих русских как этноса? Мы уверены, что такие качества есть, а этнические стереотипы лишь фиксируют (с большей или меньшей точностью) сам факт существования подобных качеств.

По мысли Ильина, для русских это способность к единству с другими, ко всему, что ведет к братским отношениям — не только с друзьями и близкими, но и с другими народами. Он писал:

«Быть русским — значит не только говорить по-русски. Но значит — *воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность* и во всей вселенской истории *неповторимое своеобразие*, понимать, что это своеобразие есть *Дар Божий*, данный самим русским людям <...> Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России»³.

В качестве одного из оснований утверждения о том, что у этого народа есть будущее (работа написана в эмиграции в 1949 г.), Ильин приводит следующее: русский народ «создал правопо-

Ильин И. А. Почему мы верим в Россию // Русская идея. М.: Айрис Пресс, 2002, с. 443.

рядок для всех шестидесяти различных племен, — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава 1, «Бэла»)»⁴.

Мы останавливаемся именно на этой способности принятия других народов («иноплеменных» и «иноверных»), так как она, скорее всего, является тем крайним пределом, переступить который русским людям «смерть». Даже в советские годы идеология декларировала «братство всех народов». Хотя на деле национальную политику советского государства можно классифицировать как преступную. Негативные последствия сталинского переселения народов в России и других странах бывшего Союза еще долго будут влиять на отношения к титульной российской нации, т.е. русским. Однако для русских людей из этого факта следует только то, что их историческая задача лишь осложнилась, но выполнять ее все равно необходимо. В современном мире, где вражда на национальной и религиозной почве обвално нарастает, делая взрывоопасными (в прямом и переносном смысле слова) целые регионы, «настоящие русские» люди очень нужны.

При планировании и поведении небольшого (и пока незавершенного) эмпирического исследования нас интересовала картина современных представлений о русских людях. Исключительно противоречивую картину дает анализ материалов, публикуемых в средствах массовой информации. Основное впечатление, которые мы вынесли из этого анализа состоит в том, что в последнее десятилетие тема «русскости» начала пониматься в узком смысле слова, т.е. не как принадлежность к русской культуре. С одной стороны, в ней сильнее звучат национальные мотивы. Но с другой стороны, эта тема стала болезненной и подчас психотравмирующей: русские стали как бы стесняться себя. В отдельных возрастных и социальных группах (у части молодежи и подростков и др.) отмечаются проявления расовой и национальной нетерпимости и даже враждебности.

Публикация ряда серьезных фундаментальных исследований по российскому менталитету позволяет увидеть некоторые

Там же, с. 446.

глубинные причины происходящих процессов. Так К. А. Абульханова пишет: «Распад социальных отношений привел к атомизации общества, доведенной до его первичной единицы — индивидуума»⁵.

Исследование отношения детей к другим народам и к тому, что они принадлежат к тому или иному народу (русскому, украинскому, грузинскому, азербайджанскому и некоторым другим народам на территории бывшего СССР) проведенное в 1999—2001 гг. в рамках проекта ИНТАС под руководством М. Барретта, показало некоторые особенности развития национальной и этнической идентичности у русских. Так отмечается: «В возрастной группе младших подростков в московской выборке этническая идентичность выходит на первое место...»⁶. Авторами приводятся данные, описывающие самоотношение детей и подростков к своей этнической принадлежности. В целом, если судить по московской выборке, ощущают себя «настоящим русским» около 90% русских детей и подростков.

Совсем недавно завершённое исследование А. Татарко вскрыло такую общетеоретическую проблему: неопределенность этнической идентичности имеет следствием ослабление общей этнической толерантности⁷. Для взрослых русских людей, проживающих в полиэтнических районах России (например, в Ростовской области), по данным, полученным в этом исследовании, характерна позитивная этническая идентичность и близко связанное с нею качество — принятие других культур и этносов.

К сожалению, мониторинг изменения картины отношения к своему этносу у русских не велся.

⁵ Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы. // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1997, с. 13.

⁶ Рязанова Т., Сергиенко Е., Гренкова—Дикевич Л., Городечная Н., Барретт М. Когнитивные аспекты становления этно-национальной идентичности у русских детей и подростков // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», с. 180.

⁷ Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия. Автореферат... канд. психол. наук. М.: ИПРАН, 2004.

Проведенное нами эмпирическое исследование представлений россиян о «типично русском» человеке носило предварительный характер и коснулось сразу двух тем, прежде относительно закрытых для рассмотрения: специфичности на уровне личности представлений о типично национальных чертах, а также тендерной специфичности этих представлений.

Наше исследование, проведенное в рамках изучения имплицитных концепций, представляет собою первую часть работы такого рода, а именно, отбор первичного списка дескрипторов, описывающих «типично русского человека». С этой целью нами была разработана анкета открытого типа и предъявлена группе взрослых испытуемых (студентов гуманитарных специальностей) из разных регионов России (33 — из Смоленска, 33 — из Москвы, 15 — из восточных регионов, всего 81 человек, 25% которых составляли мужчины, 75% — женщины). Задача этого предварительного этапа исследования состояла в следующем:

- а) составить и апробировать анкету открытого типа, содержащую вопросы о «типично русском человеке»;
- б) выделить наиболее употребляемые описания черт характера и внешнего облика, встречающиеся в ответах на вопросы анкеты;
- в) на основе полученных дескрипторов составить анкету, построенную по принципам одномерной шкалы.

Как выяснилось уже в ходе проведения исследования, в связи со специфичностью взятой темы (прежде всего — с «широтой», т.е. неоднозначностью «типично русского» характера) данная методика не вполне применима. Однако интерес могут представлять и первичные данные, т.е. дескрипторы «типично русского» человека, полученные из анализа сочинений.

Кроме обычной для исследований такого рода просьбы описать конкретного человека, обладающего, с точки зрения отвечающего, искомыми качествами (в данном случае — качествами «типично русского» человека), мы включили в анкету специальный вопрос (задачу), использованный в нашем предыдущем исследовании имплицитных концепций нравственности (подробному описанию этого исследования посвящена предыдущая глава). Суть приема состоит в поиске системообразующего понятия, объединяющего разрозненные качества и черты личности в едином действии-поступке. Кроме того, в отличие

от упомянутых выше работ, мы решили не ограничивать респондента описанием лишь конкретного знакомого лица, а разрешили воспользоваться понятием «героя» — исторического лица, героя фильма, книги и т.п. Таким образом описываемое лицо могло иметь *имя*, известное многим, и вызывать в памяти определенный знакомый образ. Это также должно было помочь отвечать на «трудные» вопросы. Трудными, как показывают наши недавние исследования, в настоящее время оказываются вопросы нравственности, патриотизма, героичности.

Анкета содержала следующее задание:

"Вспомните, пожалуйста, историческое лицо или героя книги (кино. ТВ и т.п.) или человека, которого вы знаете лично, о котором вам хотелось бы сказать: "Это *типично* русский человек". Опишите его:

- а) черты характера
- б) внешность

Опишите какой-либо запомнившийся вам поступок этого лица".

Кроме того, была просьба указать пол и возраст отвечающего и лица, им описываемого.

Хотя исследование пришлось ограничить одним этапом (отбором дескрипторов), но мы предлагаем описание некоторых из его предварительных результатов в качестве первых наблюдений такого рода и как материал для дальнейшего сравнения и уточнения.

«Типично русский человек» в представлениях россиян — это *мужчина средних лет*. Если у женщин еще изредка и встречались описания русской женщины, то *мужчины приводили только мужские образы*. В их описаниях типично русский человек внешне выглядит так:

высокий
крепкого телосложения
мужественный
сильный
русоволосый

Похоже выглядит «типично русский» и в описаниях женщин:

высокий
крепкого телосложения
голубоглазый
с добрым лицом
русоволосый

Хотя, естественно, встречались описания темноволосых, худощавых и т.п.. но мы привели черты в порядке убывания частоты упоминания в ответах испытуемых.

«Типично русская» женщина в описаниях женщин выглядит так:

темноволосая
лучистые глаза
среднего роста
красивая.

Даже в описании внешности содержится указание и на черты характера (сила, мужественность). Естественно, рост и цвет глаз, цвет волос были бы важны для антропологов, но не для психологов. Однако, собранные вместе, эти черты позволяют увидеть типичный образ в целом, как живое реальное лицо. Заметны совпадения в описаниях мужчин, сделанных мужчинами и женщинами, но внешний облик типичной русской женщины отличен от типичного русского мужчины и напоминает Наташу Ростову — любимую героиню Льва Толстого.

Подчеркнем, что речь идет именно о *представлениях*, а не о реальном облике, так как, известно, что антропологически «типично русские люди», живущие в различных регионах России, значительно различаются по своим внешним характеристикам: цвету волос, глаз, сложению и др. Антропологический атлас дает более двух десятков таких типичных лиц. Так что отсутствие отказов выполнять предложенное нами задание и наличие уверенных ответов о «типично русском» человеке, включающих и описание его (ее) внешности, и имя, свидетельствует в пользу понимания социальных представлений в ключе *диалектики мифа*. Только напомним, что миф этот может быть ущербным. Мы считаем, что все идеи о превосходстве одного народа над другим связаны именно с ущербным мифом.

Много похожего и в описаниях черт характера типичного русского человека, сделанных как мужчинами, так и женщинами. Эти дескрипторы приводятся в таблице 1.

В этом первичном перечне дескрипторов можно выделить несколько основных тем. Первая из них связана с такими чертами характера как доброта, мягкость характера, способность любить других и помогать людям. Эти качества выражены как в описаниях мужчин, так и женщин, хотя описания "типично русских" мужчин, сделанные мужчинами, выглядят более

Таблица 1

Дескрипторы, характеризующие «типично русского человека» (по описаниям взрослых жителей Смоленска, Москвы и восточных регионов России, 81 анкета; в скобках — количество упоминаний данного качества)

Русский мужчина в описании мужчин	Русский мужчина в описании женщин	Русская женщина в описании женщин ⁸
Волевой (2)	Добрый (4)	Добрая (4)
Добрый	Добродушный (2)	Мудрая (2)
Мужественный	Умный (4)	С гибким складом ума
Целеустремленный	Открытый (3)	С открытым характером (2)
С прямоотой	Честный (3)	Всегда приходит на помощь (2)
Искренний в отношениях	Смелый (3)	Отзывчивая
Сильный духом	Преданный Родине (3)	С желанием быть нужной
Сильный	Оптимист (3)	С желанием и умением работать
Твердый	Жизнелюбивый (2)	Добросовестная
Со взрывной энергией	Мужественный (3)	Честная
Сангвиник	Целеустремленный (2)	Порядочная
С чувством юмора	Сильный	С желанием быть «в курсе» (новостей)
С радостным отношением к жизни	Выносливый	С готовностью пережить любые трудности
Умный	Трудолюбивый	Жизнелюбивая
С высоким интеллектом	Находчивый	Задорная
Талантливый	Обладает терпимостью	Душевная
Религиозный	Всегда надеется на лучшее	Мужественная, у нее не женская сила, которая помогает ей не сломаться в самой трудной ситуации
	Не делает зла другим	Неудачи ее не пугают, а наоборот дают толчок для деятельности
	Может любить даже неприятных людей	Сильная личность
	Любвеобильный к окружающим	Сильный, иногда властный характер
	Заботится о близких	Добивается своей цели
	Преданный любимым людям	Волевая
	Часто даже живет ради других	Упорная
	Умеет понять и простить	
	Мягкосердечный	
	Человечный	
	Радужный	
	Стойкий	
	Верный	
	Благородный	
	Жизнерадостный	
	Веселый	

Описаний мужчинами женщин нам не встретилось

Таблица 1 (Продолжение)

Русский мужчина в описании мужчин	Русский мужчина в описании женщин	Русская женщина в описании женщин
	Эмоциональный до куража	Практичная
	С широкой душой	Женственная
	Восторженный	Мягкость, хотя она скрыта за суровостью
	Увлекающийся	Не кривит душой
	Разгульный	Не темнит
	Откровенный	Проста в общении
	Порывистый	Верит в лучшее
	Извечно находящийся в смятении	Задорная
	Любит пышные торжества и роскошь	Романтическая
	Благодарный	Обладает музыкальностью
	С чувством собственного достоинства	С широкой душой
	Не боится говорить правду в глаза	С большими целями и задачами на будущее, но как у всякого русского человека слабость к увеселительным мероприятиям, не очень любит трудиться
	Отстаивает свои позиции	
	Строгий	
	Прямолинейный	
	Уверенный в себе	
	Нерешительный	
	Обладает детскостью	
	Обаятельный	
	Привлекательный	
	Склонен к уединению	
	Скромный	
	Проницательный	
	Сообразительный	
	Думающий	
	Нетерпим к беспорядку	
	Порядочный	
	С кодексом чести	
	Стремится к совершенству	

лаконичными. Мужчины, описывая "типично русских" мужчин, подчеркивают волевые качества. Это вполне объяснимо, так как речь идет все-таки об идеале.

В другую группу качеств вошли оптимизм и чувство юмора. Возможно, именно эти черты помогают выдерживать суровые жизненные испытания, которых было достаточно на протяжении нашей истории.

Отмечаются также дескрипторы, характеризующие ум, сообразительность, способность к творчеству. Религиозность почти не упоминается.

По описаниям видно также, что женщины (если судить по представлениям о них) лучше справляются с трудностями.

В ответах проявилось также качество, указывающее на противоречивость русского характера, так называемая *широта*. В психологическом плане широта означает сочетание противоположных и взаимоисключающих свойств в одном лице. В качестве примеров приведем не только взятые из списка дескрипторы, но и описания конкретных поступков: *"На вид может показаться, что он отпугивает людей, но если присмотреться, то это сама доброта ; вспыльчива, но быстро успокаивающаяся"; "с большими целями и задачами на будущее, но как у всякого русского человека слабость к увеселительным мероприятиям, не очень любит трудиться", "эмоциональность до куража", "гулять так гулять", "разгульный", "в чем-то смелый"...*

Эта «неочищенность» качеств характера (добавление к «смелый» слов «в чем-то» меняет значение первого слова на противоположное) придает данному этапу исследования самостоятельное значение, не сводимое к результатам последующего факторного анализа анкет с отобранными признаками. Наполненные еще словесной глубиной, эти предварительные описания позволяют приблизиться к образу живого человека, хотя и типичного: *"добрая душа", "русская душа", "золотые руки", "великая любовь к русскому народу", "огромной щедрости и глубины — как небо... кто к ней придет, — накормлен, «напоен», хоть среди ночи", "может отдать последнее, если кому плохо", "мужественность, не женская сила, которая помогает ей не сломаться в самой трудной ситуации", "любовь даже к неприятным людям", "со скрытой добротой".*

Кроме друзей и знакомых (упомянутых в 15-ти рассказах), типично русскими были названы и описаны:

герой фильма «Калина красная», имя его связано с именем и образом писателя Шукшина (5)

Александр Невский (в 4-х рассказах)

Андрей Соколов из книги «Судьба человека» Шолохова (4),

Алексей Мересьев (2)

Петр I (2)

Наташа Ростова (2)

И по одному упоминанию:

герои фильмов «Любить по-русски», «Они сражались за Родину». «Петербургские тайны», «Простая история», «Место встречи изменить нельзя», «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит»;

герои художественных произведений: *Пьер Безухов, герой "Очарованного странника" Лескова, артисты, телеведущие (Евгений Леонов, Леонид Якубович),*

исторические деятели и герои: *Ермак, Иван Сусанин, князь Игорь, Потемкин, Пересвет, преподобный Сергей Радонежский, Илья Муромец, Михаил Ломоносов;*

современные политические лидеры: *Юрий Лужков, Борис Ельцин*⁹.

Противоречивость и «широта» русского характера сказалась также в том, что часть героев расположена между полюсами «резко отрицательного» и «сложного» героя со взаимоисключающими чертами:

"Положительный для меня образ включает суровость в оценке себя и своих поступков... Отрицательный - широта души, барство, самолюбие до самолюбования, показушничество, удовлетворенность любыми своими поступками..." (это о писателе Льве Толстом — ж., 21 год)

В качестве такого типичного героя — не то «положительного», не то «отрицательного» дважды упоминается Герасим из повести Тургенева «Му-Му»:

«добродушный, мягкосердечный, безотказный, одинокий, с радостью поможет тому, кто просит, угрюмый, терпеливый, безвольный, не может настоять на своем, действует по указке, работающий... (ж., 20л.).

Другое описание того же Герасима:

«это человек сильный, с характером, у него ярко выражено чувство собственного достоинства, он обладает колоссальной выдержкой и спокойствием, <...> несмотря на свою любовь к единственному близкому существу, он все-таки по приказу лишается его (ж., 22 г.)

Этот этап исследования проводился в 1998 году.

Оба описания сделаны, как видим, женщинами. Подчинение чужой воле и неспособность защитить слабое существо («единственное близкое существо»), не является ли этот выбор «дореволюционного» Герасима в качестве положительно-отрицательного героя следствием реального поведения реальных «типично русских» мужчин?

В самом, можем быть, резком виде это наше наблюдение иллюстрируется двумя описаниями Паратова из пьесы «Бесприданница» Островского:

«Чувство превосходства, ум, циничность, любитель погулять на широкую ногу, <...> нежелание упускать своего, хвастливость» (ж., 20 л.)

О нем же:

«Летая бабочкой по жизни, причинил другим боль и унижение» (ж., 20 л.)

Или о Емеле из сказки «По щучьему веленью»:

«Безинициативный, ленивый, ожидающий чуда, которое свалится само на голову, рубаха-парень, душа нараспашку, внешность: не интеллектуальный, неряшливый вид, поступок: целый день валялся на печи ...» (ж., 32 г.)

Контент-анализ рассказов о конкретном поступке, позволяющем описываемого человека назвать «типично русским», показал существенные отличия в ответах женщин и мужчин. У мужчин на первое место выступила тема *победы русских воинов в битвах прошлых лет либо защита интересов России*. У женщин (в описании ими мужчин) доминируют темы *проявления мужества, любви, защиты, милосердия, самопожертвования*; (в описании ими женщин) — темы *милосердия, оказания помощи, материнства, личного мужества и личностной состоятельности*.

Рассказы женщин о женщинах так глубоки, искренни и многогранны, что представляют собою картину «совокупного душевного богатства», которое мы еще имеем. Напомним, что вопросы были выстроены так, чтобы способствовать описанию людей с наиболее выраженными, с точки зрения опрашиваемого, чертами русского характера. Таким образом, мы заведомо начали собирать не усредненный, а именно *образцовый* тип.

Соответственно, при ответе чаще всего раскрывалось лучшее, «вершинное» и в описываемых людях, и в самом человеке, к которому мы обращались с вопросом. Описания женщинами «типично русских» женщин хотя и не многочисленны, но впечатляющи, яркие, конкретны и буквально дышат любовью и уважением.

Живет с сыном, снохой..., когда узнала, что у знакомых родилась внучка, предложила поселиться у нее (у них очень холодный дом);

«Приютила» в своем доме бесконечную вереницу детей родственников, приезжающих в наш город на учебу. Не только «кормила и поила», но и постоянно решала, оформляла, составляла контрольные, курсовые — имея высшее экономическое образование и бесконечное желание помочь;

Пришла на помощь в экстренной ситуации, пожертвовала собой ради меня...

Когда у нее в жизни был очень трудный период, она не обзавилась на жизнь, а перенесла все эти неприятности очень смело, помогла своим близким моральной поддержкой. Она очень сильная личность. Это и есть самое главное в характере русского человека...

Однажды, попав в сложную ситуацию (преследовали трое здоровых молодых мужчин), эта женщина в возрасте 48 лет убежала от них, забыв о больном сердце, в итоге они так и не смогли ее догнать...

Вырисовывается образ, похожий на тот, который описан поэтом Некрасовым «Есть женщины в русских селеньях...». Возможно, этот тип женщины, которая «*коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...*», точно подмеченный поэтом в прошлом веке, пока сохранен и обеспечивает сохранность народа в прямом смысле слова: дает жизнь и поддерживает эту жизнь, вопреки всем препятствиям и трудностям. Как следствие, выступает некоторая самодостаточность. Обратим внимание на окончания в словах:

Вся жизнь этой русской женщины — это поступок. Она создала уют в своем доме. Выростила двух дочерей. Дала им образование. Создала в доме атмосферу доброжелательности и понимания. На данный момент помогает дочерям растить и воспитывать внуков...

Неизвестно, осталась ли описываемая здесь женщина вдовой с двумя детьми, но очевидно, что в этом описании она одна справилась со всем тем, что в семье должно ложиться и на мужские плечи. Сравним также с описанием героини из фильма «Москва слезам не верит»:

Она сумела найти в себе силы воспитать своего ребенка, не отказываясь от него даже тогда, когда ее охватывало отчаяние...

Самым любимым литературным героем у женщин является Наташа Ростова как символ женственности и материнства

(«превалирование материнства *вопреки* всем мнениям...», «отношение ее к людям, <...>восхищение природой. Из юной девушки получается уже взрослая *женщина-мать*»)

Обратимся теперь к рассказам мужчин. Напомним также, что типично русским они называли только мужчину. Если в рассказах женщин о женщинах отмечалось описание конкретных черт и поступков конкретных лиц (чаще всего - знакомых), то рассказы мужчин о мужчинах несколько абстрактны, повествуют (за редким исключением) об исторических деятелях или литературных героях. Если в рассказах женщин «типично русские женщины» *справляются* с внутрисемейной ситуацией, как бы тяжела она не была, то в рассказах мужчин «типично русские мужчины» *справляются* с защитой Родины в самых экстремальных ситуациях: нападениях вражеских войск, угроза экономической самостоятельности и т.п.:

Александр Невский: *разгром* шведов, а потом немецких крестоносцев. Достаточно разумная политика с Ордой, (о нем же): *разгромил* немцев и шведов

(о нем же): *поднял* русский народ против немцев и в героической битве *освободил* Русь от немцев.

Ермак: завоевание Сибири, организация своего войска, передача Сибири Ивану Грозному

Петр 1: *поднял* Россию с «колен», *расширил* ее территорию, *создал* сильнейший в мире русский флот и армию, «прорубил окно в Европу», *сделал* из Руси *Империю*.

Ельцин: *сумел* ввести Россию в состав ведущих экономически развитых стран мира (большая восьмерка), *заставил* иностранные государства считаться с мнением России в мировой политике...

Среди описываемых личностных качеств в рассказах мужчин преобладают мужество и воля. Любимые герои: Маресьев (Мересьев) (*способность к высшему напряжению воли и личной победе в безвыходных обстоятельствах*) и Соколов из «Судьбы человека» Шолохова (*мужество и отцовство как личностная черта: «когда он говорит Ване, обманывая его, что он и есть его отец...», «усыновление ребенка после Великой Отечественной войны...»*)

Защита рода, отцовство — область ответственности мужчины. Само слово народ происходит от слова *род*. Актуализация примеров защиты народа от всякого рода нападений говорит и о том, что данная тема в данных исторических обстоятельствах для наших мужчин является психологически важной и трудной. «Державы», создаваемая в течение веков и Александром Невским, и Ермаком Тимофеевичем, и Петром I, ныне нет. Но как *идеал* в представлении мужчин сохраняется образ *воина-защитника-отца*. Воплотить этот идеал своими действиями и поступками в жизнь мужчинам в современной России становится все труднее. *Мужчины стремятся и хотят быть защитниками в масштабах жизни страны, но не имеют возможности реализовать свой идеал защитника и отца народа*. Оказалось, что тема, которой мы коснулись в нашем исследовании, связана с глубинными и болезненными вопросами самосознания личности: родовыми вопросами смысла, цели и задачами народа. Если женщина может чувствовать себя реализовавшейся, когда удалось, вопреки всем трудностям, «поставить на ноги» детей, то для мужчины этого недостаточно. Смысл его жизни в том, чтобы видеть, чувствовать и воплощать задачи рода, обеспечивать связь своего рода с общими, глобальными смыслами жизни всего народа, а через них (и *только* через них) — с общечеловеческими смыслами.

У мужчин есть экзистенциальная потребность видеть «смысл исторических событий». Воин-защитник, первооткрыватель новых земель, русский Соколов, выдержавший все ужасы концлагеря и сохранивший способность быть отцом чужого ребенка: образцы деятельного, хотя, возможно, и не реализуемого идеала. При невозможности понять или защитить исторические смыслы этот идеал может превращаться в то, что мы условно назвали «садкамней». *Пример — Кузьмич из фильма «Особенности национальной охоты»: памятен фрагмент, когда он сидит и медитирует в «саду камней», который был обустроен им лично на приусадебном участке* (описание дано женщиной).

Вопрос, который мы задавали, не был конкретным: «опишите типично русского мужчину» или «типично русскую женщину». Мы просили описать человека, а человек — это и мужчина, и женщина, единство «двух половинок» человеческого существа. И в этом изначальном, сущностном единстве мы убедились, анализируя рассказы женщин о «типично русском мужчине». Смеем утверждать, что самые лучшие человеческие черты сохраняются в этом образе, что женщинам пока удастся воссоздавать в своих представлениях идеал, и, соответственно, они пока имеют возможность воспитывать утверждаемые в этом идеале черты в будущих русских мужчинах (сыновьях). Эти черты: *мужество, способность защитить и заступиться, способность к подвигу, терпению, уважению, милосердию, любви.*

Князь Мышкин: в ситуации, где приехавшую в дом женщину оскорбили и попросили вон, он *вступился*, за что и получил пощечину, но от своих слов *не отказался*^

Шукшин (вернее, герой из его повести) в фильме «Калина красная»: при встрече с бывшим мужем главной героини сразу *заступился* за ее честь.

Знакомый: этот человек *заступился* за девушку, которая ехала в электричке...Он сделал так, что они попросили у нее прощения и ушли. Причем все обошлось *без драки*^

Мересьев: его *мужество*, когда он, преодолевая боль, полз через лес к своим.

Знакомый: возвращаясь с работы домой, *помог абсолютно незнакомому человеку* найти своих родственников в незнакомом городе, хотя это заняло много времени.

Шукшин: он *строил свою жизнь и творчество на любви, на вере и на свободе*. У него были врожденные способности и дар. И его судьба эти способности и таланты развила. Он научил *других людей* любить, жертвовать. Его *духовная любовь* была доступна всем людям, независимо от уровня их культурности. В своих фильмах он учил людей обнаруживать истинный источник прочности и красоты семейной жизни.

«Это мой отец»: этот человек, когда он работал на заводе, то отдавал всего себя заботе, *трудился не покладая рук*, даже не смотря на то, что ему не выплачивали зарплату (очень ответственно относился к работе) — он *терпел* и не терял надежды. Когда он потерял работу и остался безработным, он старался

найти любую работу по дому, даче и т.д. *Терпел и не жаловался*, хотя ему было очень плохо — оказаться ненужным.

Герой «Очарованного странника»: жизнь в неволе не *«сломила»* его. Завоевал уважение среди тех, кто его пленил. *Претерпел* множество мук, чтобы выжить и бежать *на Родину*.

Пересвет: этот человек *пошел на верную смерть во имя свободы и благополучия своей Родины*. Он выступил со стороны русской армии в решающем поединке с сильнейшим представителем татаро-монголов.

Знакомый: у этого человека и его друга была возможность устроиться на работу, но место было только одно. Он *ради друга уступил* тому это место.

Знакомый: практически во всех ситуациях, когда с ним сталкивалась, был *искренен и честен*. Чем не поступок?

Идеал кротости, любви, сострадания, беззаветного служения делу и людям, преданности Родине и личного мужества, способности защитить другого человека, но отсутствие агрессивности как черты характера — таким предстает «типично русский человек» — мужчина в примерах, приводимых женщинами.

Мы предполагали (а после этого исследования уверились), что трудная для большинства жителей нашей страны нынешняя ситуация опять, как и было из века в век, ложится на женские плечи, и *женщины пока еще справляются с нею*. Справляются не в смысле душевного и физического благополучия — этого давно уже нет, но именно *в духовном плане*, сохраняя в своих представлениях идеальный образ «типичного русского человека».

Требования к самой женщине на Руси во все времена были предельно высоки. Участвуя в практически непрерывных оборонительных войнах, страна из года в год теряла на полях сражений своих лучших мужчин. Женщина могла считаться «настоящей русской», если она в состоянии была сама «поднять», «поставить на ноги» детей, вырастить из сыновей воинов и защитников. Мы видели, как в рассказах женщин о женщинах еще сохранился этот идеал. Однако ныне, когда сотни и тысячи наших соотечественников гибнут «на полях сражений» с недугом пьянства и социальной неустroенности, женщинам все труднее становится сохранять и поддерживать в душе идеальный образ. Горечь и ирония части приведенных выше рассказов о «типично русском» Емеле — след таких разочарований.

Каким же *должен быть* русский человек? Какие идеалы, ценности, устои *определяли* его устремления во времена «*до интернационала*»?

Сохранилась запись слов, произнесенные в конце жизненного пути священником и монахом Сампсоном (Сиверсом): «Если бы меня спросили, что если бы я умер и опять ожил — кем бы я хотел быть, — я опять бы сказал: "Неприменно монахом, непременно Русским православным священником и непременно схимником!"». Человек этот был наполовину англичанином. В юности своей он сознательно и решительно выбрал православие (впоследствии стал монахом, известным старцем). Когда при чрезвычайных обстоятельствах этот выбор обнаружила его мать-англичанка, она только с сокрушением воскликнула: «Так ты русский!»

Среди *русских* святых есть не только люди, принадлежащие по рождению к русскому этносу. Так же как в основу русской культуры положены усилия и труды многих народов, так же и история русской святости отразила подвиги (подвиг — это единственный путь к святости) русских, немцев, англичан... Это можно увидеть на примере русской женской святости. В жизнеописаниях через непривычные теперь слова и обороты речи проявляются те же черты душевной стойкости, верности и доброты, которые наши современницы заметили в описанных ими «типично русских женщинах». Только черты эти в жизни святых доведены до предельной своей выразительности.

Первой русской святой стала княгиня Ольга, названная равноапостольной, поскольку с нее началось просвещение Руси. Жила она в X веке. Стала женой киевского князя Игоря, а после его гибели сама правила киевским княжеством, сохраняя его до совершеннолетия сына Святослава. Житие так повествует о трудах Ольги:

«И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в руках власть и обороняясь от врагов. И была она для последних страшна, своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, полагающий наказание с милосердием. <...> Во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость»¹⁰.

Трофимов А. Святые жены Руси. М., 1994, с. 13.

Святая преподобная княгиня Анна Новгородская была шведкой и до крещения ее звали Ингигердой (в крещении Ириной). Жила она в конце X начале XI веков. Ее отцом был король Швеции Олоф Шетконунг.

«Она была истинной дочерью Скандинавии эпохи викингов и потому с ранних лет пользовалась большой свободой, участвовала в общественной жизни своей Родины, путешествовала, принимала гостей, хорошо владела оружием. Исторические источники особо отмечают ее ум, смелость, большое влияние на окружающих»¹¹.

В 1017 г. Ингигерда вышла замуж за великого князя Киевского Ярослава Мудрого. В приданое она принесла Русской земле город Альдейгаборг (Старая Ладога). Ирина-Ингигерда родила семерых сыновей и трех дочерей. Все три дочери стали королевами: Анна — королевой Франции, Мария — Венгрии, Елизавета — Норвегии. Имя Ирина означает «мир». Княгиня Ирина бесстрашно служила миру.

«Однажды, когда возмутилась наемная норвежская стража и просила великую Княгиню быть посредницей между ними и Ярославом, она согласилась, но предупредила, что будет защищать интересы мужа. Когда против великого князя выступил с ратью его брат Мстислав Тмутараканский, Ирина предложила решить спор военным поединком с ней, но Мстислав ответил, что с женщинами он бороться не привык — и уступил брату. <...> Она приютила в Киеве изгнанных сыновей английского короля Эдмунда, Эдвина и Эдуарда, а также принца Магнуса Норвежского»¹².

После смерти мужа княгиня Ирина приняла в Новгороде монашеский постриг с именем Анна. Это был первый постриг в великокняжеском доме; с него началась традиция пострижения русских князей и княгинь после исполнения ими долга правителей народа. Скончалась она в 1051г. и погребена в Новгороде. В Швеции ее называют святой царицей Ириной.

Евфросиния Полоцкая жила в XII веке. До пострига ее звали Предслава. Она была дочерью полоцкого князя Георгия и правнучкой святого равноапостольного князя Владимира.

¹¹ Там же, с. 24

¹² Там же.

Предслава тайно ушла из дома в женский монастырь и в 12 лет приняла монашеский постриг. После нескольких лет, проведенных в затворе, она основала монастырь.

«В трудный век раздробленности Руси преподобная Евфросиния непрестанно молилась о единстве Русской земли, о победе над «тьмой разделения». Благодатным словом наставления, которое было ей «даром Бога», как повествует жизнеописатель, она примиряла многих князей, бояр и простых людей. Она «всех хотяше имети яко единую душу»¹³.

Скончалась преподобная Евфросиния в 1173 году во время паломничества на Святую землю и первоначально — до завоевания Святой Земли султаном Саладином (1187 г.), была погребена в Иерусалиме. Ее имя в переводе с греческого означает «радость».

Святая Евфросиния Суздальская (1212- 1250 гг.) - старшая дочь св. мученика Михаила, князя Черниговского. До пострига ее звали Феодулия. Житие отмечает образованность Феодулии, ее глубокое знание античной литературы:

«Она познала все книги Вергилийски и витийски. Сведуша была в книгах Аскилоповых и Галеновых, Аристотелевых и Омировых и Платоновых...»¹⁴.

После внезапной смерти жениха постриглась в монахини в Суздале. Лечила людей, произносила поучения в храме. В 1238 году войска Батыя опустошили Суздаль, но монастырь не тронули. Предание говорит о том, что Батый пытался с холма разглядеть монастырь, но не смог. В 1246 году отец Евфросинии принял мученическую смерть в Орде. Преподобная Евфросиния канонизирована в 1698 году.

Святая преподобная Харитина Литовская происходила из княжеского литовского рода, приняла постриг в Новгородском женском монастыре и стала там игуменьей. Скончалась в 1281 г. Имя Харитина означает «творящая милосердие».

Преподобная княгиня Анна Кашинская — дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, родилась в Кашире в 1279 году. Супруга князя Тверского Михаила. У них было четыре сына и одна дочь (умерла в младенчестве). В 1313 г. хан Узбек, а затем и вся

Трофимов А. Святые жены Руси, с. 37.
Там же, с. 62.

Орда приняли ислам — эпоха веротерпимости к русским закончилась. Супруга благословила Михаила Тверского, когда он отправлялся в Орду на верную смерть. Казнены в Орде были также сыновья и внук Анны. В княжение младшего сына Константина Анна приняла монашеский постриг в Твери с именем Евфросиния. Около 1364 г. единственный оставшийся в живых сын княгини — Василий — упросил мать переселиться в Кашин — его удельное княжество, родину святой Анны. В Кашине для нее был построен Успенский монастырь, в котором она приняла схиму с прежним своим именем Анна. Умерла в 1368 г.

Через все судьбы святых жен Руси проходят войны, пожары, вражда окружающего мира и нестроения. Женщины не только сами выдерживают эти испытания, но становятся способными помогать многим и многим людям. Они воспитывают сыновей, изменивших судьбу России.

Среди святых земли Русской — преподобная Мария, мать преподобного Сергия Радонежского (XIV век)¹⁵.

Святая благоверная княгиня мученица Иулиания Вяземская и Новоторская жила в конце XIV— начале XV веков. Она была женой вяземского князя Симеона Мстиславовича. После завоевания Смоленска Литвой супруги были в изгнании. Князь Смоленский Юрий пытался склонить княгиню к измене мужу, но получил отпор. Тогда Юрий во время пира убил мужа Иулиании и пытался силой ею овладеть. Но Иулиания, защищаясь, ударила насильника ножом. Разъяренный Юрий погнался за ней с мечом, отрубил ей руки и ноги, а тело велел бросить в реку Тверцу. Позднее он раскаялся в убийстве. Автор книги «Святые жены Руси» замечает: «Недаром одной из главных черт древнерусской женской праведности было хранение целомудрия христианского брака, как великого таинства Церкви. Не девственница, а целомудренная жена воспета православной Русью».

Верной женой своему мужу князю Димитрию, за победу на Куликовом поле названном Донским, была княгиня Евдокия. У них родились пять сыновей и три дочери (двух детей крестил преподобный Сергий Радонежский). Князь Дмитрий Донской скончался в 1389 году. Когда сыновья повзрослели, княгиня в 1407г. приняла постриг с именем Евфросиния, и вскоре (через

⁵ Без содрогания невозможно подумать о судьбе другой Марии — Ульяновой, воспитавшей трех цареубийц...

полтора месяца) она скончалась. В 1913 г. Анна Ахматова, посетив ее усыпальницу, написала:

Плотно сомкнуты губы сухие,
 Жарко пламя трех тысяч свечей.
 Так лежала княжна Евдокия
 На душистой сапфирной парче.
 И согнувшись, бесслезно молилась
 Ей о слепеньком мальчике мать,
 И кликуша без голоса билась,
 Воздух силясь губами поймать.
 А пришедший из южного края
 Черноглазый, горбатый старик.
 Словно к двери небесного Рая,
 К потемневшей ступеньке преник.

Святая праведная дева Иулиания, княжна Ольшанская жила в XVI веке. Она была дочерью литовского князя Юрия Дубровицкого-Олыпанского и скончалась в возрасте 15 лет.

Другая святая Иулиания (Юлия) — Лазаревская Муромская — жила в конце XVI — начале XVII века. Она рано стала сиротой. Вышла замуж за владельца села Лазаревское Юрия Осорьина. Вела хозяйство. «Она окружила старость родителей мужа неусыпной заботой и лаской. Дом вела образцово, вставала с зарей, ложилась спать последней»¹⁶. Иулиания Осорьина заботилась о вдовах и сиротах. Она родила девять сыновей и трех дочерей. Дочери и четверо сыновей умерли в младенчестве, два сына погибли на царской службе. А один из сыновей составил ее жизнеописание. После смерти мужа Иулиания Осорьина раздала все имущество бедным, а в старости страдала от голода, разразившегося в царствование Бориса Годунова. Она научила своих слуг собирать лебеду и древесную кору, из которых пекла хлеб и кормила других.

Святая праведная София, княгиня Слуцкая жила в конце XVI — начале XVII веков. Она происходила из древнего княжеского рода, но в год осталась полной сиротой. В 14 лет София согласилась выйти замуж за князя Януша Радзивилла, но настояла на том, чтобы ей разрешили не переходить в католичество и воспитывать будущих детей в православии. Она помогала

многим при наступлении Унии. Умерла в возрасте 26 лет при рождении дочери. Младенец также умер.

Святая блаженная Ксения Петербургская родилась в начале XVIII века. Была замужем за Андреем Федоровичем Петровым — певчим придворного хора. В 26 лет Ксения овдовела. Она надела костюм своего мужа и велела всем звать себя Андреем Федоровичем, сказав, что это Ксения умерла, а он жив. Всеми Петербургу стала известна эта женщина, сама ходившая в лохмотьях, но помогавшая многим.

В одном из первых «перестроечных» фильмов «Храм» есть такая картина. Вокруг часовенки, воздвигнутой над могилой Ксении блаженной Петербургской на Смоленском кладбище, возвышается плотный деревянный забор. Люди уже не могут подойти к самой часовне, но они подходят и подходят к забору, прижимаются к нему и шепчут слова, обращенные Ксении, прикрепляют записочки с просьбой о помощи... Тут же находятся записки со словами благодарности святой за помощь. Прошло уже столько веков, а блаженную Ксению помнят. И в наше время не меньше, а, возможно, даже больше, чем при жизни блаженной Ксении.

Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета происходила из семьи великого герцога Гессен-Дармштадского Людовика IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. Елизавета в девятнадцать лет стала невестой великого князя Сергея Александровича, пятого сына императора Александра II, брата императора Александра III. Вместе с ней на церемонию бракосочетания приехала вся семья и 12-летняя сестра принцессы Алиса, которая встретила здесь своего будущего супруга цесаревича Николая Александровича. В 1884 г. великий князь Константин Константинович посвятил княгине Елизавете стихотворение:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
 Ты так невыразимо хороша!
 О, верно под такой наружностью прекрасной
 Такая же прекрасная душа!
 Какой-то кротости и грусти сокровенной
 В твоих очах таится глубина;
 Как ангел ты тиха, чиста и совершенна;
 Как женщина стыдлива и нежна.
 Пусть на земле ничто средь зол и скорби mnogой

¹⁶ Трофимов А..., с. 121.

Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

В 1891 г. великий князь Сергей Александрович был назначен Московским генерал-губернатором. В феврале 1905 г. он был убит бомбой, брошенной террористом. В тюрьме террорист Иван Каляев сказал посетившей его вдове великого князя: «Я не хотел убивать Вас, я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но Вы были с ним, и я не решился его тронуть». Великая княгиня Елизавета ответила: «И Вы не сообразили того, что Вы убили меня вместе с ним?». Она покинула светскую жизнь и основала Марфо-Мариинский монастырь. До революции это было известное всем жителям Москвы место, где были самые лучшие сиделки, способные самоотверженно и безвозмездно ухаживать за тяжелыми больными. При монастыре был приют для девочек. Устав и белые облачения монахинь отличались от других российских монастырей. В апреле 1918 г. игуменью арестовали и отправили в Пермь. Последние месяцы великая княгиня Елизавета провела в заключении в школе на окраине г. Алапаевска. 18 июля ее вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. С нею вместе весь путь до конца прошла монахиня Варвара Яковлева. Когда чекисты пытались уговорить ее оставить узников, инокиня Варвара ответила, что готова дать подписку даже своей кровью, что желает разделить судьбу великой княгини.

Ныне они покоятся рядом в Иерусалиме. Канонизированы в России в 1992 году.

«Русский» — это православный. В качестве свидетельства приведем слова Н. Лосского из книги «Характер русского народа»:

«Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим»¹⁷.

Ясно, что речь идет о безвозвратно далеком теперь прошлом. Но многое, как видно и из нашего предварительного исследования, оказалось *пока сохранным* в виде образов конкретных

людей, которые служат для тех, кто их знает, *идеалом*, воплощающим типичные черты, присущие испокон века нашему народу.

Тема эта, ввиду своей важности и слабой изученности в отечественной психологии, требует привлечения к себе внимания, проведения массива работ, разработки конкретных методик. Мы полагаем, что материалы, собранные здесь, могут стать основой для одного из исследований такого рода.

Мы также считаем, что данную тему невозможно осветить без обращения к источникам другого рода — к книгам, где повествуется о людях, осуществивших своей жизнью самый высокий идеал.

Некоторого пояснения требует та причина, по которой мы привели примеры только женской святости. Здесь мы пошли более простым для нас путем: эти примеры оказались собраны в одной книге, относящейся к «агиографическим» (истории святости) источникам. Книга А. Трофимова также содержит глубокий символический анализ значения тех или иных событий и фактов.

Наиболее важным является то, что жизнь святых жен Руси неотделима от жизни и судьбы их отцов, мужей, братьев, сыновей. Приведенные выше примеры это иллюстрируют. Преподобная княгиня Евфросиния Московская была супругой святого князя Дмитрия Донского, преподобная Евфросиния Суздальская — дочерью святого князя мученика Михаила Черниговского, преподобная Мария родила и воспитала вместе с супругом — преподобным Кириллом преподобного Сергия Радонежского, вдохновившего русских людей на освобождение от монголо-татарского ига.

Святость — это высшая драгоценность, которую народ также собирает в своей коллективной памяти, как и все самое ценное. Это высшее достижение народа, только представлено оно конкретными образами живших когда-то людей. Описанные в «житиях», их судьбы и подвиги столетиями являлись теми высокими образцами, которым поколения русских людей стремились подражать, чтобы быть кроткими и мужественными, терпеливыми и огненно возвышенными, смиренными и негибаемыми.

Образец нерасторжимого единства супругов дан в повествовании о святых Петре и Февронии Муромских — единства, превышающего земные рамки и не зависящего от социальных границ. Жизнеописание («житие») святых супругов Петра и Февронии Муромских было любимо в народе. Подобно всей житийной литературе оно сохраняло и из поколения в поколение передавало идеал святого сурожества, воплотившийся на русской земле.

¹⁷ Лосский Н... кн. 1, с. 5.

«Повесть о Петре и Февронии»

Князь Петр был вторым сыном муромского князя Юрия Владимировича (конец XI — начало XII вв.). По преданию, сохранившемуся в «Повести о Петре и Февронии»¹⁸, князь Петр победил змея, напавшего на семью его старшего брата, но после заболел: покрылся струпьями. Ни один врач не мог вылечить его. Тогда услышали о вешей деве Февронии — дочери пчеловода из деревни Ласковой в Рязанской земле. С надеждой, что мудрая дева найдет лекарство от болезни, отправил князь к ней своего слугу. Когда слуга вошел в горницу, то увидел удивительное зрелище: за ткацким станком сидела девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц. Отвечая на вопросы слуги, дочь пчеловода обнаружила большую мудрость. Она обещала вылечить князя, но сказала: «Если я не стану супругой его, то и не подобает мне лечить его».

Дмитрий Сергеевич Лихачев, посвятивший анализу «Повести о Петре и Февронии» одну из глав своей книги «Поэтика древнерусской литературы», подчеркивал, что здесь не идет речь о страстном чувстве. Дева Феврония не видела князя, но она «ведала», что именно он — ее суженый, т.е. предназначенный ей судьбою, и только в супружеском союзе каждый из них исполнит свое предназначение. Знание о том, кто является ее «половиной», ее «судьбой», открыто чистой деве. Д. С. Лихачев замечает, что по представлениям людей в древней Руси страстное чувство до замужества искажает женскую интуицию, и тогда может случиться непоправимое — суженый не будет «узнан».

Деве Февронии пришлось проявить мудрую настойчивость. Князь Петр пообещал жениться, однако, выздоровев, не захотел исполнить свое обещание, потому что Феврония была простого звания. Но, видно, и такой исход провидела вещая дева. От одного струпа на коже, который она не велела мазать целебной мазью, князь Петр вновь покрылся проказой. Делать нечего, пришлось ему исполнять обещание. Исцеленный князь взял в жены Февронию, а знать муромская тому воспротивилась, потребовала, чтобы выгнал он свою жену-простолюдинку. Однако князь сказал: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6).

Здесь начинается время испытаний для супруга. Хоть и противился он сначала браку, но, взяв на себя ответственность за

жену, князь Петр ни разу не изменил слову, данному при венчании. «Бог сочел» — значит теперь это не два отдельных существа, а единый супружеский союз, двое — как один человек. Людям не дано право их разлучать. Вместе с княгиней Февронией князь Петр покинул Муромские земли. Когда они плыли на корабле (большой лодке) по Оке, княгиня Феврония проявила свою женскую мудрость. Заметила она, что ее красивым лицом любит попутчик, который оказался с ними в лодке. Тогда она обратилась к этому мужчине и попросила его испить воды с левой стороны кормы и с правой, а потом спросила: «Одинаковая вода или одна слаще другой?» Услышав в ответ, что вода одинаковая, княгиня Феврония произнесла: «Так и естество женское одинаково. Почему ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» Подивился тот человек ее мудрости.

Много удивительного и чудесного совершила княгиня. По ее молитве проросло и дало листья обрубленное на стоянке деревце. Так истинному супружеству дана способность восстанавливать, преобразовывать порушенный мир.

А в древнем Муроме после того, как его покинули законные князь с княгиней, начались раздоры и беды. Пришлось опять знать их на княжение. Долго прожили князь Петр и княгиня Феврония в любви и согласии. Расцвела при них земля Муромская. Но потом, как было заведено в Древней Руси (особенно в княжеских семьях), приняли супруги монашеский постриг. Он — в мужском монастыре (и получил новое имя — Давид), она — в женском монастыре (с именем Евфросиния). Почувствовал Петр-Давид, что приходит время покинуть пределы земной жизни, посылает гонца в женский монастырь сказать Февронии-Евфросинии, что он собрался умирать. А княгиня воздуха вышивает, просит его подождать. Он вновь посылает гонца с просьбой поторопиться. А уж третий раз он попросил передать, что не может он больше ждать и совсем умирает. На это известие княгиня ни слова не сказала, а лишь воткнула иголку в холст, обвела вокруг нитку — и тотчас они одновременно, каждый в своем монастыре предали душу Богу.

Д. С. Лихачев особенно останавливается на выразительности этого безмолвного жеста — воткнуть иголку и обвести вокруг нитку. Здесь и конец земной работы, конец судьбы (нить-судьба), и тихое согласие.

Поскольку супруги стали монахами, то их попытались сначала похоронить отдельно — каждого в своем монастыре, но на следующий день нашли их в одном гробу (который они приготовили для себя еще при жизни). Это повторялось дважды, и люди поняли, что и по смерти супруги неразлучны. Их похоронили вместе.

Сколько веков прошло с той поры, а по представлениям русских людей, до настоящего времени помогают Петр и Феврония Муромские сохранять супружеские союзы. Любовь не умирает. «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13. 8).

«Метель»

В середине 80-х годов (теперь уже прошлого века) мы провели небольшое экспериментальное исследование, также связанное с отечественной литературой. Речь идет о пушкинской «Метели». Небольшим исследованием было по количеству участников. Это были молодые люди, которые *впервые* собирались вступить в брак. Они приносили свои заявления в один из московских загсов, а мы вступали с ними в беседу и просили выполнить несколько заданий, одно из которых и было специально переделанным нами сюжетом из «Метели». Конечно, мы не посягали на пушкинский текст, а лишь изменили порядок предъявления двух фрагментов повести. Сначала шло описание ситуации, когда «молодой блестящий офицер» Бурмин, прежде «нечаянно» обвенчанный с незнакомой ему девушкой, теперь влюбился в героиню. Спрашивалось, как ему поступить. И лишь после ответа предъявлялся другой фрагмент, из которого следовало, что героиня и была той, с кем Бурмин был обвенчан в давнюю, довоенную (до военной компании 1812 года) метель.

К нашему удивлению, ни один из испытуемых с сюжетом «Метели» знаком не был, то есть никому не было известно, что все окончится так необыкновенно хорошо. Поэтому все они свободно выдвигали различные предположения о том, как же герою поступить, если он встретился с «настоящей любовью». Кроме двух исключений все остальные молодые люди, собирающиеся создать семью, исходили из уверенности в «рушимости» брака. Дальнейший расспрос (проведенный как «клиническое интервью», т.е. когда каждый последующий вопрос строился

в зависимости от ответа на предыдущий) ПОЗВОЛИЛ выявить целый список веских причин, по которым *позвоительно* расторгнуть брак. Лидировала «несовместимость», которую никто из будущих супругов толком объяснить не сумел.

Можно сделать следующие выводы. Супружество в представлениях молодых людей не имело статуса незыблемости. И второе — «Метель» современникам уже трудно прочитать и понять так, как это было возможно для пушкинской эпохи.

А сама идея обратиться к этому произведению возникла у нас при следующих обстоятельствах. По радио передавали спектакль по повести Пушкина «Метель», где звучала потрясающая музыка Свиридова. Одна пожилая женщина (родившаяся за десять лет до революции), слушая спектакль, пришла в искренний ужас, когда поняла трагизм ситуации героев. Хотя за плечами этой женщины была трудная и непростая в семейном отношении жизнь, она еще из детства вынесла знание о нерушимости венчания, пока супруги живы. Она отчетливо представила себе, что каждый из героев, если бы они так счастливо не встретились вновь, был обречен оставаться одиноким до конца жизни!

Таким образом, мы вступаем в область *представлений* о тех или иных жизненных фактах, определяющих характер и направленность мысли в проблемных ситуациях. Возникла проблемная ситуация в семейной жизни, и мысли о нерушимости супружества уже не будет поставлен мгновенный заслон. Тогда как для другой эпохи сама мысль о разводе сразу представлялась невозможной.

Одна из недавних аудиозаписей «Метели» (где текст читает Баталов, а оркестром дирижирует Федосеев) особенно пронизана чувством и знанием онтологической силы венчания. Рассказчик читает: «Метель не утихала, небо не прояснилось. Лошадь начинала уставать...». Звучит музыкальная тема метели, преградившей путь Владимиру к деревенской церкви, где ждала его Марья Гавриловна для тайного венчания. «Все сугробы и овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их поднимал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться».

И в тот момент, когда рассказчик читает о том, как Владимир въехал в рощу, тема метели сменяется темой венчания (которое и происходила в это время, только с другим «суженым»). Музыка Свиридова здесь — краткое и мощное «да», в котором участвует вся вселенная. Это нерушимое «да» супружескому союзу, осуществляемому в вечности.

Именно русскому гению дано было почувствовать и передать онтологическую нерасторжимость супружества. За этим стоит почти трагически серьезное отношение к произнесенному слову.

Маша в повести Пушкина «Дубровский» не смогла во время венчания ответить «нет, не согласна», а потому она уже с достоинством супруги требует от людей Дубровского отпустить своего мужа. Татьяна Ларина и мысли не допускает о том, чтобы предать своего мужа. А Марья Гавриловна дождалась своего настоящего счастья именно потому, что верила в святость и нерушимость брака, даже заключенного с другим человеком из-за вмешательства русской метели. Понятие «суженый» и «суженая», то есть предназначенные судьбой друг другу, отразилось в русском языке.

Состояние семьи — будущего народа, самым непосредственным образом зависит от представлений о супружестве ее граждан. Для нравственного идеала русских людей, если судить по лучшим произведениям великой русской литературы, святость брака является архетипичной. Хотя в реальной жизни этот идеал воплощался не всегда, его невоплощенность всегда была причиной больших душевных страданий. Есть даже сравнение одного из литературоведов: то, что для флорберовской мадам Бовари является всего лишь источником обид на других людей, для Анны Карениной становится несовместимым с жизнью.

Идеал, по которому несколько сот лет строилась жизнь народа, обладает силой, которую могут ощутить на себе потомки. Работая над темой об идеале, мы пришли к выводу, что современная социальная жизнь представляет собою определенную «битву» разных мифов. Можно даже увидеть, как образы, совершенно чуждые менталитету народа, постепенно начинают проникать в сферу представлений.

Но можно видеть и те здоровые силы, которые пока сохраняются в народе. Заметить их нам помогло, в том числе, и исследование того, что же является для наших сограждан (и не только русских) «настоящим праздником». О результатах этого исследования пойдет речь в одной из следующих глав.

Глава VIII ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИНЕ И О МИРЕ

Рассказывая о мире русской деревни, М. М. Громько одну из глав назвала «Патриоты» и отметила:

«Исторические представления и знания крестьян буквально пронизаны патриотизмом. С позиций интересов Отечества оцениваются события, деятели, отдельные поступки»¹.

По представлениям крестьян, хорошими были те правители, которые действовали на пользу Отечеству. Из крестьян набирались рекруты для воинской службы. Храбрость русского воина была известна далеко за пределами России. И крестьяне к солдату из своей деревни относились с уважением. Проводы в солдаты были праздником.

«Идеал смелого, сильного, верного Отечеству воина, надежного товарища в трудную годину проходит через весь фольклор — от былин до поздних солдатских песен»².

Во время Крымской войны доктор Гюббенет в своих записках так описал впечатление от посещения перевязочного пункта:

«С трепетным чувством печали и глубочайшего уважения я проник в это собрание страдальцев. Смотря на бледных, порохом опаленных храбрецов, с разбитыми и окровавленными членами, но с выражением спокойствия, покорности, даже некоторого довольства на лице, я невольно думал: с такой армией можно завоевать мир»³.

Громько М. М. Мир русской деревни..., с. 229.

² Там же, с. 230.

Лукашевич К. В. Оборона Севастополя и его славные защитники М: Современник, 1993, с. 149.

Крымская война, как известно, была проиграна. Но оборона Севастополя долгое время питала историческую память современников о беспримерном мужестве русских солдат. Л. Н. Толстой, который был в Севастополе и создал на основе своих впечатлений «Севастопольские рассказы» (одно из ранних его произведений), возможно, там увидел, запомнил, а затем перенес уже на страницы «Войны и мира» это удивительное мужество простого народа, серьезно и торжественно готовящегося к возможной смерти в бою. В воспоминаниях об обороне Севастополя во время Крымской компании отмечается, что наши солдаты не подкреплялись алкоголем перед сражением (в отличие от солдат западных противников).

По представлениям русских людей, земная Родина — это и образ Родины Небесной. Поэтому защита Отчизны испокон века и называлась «священным долгом». Понимание защиты Родины как священного долга сохранялось и в советские годы.

А ныне, увы, по-современному звучат слова Ильина:

«В судорогах бесплотного и разъедающего сомнения современный человек, пытаясь отвергнуть веру, свободу, совесть и семью, не останавливается и перед драгоценным началом *родины*»⁴.

Нам представляется, что именно Ильину удалось осмыслить, осознать основы того чувства любви к родине, которое отличало простой русский народ и которое было настолько глубоко, искренне и сильно, что делало из русского солдата бесстрашного воина, спокойно (и даже буднично) жизнь свою готового положить в бою. Ильин говорил о *духовных* основах настоящего патриотизма.

«То, на что направлена моя любовь к отечеству есть *духовная жизнь моего народа*, ее творческие создания и необходимые условия (материальные, культурные и политические). Не просто сам народ, но народ, ведущий духовную жизнь; и не просто сама жизнь народа, но жизнь подлинно духовная и духовно высокая; и не просто все условия жизни, — и земля, и климат, и хозяйство, и организация, и власть, и законы, — но все это, как данное для духа и созданное духом и ради духа. Именно духовная жизнь есть то, за *что* и *ради чего* можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него»⁵.

Обращение к работам Ильина позволяет построить духовно ориентированную социальную психологию (и этнопсихологию как один из ее разделов). Дух невидим (по определению), но он *проявляется*. В принципе, любое научное знание основывается на исследовании *проявлений* тех или иных закономерностей. Однако методологические основания анализа конкретных явлений состоят в выстраивании иерархии. Для психологии это иерархия отношений дух-душа-тело. В персонологических направлениях уже более двух десятков лет одним из ведущих является духовно ориентированный подход к исследованию личности и вопросов психотерапии. Для отечественной психологии этот подход связан с именем Т. А. Флоренской. Опираясь на работы П. А. Флоренского, публикации известного физиолога А. А. Ухтомского о доминанте и филологические исследования М. М. Бахтина о диалоге, она построила уникальное для отечественной (да и для мировой) психологии направление, названное ею «духовно-ориентированным диалогом», суть которого — в обращенности (в данном случае — психотерапевта) к «духовному Я» собеседника. Это «духовное Я» может быть проявленным или «почти не видимым», но исходной теоретической установкой психолога, работающего в русле данного подхода, является уверенное знание о наличии этого «духовного Я» в каждом человеке.

А. А. Мелик-Пашаев провел свой теоретический анализ понятия «духовного Я» и вывел целый класс синонимичных ему понятий (творческое Я, истинное, свободное, вечное Я). Он пишет:

«Проявляясь с большей или меньшей полнотой в течение человеческой жизни, личность укоренена в *над-* или *вневременном* плане действительности»⁶.

Во «вневременном плане действительности» укоренена и жизнь народа как целого. Или должна быть укоренена, чтобы народ существовал.

Хотя в дореволюционной отечественной психологии понятие «духовное Я» существовало и нередко использовалось (Флоренская вернула его в современную психологию), Ильину не приходится

Мелик-Пашаев А. А. Художественное творчество и «художество из художеств» // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002, с. 204.

⁴ Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: «Республика», 1993, с. 215.

⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993, с. 96.

искать сложные термины для обоснования своего ясного и в этом смысле простого взгляда на то, что определяет саму сущность социально-психологических процессов. Понятия «дух», «духовное» были разработаны в русской научной мысли конца XIX — начала XX веков. Будучи изгнан из России в 1922 году, Ильин унес с собою, сохранил и преумножил богатое наследие «серебряного века», напитав строгую мысль искренней и пламенной любовью к оставленной родине. И нам, потомкам, выросшим в условиях большого дефицита позитивных знаний, но щедро в свое время напитанным знанием негативным (например, кто и в чем не прав, кого нельзя цитировать, а кого цитировать ты обязан...), он оставил четко изложенные критерии различения самого важного и существенного в жизни народа. Ильин писал:

«Соединяя свою судьбу с судьбою своего народа, — в его достижениях и в его падении, в опасности и в благоденствии, — истинный патриот отождествляет себя не с множеством эмпирических индивидуумов; он не сливается с жизнью темной массы, принимая ее за *народ*, и не приносит себя в жертву корыстным интересам бедной или богатой черни; он отнюдь не преклоняется перед «множеством», как перед чем-то высшим и сильнеешим, якобы одаренным мудрою и безошибочною волей. Нет, он сливает *свой дух с духом своего народа*, а эмпирическая индивидуальность естественно и незаметно следует за этим отождествлением. Подобно тому, как тело человека живет только до тех пор, пока оно одушевлено, так и душа истинного патриота может жить только до тех пор, пока она *творчески одухотворяется* в единении с духом своего народа. Ибо между ним и его народом не только устанавливается духовное единение, но обнаруживается *прямое единство в духе*. И это единство передается словом "мы"»⁷.

Духовно ориентированный подход к этнопсихологическим явлениям позволяет приблизиться к пониманию способности каждого народа воспринимать себя как единое целое, потому что корень единства, по словам Ильина, именно в духе. При таком понимании глубинных основ этнопсихологических процессов более скромная роль отводится статистическим законам «большинства». Напомним, что российская революция изначально готовилась меньшинством, и задумана она была *одним* человеком, правда, не без богатой предыстории борьбы идей в порефор-

менном российском обществе. В воспоминаниях и биографических материалах, хотя и идеологически выправленных, можно встретить упоминание о некотором «идейном озарении», посетившем молодого Владимира Ульянова в Шушенском. Тогда была задумана партия, которая за небольшое по историческим масштабам время стала способной разыграть карту «большинства».

И от одного человека может многое зависеть в истории народа, к которому он принадлежит (по рождению или по обстоятельствам жизни). Только влияние это будет создающим или разрушающим в прямой зависимости от духа, который воплощает своими делами конкретный человек. Вместо привычной теперь размытости и неопределенности в употреблении слова «духовность» (понимаемого как «культурность»), Ильин дает четкие его критерии. Речь идет о многовековой для России, да и для всей христианской цивилизации традиции «различения духа», основанной на глубоком святоотеческом опыте. Различение это содержится в молитве Ефрема Сирина, читаемой Великим Постом. В ней есть две просьбы — обращения к Творцу: «не дай мне» — «дух праздности, уныния, любоначала и празднословия»; и «дай мне» — «дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви». В изложении Пушкина молитва Ефрема Сирина звучит так:

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
 Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой:
 Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
 Любоначала, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей.
 Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья.
 Да брат мой от меня не примет осужденья,
 И дух смирения, терпения, любви
 И целомудрия мне в сердце оживи.⁸

⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания..., с. 96 — 97.

Пушкин А. С. ПСС в 10 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 370.

Это просьба о защите от духа ненависти и о даровании духа любви.

По отношению к Родине эта любовь должна быть не «слепой», а «зрячей». Ильин пишет: «Любовь к родине должна быть осмысленной, как *творческий акт духовного самоопределения*, ибо только в этом виде своем она достигает истинной высоты и зрелости, сообщая последнюю санкцию и «нужде», и «долгу», и «чести», и «признательности». И далее, говоря о духовных причинах нездоровых форм патриотизма, он замечает:

«Любовь к родине живет в душах в виде неразумной, предметно неопределенной склонности, которая то совсем замирает <...>, то вспыхивает слепую и противоразумною страстью, не помнящую духовного родства, блуждающею в темноте, заглушающею и зовы доброй воли, и голос правосознания. Этот слепой аффект разделяет участь всех аффектов, над уяснением и очищением которых человек не работает: он незаметно вырождается и унижает человека. Он вырождается то в пустую форму воинственного шовинизма и тупого национального самомнения, то в слепое пристрастие к эмпирическим второстепенностям, то в лицемерный пафос, прикрывающий личную или классовую корысть. Обретение родины есть *акт духовного самоопределения*, указывающий человеку его собственную творческую почву и обуславливающий поэтому духовную плодотворность его жизни»⁹.

Ильин говорит о патриотизме как о чувстве, уходящем корнями «в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта и страстей», недоступном «объективным» методам исследования. Однако, как утверждает он, «есть ступень духовного опыта и сила духовного видения, которая этот доступ открывает»¹⁰.

Из глубины своего опыта и духовного видения Ильин выводит следующие формы и законы чувства патриотизма. Первый из них можно было бы назвать «законом свободы». Хотя Ильин употребляет другие слова, но речь идет именно о том, что подлинная любовь может быть только свободной:

«Прежде всего, обретение родины должно быть пережито каждым из людей *самостоятельно и самобытно*. Никто не может *предписать* другому человеку его родину — ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть; ибо

любить, и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно. <...> Так называемый "казенный", внешнепринудительный, официальный патриотизм далеко не всегда пробуждает и воспитывает в душе чувство родины, нередко даже повреждает его»¹¹.

Возможно, именно в условиях пространственной удаленности от Родины Ильину удалось особенно почувствовать духовное основание внутренней близости к ней, что нашло выражение в следующем законе, который можно было бы назвать так: единство народа основано на духовной близости. Ильин пишет:

«Люди связуются в единую нацию и создают единую родину именно в силу *подобия их духовного уклада*; а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности — внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и способности), и внешней (природа, климат, соседи)»¹².

Понятие «подобия духовного уклада», пока не принятое в психологии, позволяет сделать более ясным понятие «архетип».

Подлинным проявлением национальных особенностей является *творчество*. Из этого закона (третьего по порядку цитирования) следует, что изучение психологии народа необходимо строить, обращаясь к его высшим, творческим проявлениям (недостатки обнаружатся сами — как нереализованный творческий потенциал).

«Личный страх и опасность, личное страдание и гибель переживаются и преодолеваются только тою любовью и тем радованием, которые посвящены негибнущему, божественному содержанию. И вот в *этом творчестве*, и особенно в *этом духовном творчестве*, — *каждый народ имеет свои специфические особенности*, образующие его *национальный духовный уклад*...»¹³.

Следствием из этого закона является принцип духовного единства разных народов и культур.

«Каждый народ вынашивает и осуществляет в своей истории *душевно-духовные акты особого национального строения*,

¹¹ Там же, с. 228.

¹² Там же, с. 229.

¹³ Там же, с. 229.

⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания..., с. 93 — 94.

¹⁰ Ильин И. А. Путь очевидности. М.: «Республика», 1993, с. 228.

которые и придают всей его культуре своеобразный характер. И каждое создание этой культуры, — начиная от резного украшения на избе и кончая ученым трактатом, начиная от национальной пляски и кончая музыкальной сонатой, начиная от простонародного костюма и кончая национальным героем или собором, — расцветает и цветет в его духовном саду и слагается как бы в духовную гирлянду, которая связует его в единстве крепче всяких законов или оков. Каждое духовное достижение народа является единым, общим для всех *очагом*, от которого размножается, не убывая, огонь духовного горения <...> Так народы слагаются в своеобразные *духовные единства*...»¹⁴

Из данного закона также следует вывод о недостаточности, а подчас и противоречивости результатов количественных оценок явлений, происходящих в жизни народа, поскольку иногда один человек может лучше и точнее выразить духовный смысл событий, особенно если речь идет о гении. Ильин пишет:

«Жизнь народного духа находит себе в творчестве гения сосредоточенное и зрелое выражение. Гений говорит *от* себя, но не *за* себя только, а за весь свой народ <...> Гений подымлет и несет бремя своего народа, бремя его несчастий, его жизни, его исторического и естественного существования; и, подняв его, — он несет его творчески к духовному разрешению всех его узлов и трудностей. <...> Гений есть тот творческий центр, который оформляет духовную жизнь и завершает духовное творчество своего народа; этим он оправдывает жизнь своего народа перед Богом и потому перед всеми остальными народами истории — и становится *истинным зиждителем родины*...»¹⁵.

Ильин говорит о «музыке духа», давая образ-символ возможности духовного единства народов как хора, для слаженности звучания которого каждый (каждый народ) должен точно исполнить именно свою музыкальную тему:

«И эта музыка духа *своеобразна у каждого народа*; и эта музыка духа *есть Родина*. И каждый человек узнает свою Родину потому, что это *его* личная музыка откликается на ее всенародную музыку...»¹⁶.

¹⁴ Ильин И. А. Путь очевидности, с. 231.

¹⁵ Там же, с 231-232.

¹⁶ Там же. С. 233.

Этот очень русский образ полифонического хорового пения раскрывается в символической форме принцип действия архетипа в оформлении индивидуальности в духовное единство, называемое народом.

Ильин очень глубоко почувствовал и проанализировал тот факт, что настоящий патриотизм, укорененный в духе, является условием дружбы народов, а интернационализм, изначально отрицающий национальное своеобразие, это путь к разрушению здоровых отношений между народами.

Советская психология, по счастью, была в целом достаточно непоследовательна. Все-таки она была наследницей отечественной гуманитарной традиции, основанной на приоритете нравственных ценностей. Любовь к Родине из них была одной из важнейших.

В публикациях советского периода психологи и особенно педагоги уделяли большое место «формированию» чувства патриотизма. Как показывают выводы Ильина, любовь к Родине нераздельна с чувством внутренней творческой свободы. О специальном «формировании» (придании определенной формы) любви к Родине и речи быть не может. Ильин говорил о том, что чувство это прививается путем подражания высоконравственным образцам, окружающим ребенка, — т.е. подражания людям, по настоящему и деятельно любящим Родину.

Тема эта всегда интересовала нас во многих своих проявлениях — от любви к «малой родине» до законов личностного самоопределения. Однако мы всегда помнили, что нельзя проникнуть в глубинные характеристики личности, ответственные за чувство любви к Родине, но можно и нужно исследовать социальные представления о своей стране и мире, используя самые простые методы: анкеты, рисунки.

Совершенно ясно, что изменения, происходящие в стране за последние 10—15 лет, особенно заметно должны были отразиться на представлениях ее юных граждан о Родине и о мире. Проанализировав психологическую литературу советского периода, мы пришли к выводу, что в ней было много правильных, но не всегда искренних утверждений. С одной стороны, чувство «дружбы народов» было предметом специальных воспитательных воздействий — как в школьной и пионерской работе, так и в фильмах, радиопередачах и детской литературе (надо сказать — прекрасной детской литературе), но с другой стороны, ребенок

и подросток откликается только на искренность. Патриотическое воспитание, основанное на неправде, могло давать результат, противоположный задуманному. За последнее десятилетие открылись прежде непроницаемые для подавляющего большинства российских граждан границы с другими странами, изменились географические очертания России, изменился экономический строй жизни: появилось разделение на очень бедных и очень богатых людей (в советские годы были, конечно, и те и другие, но это было «тайной»). Т.е. произошли такие изменения в социальной и общественной жизни, которые молодому человеку необходимо осмыслить, причем сам процесс такого осмысления пришелся на период его психического взросления.

Исследования представлений о Родине практически не ведутся, но мы думаем, что как всегда, когда важное для человека понятие по каким-то причинам внешнего характера «придается» и временно уходит из рассмотрения, позже внимание к нему возвращается снова. Сейчас, возможно, как раз наступает такой период, когда слово «родина» становится современным.

Исследование географических представлений детей и подростков

«Наша Россия, как родина наша, очень маленькая, такая, как мы видим ее с нашей родной колокольни, чувство родины дает нам представление, подобное тому чувству, которое в древности создало образ плоской земли. Когда к чувству присоединилось знание — земля стала шаром. Так наша родина Россия, если мы узнаем ее географию, станет для нас отечеством...»

М. Пришвин

Это исследование состоялось благодаря нашему участию в международном проекте ИНТАС¹⁷. Проект был посвящен проблеме развития национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. Изучение географических представлений представляло собою одно из дополнительных исследований, задача которого состояла в получении дополни-

тельных знаний по вопросам национальной, региональной и европейской идентичности. М. Барретт пришел к выводу, что у маленьких англичан отмечается ранняя идентификация себя с европейцами¹⁸. Впоследствии ряд исследований, проведенных в нескольких европейских странах (в Испании, Италии и др.), имел целью посмотреть различия в национальной и европейской идентичности маленьких жителей этих стран. Одним из методов исследования и было изучение географических представлений.

В целом представления детей и подростков об окружающем мире зависят от многих составляющих: от когнитивного развития, от социальных и политических условий, от знаний и опыта ребенка. История исследований географических представлений восходит к работам Жана Пиаже, изучавшего детские суждения о своей стране¹⁹. Спрашивая женеvских детей «ты швейцарец?», «женевец?» или «ты швейцарец и женеvец в одно и то же время?», Пиаже пришел к заключению, что ребенку в возрасте до 8 — 9 лет трудно соотнести целое и части. Семилетний ребенок может сказать: «Страна — это другой город»²⁰. Если слушать только его утверждения о стране, усвоенные из разговоров взрослых, то может показаться, что его знания соответствуют реальной картине. Например, ребенок в возрасте 7 лет 11 мес. правильно говорит: «Город составляет часть страны», и он же затрудняется ответить на вопрос, находятся ли в стране города. Пиаже отмечает, что «настоящая трудность состоит, прежде всего, в том, чтобы создать себе зрительное представление, схему правильных включений; но даже тогда, когда эта схема построена, ребенку по-прежнему трудно понять, каким же образом часть, входящая в целое, представляет собой в действительности часть этого целого...». Другой ребенок 7 лет 8 мес., суждения которого он приводит в пример, хотя и утверждает, что Женева находится в Швейцарии, но женеvцы для него — «не швейцарцы»²¹.

Barrett, M. English children's acquisition of a European identity. // *Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Social Change*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996.

Piaget J. *Jugement and Reasoning in the Child*. London: Kegan Paul, 1928.

Пиаже Ж. Суждения и рассуждения ребенка. СПб.: Союз, 1997, с. 133. Там же, с. 132 и 135.

¹⁷ INTAS OPEN-97-1363.

Из работ Пиаже следует, что понятия «страна» и «житель страны» для детей 7—8 лет когнитивно сложны. Хотя существуют индивидуальные различия в сроках развития способности оперировать отношениями части и целого, к 10—11-летнему возрасту, как считает Пиаже, дети в состоянии составить правильное представление об отношениях *Женева — Швейцария* и *женевец — швейцарец*.

Понятия «Европа» и «европеец» также соотносятся как целое к частям — странам, расположенным в Европе и живущим в них людям. Если в основном исследовании изучались представления детей о своей стране, своем народе, других народах и то, к каким из других межнациональных общностей («европейцам», «славянам» и др.) они себя относят²², то цель нашей работы заключалась в том, чтобы увидеть, как в образной сфере ребенка отражены эти общие понятия. При планировании и проведении исследования нас интересовало, какие *зрительные* представления связаны с понятиями *Европа* и *европеец*, насколько эти представления зависят от возраста ребенка, от места его проживания, от опыта путешествий, и в целом — как они связаны с общекультурной традицией.

Ж. Пиаже показал, что суждения ребенка могут опережать его зрительные представления. С. Милграм заметил, что социальный опыт и общекультурные традиции отражаются на *ментальных картах* определенной местности: «Карты являются не только продуктом умственной деятельности отдельных людей; они создаются также и социальными факторами и поэтому приобретают статус коллективных представлений, символически сочетающих верования и знания, которые культивируются и распространяются благодаря культуре»²³. М. Барретт и Т. Феррони изучали развитие географических представлений у детей из нескольких европейских стран. Предъявляемые задания состояли в заполнении контурных карт, опознании контуров стран по фотографическим снимкам, сделанным из космоса. Использовался также метод клинического интервью.

См.: Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000, с. 115.

Лучше всех (в своей возрастной группе) с заданиями справлялись дети из северной Италии, имеющие более обширный опыт путешествий, чем их ровесники из Великобритании, Испании и южной Италии²⁴.

Это наблюдение относительно северо-итальянских детей было подтверждено в исследовании Г. Акси с коллегами²⁵, где сравнивались рисунки *карты Европы* детьми 8-ми и 10-ти лет из Шотландии, Англии, Испании, Швейцарии, южной и северной Италии. В основу идеи эксперимента была положена гипотеза о роли когнитивной операции *схематизации* в овладении географическими представлениями. По мнению авторов, исследование показало значение географического положения страны проживания ребенка и, естественно, роль преподавания географии в школе. Интересно отметить один из выводов: дети лучше знают страны, которые граничат со страной их проживания (ниже мы еще вернемся к этому утверждению). Кроме причин чисто когнитивного порядка, о которых говорится в работах Ж. Пиаже, у детей из перечисленных стран не было основания *отделять* себя от Европы: «от 100 до 90% детей в каждой из групп изобразили на карте Европы свое собственное государство»²⁶. Ниже мы увидим, как это включение — не включение страны проживания будет происходить у российских детей.

Г. Акси и ее коллеги делают вывод о влиянии социо-культурных традиций на развитие географических представлений. Процессы объединения стран Западной Европы в Европейский Союз ведут к образованию единого экономического и геополитического пространства. В этот процесс начали включаться страны Восточной Европы, но России это пока коснулось мало. С исследовательской точки зрения, в нашей стране сохранилась более благоприятная обстановка для изучения роли общекультурных традиций в развитии географических представлений о Европе.

²⁴ Barrett, M. & Farroni, T.. English and Italian children's knowledge of European geography. // *British Journal of Developmental Psychology*, 1996, 14, 257-273.

²⁵ Axia G., Bremner J.G., Deluca P and Andreasen G.. Children drawing Europe: The effects of nationality, age and teaching // *British Journal of Developmental Psychology*, 1998, 16, p. 423-437.

²⁶ Там же, с. 431.

Россия огромна по территории, что позволяет взять достаточно удаленные друг от друга регионы. Расположенная одновременно и в Европе, и в Азии, наша страна не имеет привычной *водной* границы разделения частей света. Как это отражается на представлениях детей? И, наконец, *где* для российских детей находится Европа? Включают ли они в Европу свой населенный пункт, европейскую часть или всю Россию? Какие европейские страны они знают? Вообще, какова картина мира у российских детей? Интересно также сравнить рисунки Европы детей из России с теми, которые были получены в исследовании Г. Акции с коллегами. Из рисунков, приведенных в их статье, обращает на себя внимание карта, составленная 8-летним англичанином: он поместил Европу в виде отдельной территории, расположенной недалеко от Лондона. Это хорошая иллюстрация к примерам Ж. Пиаже о *Швейцарии* и кантонах. Два других рисунка, иллюстрирующие публикацию работы Г. Акции с коллегами, принадлежат 10-летним детям (из Шотландии и северной Италии), не изучавших еще географию в школе. Для этих детей *Европа* — это несколько государств, действительно, соседствующих с территорией их проживания. Из восточно-европейских стран на рисунках можно видеть только Югославию. В статье приводятся следующие данные. Более половины рисунков детей из северной Италии имеют изображения географических границ Франции, Испании, Югославии и России. Более половины детей из Шотландии изобразили Францию, Испанию, Германию и Италию. Более 50% английских детей нарисовали Францию, Ирландию, Испанию, Норвегию, Германию и Италию. Более половины детей из Швейцарии изобразили Италию, Германию, Францию и Испанию. Эти данные касались только 10-летних детей, так как 8-летние из-за трудностей когнитивного характера чаще изображали города, а не страны.

Нас интересовало, как выглядит картина *европейского мира* у российских детей. Кроме того, важно было узнать, что вообще вкладывают дети из России в понятие *европеец*: где *европеец живет!* На каком языке он *говорит*? Как он *выглядит*? Ответы на эти и другие вопросы и составили цель нашего исследования. Мы предположили, что географические представления о Европе и европейцах детей из различных регионов России будут иметь много общего; это обусловлено единым культурным пространством: традиционными культурными, экономическими и другими связями с народами Европы.

Второе предположение: географическая близость других государств может оказаться менее важной, чем культурные традиции. Есть три народа (и страны), которые в разные исторические периоды истории России после *Петра I* играли особенно большую роль в *европеизации* государства: это Германия, Франция и Англия. Соответственно, мы предполагали, что указанные три народа и страны более всего известны российским детям.

Третье предположение связано с моментом включения — не включения себя и своей страны в Европу. В отличие от испытуемых Г. Акции с коллегами, не все дети из России должны включить свою страну в Европу. И связано это может быть не столько со сложностями географического положения, а с социально-экономическими проблемами, переживаемыми в стране в последнее десятилетие.

Отношение детей к теме "Европа и европейцы" лучше всего может быть выявлено с помощью качественного анализа рисунков, проводимого по типу *проективных методик*. В анализе мы также принимали во внимание трудности чисто когнитивного характера, ориентируясь при этом на результаты работы Н. В. Блинниковой²⁷.

Наши возможности привлечения в исследование детей из других возрастных групп оказались более широкими, чем у западных коллег. По современным школьным программам тема «Экономическая и социальная география мира» изучается только в 10-м классе, а в 7-м классе ей предшествует небольшое вступление «География материков и океанов»²⁸. Т.е. *знание* карты Европы по программе можно ожидать только от учеников 10-го класса (15—16 лет), у остальных детей могут быть самые общие представления, основанные на информации из телевизионных программ, разговоров взрослых, на опыте ребенка и школьных знаний о том, что Земля является шаром. Мы ожидали обилие *глобусов* с океанами (и не ошиблись, с них начинается типовая школьная география на всем пространстве России). Но найти на глобусе *Европу* — это отдельная проблема, с которой ребенку, даже изучающему географию, нужно еще справиться.

См. Блинникова Н. В. Роль зрительного опыта в формировании представлений об окружающем пространстве. Дисс. ...канд. психол. наук. М, МГУ, 1995.

Петрова Н. Н. Тесты по географии. 6—10 классы. Метод, пособие. М.: Дрофа, 2000.

За основу проведения эксперимента нами было взято упомянутое выше исследование Г. Акции с коллегами, в котором использовался метод *рисования* детьми по памяти карты Европы. Нами он также был дополнен просьбой нарисовать *европейца*, а затем отметить на нарисованной карте места:

- а) где живет *европеец*;
- б) где живет сам ребенок;
- г) куда он путешествовал.

Ребенка также спрашивали, на каком языке говорит *европеец*.

Разрешалось рисовать цветными карандашами и фломастерами. Эксперимент частично проходил в тех же условиях, что и в исследовании наших коллег, то есть дети выполняли задание в классе, располагаясь по одному человеку за партой. Однако приблизительно треть детей выполняло задание и отвечало на вопросы индивидуально.

Анализ рисунков и ответов детей несколько отличался: подсчитывался только процент детей в данной группе, ответивших тем или иным образом. Из трех параметров, выделенных Г. Аксией с коллегами (перечень стран, взаимное расположение и контуры), мы рассматривали лишь перечень стран. Рисунок *европейца* анализировался по типу проективных: учитывалось расположение на листе, наличие-отсутствие рук, лица, тщательности прорисовки и т.п.

В исследовании участвовало несколько групп детей и подростков:

- 1) 20 человек в возрасте от 10 до 15 лет из казацкой станицы Вешенская (октябрь 2000 г.);
- 2) 152 человека в возрасте от 8 до 15 лет из Подмосковья (поселки Купавна и Черноголовка; апрель — май 2001 г.)
- 3) 55 подростков 14—16 лет, живущих в уральском городе Верхний Тагил (расположенном недалеко от географической границы между Европой и Азией).

Основной состав 10—12-летних детей в станице Вешенская — учащиеся *мужской казацкой* школы, поэтому это только мальчики (двое 10-летних, восемь 12-летних, и трое 15-летних). 1 юноша и 5 девушек — учащиеся 1-го курса педагогического колледжа, что соответствует 10-му классу средней школы, возраст 15—16

лет. Эксперимент проходил индивидуально с каждым респондентом.

152 ребенка и подростка из Подмосковья были представлены следующими группами: 43 учащихся 2-го класса гимназии поселка Купавна (21 девочка, 22 мальчика, возраст 8—9 лет); 9 учащихся 5-го класса средней школы Черноголовки (5 девочек и 4 мальчика, возраст 10—11 лет); 40 учащихся 6-х классов гимназии Купавны (18 девочек и 22 мальчика, возраст 11—12 лет); 19 учащихся 7-го класса средней школы в Черноголовке (12 девочек, 7 мальчиков, возраст 12—13 лет); 25 учащихся 9-х классов из Купавны (11 девочек и 14 мальчиков, 14—15 лет); 16 учащихся 10-го класса из Черноголовки (10 девушек и 6 юношей, возраст 15—16 лет). Дети из Купавны выполняли задание на уроке, в классах, располагаясь за отдельными партами, дети из Черноголовки выполняли задание индивидуально.

55 подростков 14—16 лет (24 мальчика и 31 девочка) из уральского города Верхний Тагил (в проведении данной части исследования участвовала школьный психолог Н. Н. Перетягина).

Анализ рисунков и высказываний проходил следующим образом.

На рисунке "Карта Европы" отмечались:

- 1) перечень страны, которые ребенок смог нарисовать;
- 2) страны, в которых ребенок побывал;
- 3) расположение страны и места, где живет ребенок относительно границы Европы;
- 4) место, куда ребенок поместил *жить европейца*;
- 5) наличие признаков, связанных с когнитивной сложностью задания для ребенка (отдельное изображение «Европы», «островное» расположение стран и городов, план местности или картинка вместо карты и др.).

Рисунок *европейца* оценивался по шкале от 5 до 1 балла по принципу школьных оценок:

5 баллов — рисунок выполнен тщательно, расположен в центре листа, изображенная фигура не маленькая, у нее есть кисти рук, лицо симпатичное (то есть все говорит о том, что с *европейцем* у ребенка нет проблем);

4 балла — когда был какой-либо небольшой дефект в перечисленных выше признаках (например, одежда не так тщательно прорисована, либо изображение монохромное, но проблем с *европейцем* тоже пока нет);

3 балла — соответствует школьной «троечке». В изображении могут отсутствовать кисти рук, фигурка маленькая, расположена вверху листа, есть другие показатели появления у ребенка проблем (мы не настаиваем, что в этом случае они обязательно связаны с *европейцем*, это могут быть и собственные проблемы ребенка);

2 балла соответствуют «двойке» — это достаточно плохое, не тщательное изображение, монохромное, с преобладанием темного цвета, фигура без рук и с элементами карикатурности (тема, скорее всего, вызывает у ребенка проблемы);

1 балл — это «единица», которую мы ставили только за карикатурные изображения с элементами хулиганского характера (тема вызывает у ребенка большие проблемы).

Сравнивался также пол нарисованного *европейца* с полом ребенка (но обычно девочки рисовали *даму*, а мальчики *мужчину*).

Анализ карт Европы, нарисованных детьми, показал следующее. География — один из второстепенных школьных предметов и российским детям и подросткам известна плохо. Относительно хорошее представление о географическом положении своей страны, родного селения показали лишь отдельные учащиеся, и зависело это от нескольких обстоятельств. Естественное ограничение в развитии географических представлений, связанное с малым возрастом, мы учитывали. Так учащиеся начальных классов рисовали план вместо карты, конкретные детали — цветы, деревья, что естественно для когнитивного развития в этот период. Более старшие ученики значительно отличались друг от друга в возможности изобразить по памяти географическую карту, и это уже меньше зависело от возраста, а, скорее, от трех составляющих: пространственного мышления, опыта путешествий ребенка и уровня преподавания географии в школе. Однако все рисунки, собранные вместе, позволили все-таки составить определенную картину особенностей географических представлений современных детей и подростков, живущих в разных регионах России.

Если ПО рисункам в целом попытаться создать «коллективный портрет Европы», то в него войдут *все страны* из общего перечня стран, географически расположенных в Европе. Кроме того в него могут войти и многие страны из других частей света (среди последних самой популярной оказалась Япония). Основные трудности для российских детей, особенно младших возрастных групп, представляют *школьные знания* о Евразии (этой теме большое внимание уделяется в школьных программах). Детям сложно разграничить Европу и Азию. Зная, что границей служат Уральские горы, дети зачастую путают, с *какой стороны* от Уральских гор расположены Европа и место, где находится их дом.

Рисунки восьмилетних детей обнаружили ту же особенность, что и рисунки их ровесников из западной Европы: чаще изображались города, «Европа» или план местности, поэтому их рисунки мы исключили из подсчета общего количества изображенных стран.

Результаты анализа *карт Европы*, нарисованных детьми из Подмосквья и ст. Вешенской, в общем виде представлены на таблице 1.

Сразу же отметим главное, что следует из таблицы: *пока* (до проведения дополнительных исследований) наше предположение

Таблица 1

Основные европейские страны, изображенные детьми из Подмосквья и из станицы Вешенская на их рисунках «Карта Европы»

Дети из Подмосквья	Дети из станицы Вешенская
Великобритания 52,3%	Великобритания 45%
Франция 49,5%	Франция 40%
Германия 49,5%	Германия 35%
Италия 46,8%	Украина 35%
Испания 41,3%	Белоруссия 30%
Украина 36,7%	Россия 30%
Финляндия 30,3%	Финляндия 25%
Швеция 28,4%	Швеция 20%
Россия 28,4%	Италия 20%
Португалия 26,6%	Литва 20%
Польша 25,7%	
Греция 25,7%	
Норвегия 24,8%	
И др.	

о трех странах и народах, прежде всего связанных для россиян с понятием «Европа» оправдалось: Великобритания (обычно называемая Англией) и англичане, Франция и французы, Германия и немцы. Что касается других стран, то здесь есть особенности, вполне объяснимые различием в географическом положении мест, где живут дети (центр европейской России и юг европейской России, в относительной близости к границе с Украиной).

Подростки из Верхнего Тагила, живущие на географической границе между Европой и Азией (в 40 км от нее), хорошо представляют себе эту границу. На 10-ти рисунках (18,2% от всех рисунков) специально выделены Уральские горы как географическая граница между Европой и Азией. Из этих рисунков на 6-ти (10,9%) подростки расположили *дом* в европейской части России, а на 4-х (7,3%) *дом* расположен в азиатской части России. Представления о других странах у этих подростков несколько отличаются от представлений подростков, живущих в Москве и в станице Вешенской. На их рисунках изображены:

Россия - 83,6%
 Франция - 49%
 Германия — 47,3%
 Италия - 43,6%
 Украина - 32,7%
 Белоруссия и Финляндия — по 30,9%
 Латвия - 27,3%
 Великобритания, Литва — по 25,5%
 Эстония - 18,2%
 Польша — 14,5%

другие европейские страны, а также страны, расположенные в других частях света:

Китай - 25,5%
 США - 15, 4%
 Япония и Казахстан — 10,9%
 Монголия - 7,3%
 и другие страны Азии, Африки и Америки.
 Свой *дом* 90% подростков располагают в России.

Опыт путешествий в другие страны есть только у 20 % подростков.

В целом подростки показали позитивное отношение к *европейцу*. В «оценках» рисунка *европейца* это выглядит так:

Оценку 5 можно поставить 45,5 % рисунков

Оценку 4 — 41,8% рисунков

Оценку 3 — 12,7 % рисунков

Оценка 2 отсутствует

«*Европеец* говорит на русском языке» — 38,1%; «...на английском» — 23,6%, а также «на французском, немецком, украинском...», а чаще — «...на всех европейских языках».

Живет *европеец* в России — 40 %

В Великобритании — 9,1 %

Во Франции, Германии, на Украине — по 5,5 %

В Эстонии, США, Шотландии — по 3,6 %.

Однако 12,7 % подростков не смогли определенно указать, где живет *европеец*.

В целом по данной части исследования можно заключить, что для подростков, живущих в центре России, тема "Европа и европейцы" не является травмирующей, принимается позитивно. Эти подростки особенно хорошо представляют географическую границу между Европой и Азией.

У юных казаков также нет особых проблем, связанных с темой «Европа и европейцы». Анализ рисунка «европеец» подтверждает наши ожидания.

Как видно из таблицы 2, «проблемных» рисунков *европейца* у юных казаков мало. Половина рисунков была выполнена на «четверки» и «тройки», 40% выполнены на «отлично», есть «двойка», но «единиц» нет.

У детей из Подмосковья несколько больше рисунков на «отлично», но «двойки» и «единицы» можно поставить за 13,8% рисунков. Особенно много рисунков на «единицу» среди десятиклассников из Черноголовки.

Европеец говорит на английском языке, второе место для него занял русский язык. Иногда он говорит на нескольких языках. Появление «европейского» языка (а также «кавказского», «азиатского», «африканского» и «американского» языков) характерно для детей 8 — 10-ти лет. То же касается и отдельной «Европы» как места жительства *европейца*. Атак *европеец*, в основном, живет в России. Второе место занимает Великобритания. Затем следует почти вся карта Европы. Иногда дети отмечали несколько стран, где живет *европеец* (поэтому сумма может быть больше 100%).

Таблица 2

Результаты анализа рисунков «Европеец» и «Карта Европы» детей из Подмосквья и из станицы Вешенская

Результаты анализа	Ответы и рисунки детей из Подмосквья	Ответы и рисунки детей из станицы Вешенская
Страна, в которой живет <i>европеец</i>	В России - 27,6% В Великобритании - 14,5% в Европе - 8,6% во Франции - 7,9% в странах Азии - 7,2% в Испании - 5,3% в Германии - 3,3% на Украине - 2,6% в Италии - 2,6% в странах Америки - 2,6% в Африке 2% в Швеции - 1,3% в Швейцарии - 1,3% в Норвегии - 0,7% [Непонятно, где живет - 14,5%]	В России - 35% В Великобритании - 15% в Европе - 15% во Франции - 5% в Германии - 10% на Украине - 10% в США - 5%
Язык, на котором говорит <i>европеец</i>	На английском - 30,3% На русском - 26,3% На «европейском» - 10,5% На испанском 4,6% На немецком - 3,3% На итальянском - 2,6% На украинском - 1,3% На «американском» - 1,3% На «азиатском» - 1,3% На японском - 1,3% (а также на греческом, шотландском, норвежском, шведском, «африканском», «кавказском», китайском, бразильском, таджикском, индийском, турецком, - по 07%)	На английском - 35% На русском - 30% На немецком - 10% На французском - 5% На «европейском» - 5% На украинском - 5% (не известно, на каком - 5%)
Внешний вид <i>европейца</i> (оценка рисунка в баллах от 5 до 1)	(5) - 52,6% (4) - 14,5% (3) - 19,7% (2) - 7,2% (1) - 6,6%	(5) - 40% (4) - 25% (3) - 25% (2) - 5% (1) - 0

Таким образом, дети и подростки, живущие в разных регионах России, имеют много общего в представлениях о Европе и европейских странах, что объясняется, с нашей точки зрения, общекультурным контекстом. Для подростков, живущих в Подмосквье и станице Вешенской, самой известной страной является Англия (Великобритания), наиболее географически отдаленная от России территория (иногда на рисунках присутствовали именно эти два географических полюса — Россия и Англия, а между ними — terra incognita). То же касается языка: *европеец*, если даже живет в Швейцарии или Норвегии, говорит на английском языке. Второе место занял русский язык (среди уральских школьников — первое). Но живет *европеец* преимущественно в России, то есть для детей Россия является не только географической, но и социокультурной частью Европы.

Остановимся на отдельных специфических особенностях, связанных с возрастом, местом жительства и с опытом путешествий детей.

Ответы и рисунки двух 10-летних казацких мальчиков продемонстрировали отсутствие общих представлений о Европе: это то, что показывают по ТВ, если там происходят проблемы. Было время проблем с топливом, и один мальчик рисует пробки на дорогах, а *европейца* — как точку-водителя в одной из застрявших машин. Другой мальчик также рисует иллюстрацию к словосочетанию-штампу из политической фразеологии: «европейский дом» (причем на рисунке это просто обычный многоэтажный дом). Однако этот же мальчик делает и карту-схему, изображающую глобус. Помещение им на фоне океанов двух островов: *острова-Европа* и *острова-Россия* может означать, что Европа — нечто отличное и отдельное от России, и указывать на когнитивные проблемы ребенка. На рисунках 8-летних детей из Подмосквья есть острова-города и острова-государства. Там же встречаются просто картинки или планы местности²⁹.

Ф. Н. Шемякин в развитии пространственных представлений выделяет два вида карт: карта-путь и карта-обозрение. Карта-обозрение развивается от изображения (рисунка) до собственно правильного плана местности. Между ними есть стадия «кусочки». «В этом случае вычерчивали отдельные участки, не соединяя их конструктивно» (См.: Блинникова Н. В. Роль зрительного опыта в формировании представлений об окружающем пространстве. Дисс. ...канд. психол. наук. М., МГУ, с. 67)

Когнитивные проблемы могли возникать и у более старших детей. Так 12-летний мальчик спрашивает: «Европа — это страна или еще что-то?» Т.е. понятие «Европа» у него еще не сформировано, что отразилось и на рисунке карты (это карта-план на тему «Реки и горы»).

Возможны две позиции по отношению к Европе — либо включенность в нее, либо отдельность. Выражение (на рисунках и в ответах) этих двух состояний зависит от того, куда включает себя ребенок. Если он только житель Вешек, а там, далеко — Ростов и, может быть еще дальше, весь остальной мир, то «я — европеец», это житель Вешек, вероятнее всего — казак или казачка. Ниже приводятся характерные рисунки казака и казачки, нарисованные, соответственно, мальчиком и девочкой (Рис. 1).

Нами были выделены три примера, которые говорят о своеобразной роли путешествий в процессе развития гражданской идентичности ребенка. Касаются они детей из Купавны (ни один из юных казаков не путешествовал дальше соседней Украины). Эти дети некоторое время, видимо, жили в странах Западной Европы (на картах отмечены, соответственно, Великобритания, Испания и Франция). Хотя были другие дети, имеющие богатый опыт путешествий по европейским странам и «вернувшиеся» в своих представлениях домой, в Россию, но эти три девочки

Казак — европеец, рисунок 12-летнего ученика казачьей школы из станицы Вешенская

Казачка — европейка, рисунок 15-летней девушки из станицы Вешенская

Рисунок 1

в своих представлениях «остались» за пределами России: одна — в Англии, близ Лондона, другая — на севере Испании, третья — во Франции, в Гренобле. На рисунке острова «Европа — Англия» 8-летней девочки из Подмоскovia, побывавшей в Великобритании, видно, что девочка до сих пор располагает там свой дом.

На рисовании карт положительно сказался как опыт путешествий в другие европейские страны, так и опыт путешествий по России. Так дети из Купавны, где живет много военных моряков, отмечали на своих картах Мурманск и Североморск, Владивосток и Петропавловск — Камчатский. Северные маршруты позволяли лучше изображать на карте и соседние скандинавские страны, и восточные — Японию, Монголию, Китай (иногда дети включали их в Европу).

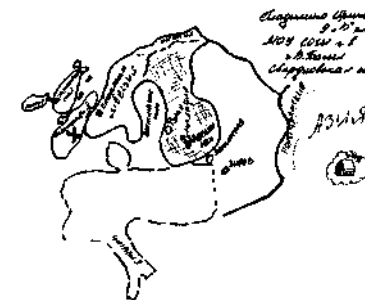
Знание о том, что граница между Европой и Азией проходит по Уральским горам для детей, живущих в центральной России, зачастую оказывалось недостаточным, чтобы верно отразить это знание. Где только они не располагали Урал! На некоторых рисунках он совпадал с западной границей России.

Подростки, живущие на Урале, как видно по рисункам (см. рис. 2), хорошо представляют себе эту границу. При этом свой дом они располагают то в Европе, то в Азии (что в некотором роде соответствует действительности, так как достаточно сесть на автобус и немного проехать — и ты оказываешься в другой части света).

На этих рисунках карты Европы подростков из уральского города Верхний Тагил видно, что дом (значок — ft) расположен

Дон в европейской части России

Дом расположен в Азии

Рисунок 2

по разные стороны географической границы между Европой и Азией. Значок + означает место, где живет *европеец*: на этих рисунках это Франция и Шотландия.

В понимании и принятии других народов положительную роль играет опыт участия в национальных танцах, переодевания в национальные костюмы. В Вешенской, где многие из детей занимаются в хореографической студии (здесь же есть прекрасный детский фольклорный хор), 15-летняя девушка рисует *европейца* — шотландца в юбочке и говорит: «Мы танцевали шотландский танец, у нас были танцы разных национальностей».

Шотландский национальный костюм оказался популярен и среди ребят из Подмосковья. Один из них добавил такие детали: «Он говорит на шотландском национальном языке и играет на волынке». Дети с тщательностью рисовали испанские костюмы, красивых итальянок, элегантных англичан и французов в изысканных нарядах (девочкам из Черноголовки особенно нравилось рисовать дам из Франции).

Конкретность образа *европейца* выражается в присвоении ему (ей) имени. Девочка рисует *европейку* в виде красивой казачки и добавляет: «Ее зовут Катя, она живет в Ростовском крае».

Но в целом картина получилась такая. *Европеец* одет в «интернациональные» джинсы и майку с какой-нибудь надписью. Он говорит по-русски, но «в совершенстве знает английский», а также другие языки. На рисунке 12-летнего жителя Купавны «русский *европеец*» дружелюбно открыт миру (развернутое положение рук), деятелен (прорисованные кисти рук) и устремлен в будущее (разворот головы вправо). Кроме двух перечисленных выше языков он знает также греческий — язык, с которого *исторически* более тысячи лет назад началось включение Руси в контекст европейской цивилизации.

Таким образом, в представлениях Европы и *европейцев* у детей из разных регионов России есть много общего. В целом, если судить по их рисункам, дети и подростки представляют Россию как часть Европы, а себя считают европейцами. Однако у старшеклассников из Подмосковья эта тема могла вызывать и негативное отношение. У юных казаков и у подростков из Верхнего Тагила таких негативных переживаний в рисунках отмечено не было.

Дети и подростки из удаленных друг от друга регионов хорошо представляют на карте страны, культурно и исторически

связанные с европеизацией России в период после Петра I. С учетом огромных размеров самой России близость других стран к ее границам оказалась не столь важна. Однако для школьников из города, расположенного в центре России, удаленного от географических границ с другими странами, не столь важны все границы, кроме хорошо осознаваемой ими географической границы между двумя континентами — Европой и Азией. Опыт путешествий положительно сказывался на точности географических представлений детей, однако младшие дети могли и остаться мысленно в понравившихся им странах.

Хотя основным языком, на котором говорит *европеец* — английский, *европеец* все же живет, как считает большинство детей, в России.

Исследование представлений о Родине

Это небольшое по объему и задачам исследование проводилось в подмосковном городе Черноголовка в рамках магистерской диссертации О. П. Кузнецовой³⁰. В исследовании участвовали 150 учеников средней школы г. Черноголовка. Используемые методы — рисование пиктограмм и анкета открытого типа.

Анкета состояла из следующих вопросов (на них нужно было дать письменный ответ):

- *Какая черта русского народа, по-твоему, самая главная в его характере?*
- *Если тебе дать на выбор две книги: одну об истории нашей страны, а другую — о зарубежной, какую книгу ты выберешь? Если об истории зарубежной страны, то какой именно? Почему?*
- *Назови самое яркое и запомнившееся тебе событие в истории нашей страны. Чем оно тебе запомнилось?*
- *Есть ли место на планете, куда бы тебе очень хотелось поехать или вернуться снова. Назови это место. Почему ты его выбрал?*

См. Воловикова М. И., Кузнецова О. М. Системный подход к патристическому воспитанию // Современная психология: состояние и перспективы, т. 1, М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

— *Представь себе, что из-за некоторых обстоятельств тебе пришлось покинуть нашу страну. Какие это могут быть обстоятельства? В какую страну ты бы поехал? Почему? Как изменится твоя жизнь в этой стране?*

Исследование проводилось в сентябре 2001 года.

Отвечая на вопрос о главной черте русского народа (частично повторяющий вопрос в исследовании о «типично русском человеке», который предъявлялся взрослым: см. гл. 7), дети назвали 29 качеств. Первое место (21% всех отвечавших) заняла «доброта» («добролюбие», «добродушие»), второе место (13%) — «храбрость» («мужество», «смелость»), 9% неожиданно для нас набрал «патриотизм», затем шло пришедшее, казалось бы, из дореволюционных исследований «терпение» (8%) и по 5% ребят упомянули «гостеприимность» и «честность». Девочки русского человека описывают как доброго (19%), трудолюбивого (10%), патриотичного (10%), отзывчивого (10%), а мальчики — как доброго (23%), храброго (17%), терпеливого (10%), гостеприимного (8%).

Вопрос о выборе книги носил косвенный характер. Нам удалось выяснить, что для 68% детей интереснее (в ситуации выбора) история России, а для 32% — история зарубежной страны.

Наиболее запомнившимся событием дети назвали войны (от Куликовской битвы до Великой Отечественной войны, которую школьники теперь также называют Второй Мировой). Судя по ответам детей, для них большое значение имеет знакомство с опытом, пережитым близкими им взрослыми людьми. Это, например, такие ответы: «Потому что об этих событиях мне много рассказывала бабушка». Названные события распределились таким образом: в 56% ответов дети говорили о войнах, еще 17% — тоже, в принципе, о войнах («день Победы», «разгром фашизма», «победа над немцами») и 7% — «сборная России выиграла у Франции».

На вопрос о том, куда бы дети хотели попасть, 18% выбрали Санкт-Петербург, по 10% — Египет и «на чемпионат мира», по 8% — Англию и Францию.

Наибольший интерес для нас представляют ответы на вопрос об обстоятельствах, которые могли бы заставить покинуть

страну. Названы: война (37%), работа или учеба (23%), путешествии (17%), угроза для жизни (14%). Таким образом, чрезвычайные обстоятельства (война и угроза для жизни) только открывают и завершают список причин. Привычными стали предположения о работе или учебе за границей.

Старшеклассники предпочитают уехать в США (33%), в Германию (15%), Францию или в Великобританию (по 11%). Заметим попутно, что кроме США из европейских стран названы как раз те три, которые были названы в предыдущем исследовании географических представлений.

Анализ выполнения задания на рисование пиктограмм, связанных со словом «родина», проводился по принципу анализа проективных методик. Аналогично рисунку «Европеец» в предыдущем исследовании, ставились оценки:

5 баллов — рисунок выполнен тщательно, детали прорисованы, использовано несколько цветов;

4 балла — детали прорисованы хуже, монохромное изображение;

3 и 2 балла — наличие (соответственно в разной степени) тревожных диагностических признаков: клыков, скелетов и пр.; «единица» ставилась за карикатурное изображение.

Соответственно предполагалось, что «отличный» рисунок указывает на отсутствие проблем с темой «родина», и наоборот, «единица» говорит о том, что проблемы есть. По «оценкам» ответы распределились следующим образом:

5 баллов — 13%

4 балла - 27%

3 балла — 33%

2 балла - 23%,

«единица» — 4%.

Если судить по этим результатам, можно предполагать у 60% учащихся наличие глубинных проблем в сфере отношения к теме «Родина», хотя, если судить по ответам на вопросы анкеты, эксплицированных проблем нет. Более того, ответы зачастую носили социально желательный характер.

Качественный анализ изображений на пиктограммах позволил выделить две основных темы, символизирующие для ребенка родину: это государственная символика (36%) и картины

природы (64%). В изображении государственной символики наблюдался такой парадоксальный факт: в одном рисунке могли встречаться два или несколько символов противоположного содержания. Например, изображения символов, связанных с коммунистическим прошлым (красные флаги, серп и молот...), сочетались с христианской символикой. Такое сочетание говорит и о слабом осмыслении символов, и о том, что современные дети переживают период смены общей картины представлений о Родине, о ее прошлом, настоящем и будущем.

Задание на ассоциации со словом «родина» предъявлялось не только старшеклассникам, но и ученикам 2-го класса. Если подростки (видимо, стесняясь) цитировали стишок о родине из фильма «Брат—2» или слова из популярной песни Шевчука, то ассоциации учеников младших классов были еще исключительно теплы: «моя, ребенок, мама», «я тут родился», «Рязань, рука, розы, ритм», «теплая, трудолюбивая, красивая, родная», «мама, папа, сестра и я», «радость, любовь, забота, смех, горевания»...

Человеку свойственно любить свою Родину. По ответам маленьких детей видно, что они одарены этой способностью и что они совершенно точно чувствуют значение родины — места, связанного с твоим рождением, с семьей, мамой.

Глава IX РАССКАЗ О «НАСТОЯЩЕМ ПРАЗДНИКЕ»¹

В предыдущих главах мы рассказали о некоторых из конкретных исследований, в которых раскрывается в общих чертах картина разных аспектов социальных представлений о нравственном идеале. Была высказана также гипотеза о социальных представлениях как о *мифах* (в лосевском понимании этого слова), бытующих в той или иной социальной общности. Реализовать гипотезу поможет обращение к теме праздника, поскольку «настоящий праздник» всегда дышит диалектикой мифа.

Праздник — по-детски простое и радостное явление жизни народа. Но на пути научного анализа его встает множество непростых загадок. И если для историков, этнологов и антропологов праздничное действо давно и естественно стало объектом исследования, то психологи пока эту тему обходят своим вниманием. Слишком многослойным и сложным выглядит психологический аспект праздничной культуры в целом и самого праздника.

С позиции социальной психологии праздник является, прежде всего, той естественной формой организации жизни этноса, народа, в которой максимально проявляется условие свободы личности — при очень определенных и четко закрепленных в народной традиции правилах его организации. В праздничной культуре свободно и естественно передается подрастающим поколениям чувство принадлежности своему этносу и основные нравственные законы, по которым строится жизнь народа.

Каждый народ в целом, осознает он это или нет, заинтересован в воплощении именно духовного изменения, открывающего вечные ценности и делающего народ тем, чем он может и должен

быть. Из истории и философии известно о временах упадка, «заката» народов и целых культур. Такая опасность всегда появляется при потере духовного вектора развития. Народная интуиция стремится охранить себя от такой беды. Для этого существует несколько степеней «защиты»: традиции, нравственные нормы, запреты и поощрения... И из всех «защит» самой стойкой и глубокой является праздник. История праздника в России это показала особенно ярко.

В недавно выпущенном исследовании, подготовленном этнографами, отмечается:

«В предреволюционные годы в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Преобладали среди них церковные. Государственными праздниками (табельными днями) были: Пасха (Четверг, Пятница, Суббота Страстной и вся Пасхальная неделя), все великие праздники, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24 июня)², а также дни св. Николая Чудотворца (6 мая), перенесения мощей святого князя Александра Невского (30 августа), преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября) и празднования Казанской иконе Божией Матери (22 октября). *Неприсутственными* (нерабочими) днями были также Пятница и Суббота масленичной недели. Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь январский Новый год и так называемые царские дни восшествия на престол и коронации»³.

«Государственный праздник» означает, что граждане государства одновременно в указанные дни освобождаются от необходимости трудиться и все вместе вспоминают определенное событие, которому посвящен данный праздник. Легко заметить, что почти все общегосударственные праздники были христианскими. Это и естественно: Россия была православной державой.

Важная роль отводилась праздникам и в советской России. Они были направлены на то, чтобы задавать всем гражданам единый ритм, отличный от «дореволюционного». Интересны и пока практически не исследованы в психологии внутренние причины устойчивости прежних ритмов. Недолго продержалась

² Здесь и далее даты даны по старому стилю. Для того, чтобы соотнести это с новым календарем, нужно к указанному числу приплюсовать еще 13 дней.

³ Русские. М.: Наука, 1997, с.584.

«пятидневка», и «отмененное» было *воскресенье* вернулось, завершая каждую неделю. С испытаниями, преодолевая жесткие *запретительные меры*, вернулась в жизнь взрослых и детей наряженная елка (правда, ставшая для большинства «новогодней», а не «Рождественской», как было прежде).

Интересно, сколько изобретательности и сил направлено было новой властью на замену прежних праздников новыми. Так день рождения и именины императора (19 мая по новому стилю) заменил «День рождения пионерской организации». Появились «праздники весны», «русской березки», «урожая», приблизившиеся по своим срокам к Пасхе, Троице, Успению и Покрову...

Но и в такой усеченной форме праздники сохранились, а ныне они вновь обретают свое место в жизни народа, только многое, конечно, изменилось. Изменения касаются не сути праздника, а того психологического и материального содержания, которым он наполняется.

Праздник остался как явление жизни и как неистребимая потребность человека. Роль его трудно преувеличить, но психологам как-то удавалось обходить его значение стороной. У нас есть предположение, что причина этого — в сложившемся образе психологического знания. Отказавшись от «души» (psihe), слово (logos) касалось психических процессов, психических состояний, способностей, но редко произносилось о цельности человека.

Обратившись к теме праздника, мы чувствовали себя довольно одинокими в своей науке, пока не познакомились со специалистами по античности и балканистике. Робко заявив свою «праздничную» тему, мы неожиданно для себя оказались на сессии, целиком посвященной празднику. Слушая доклады о символической роли праздничной одежды, погребальных обрядов, праздничных действий, мы увидели, насколько это знание наполнено психологическим смыслом. И сербы, и болгары, и древние греки понимали праздник как путь приобщения человека к единству мироздания.

В «Словаре античности» указано, что слово «праздник» происходит от латинского «dies festus», «fesia/feria» — «день, свободный от работы», и говорится о том, что с древних времен задача праздника «восстановить нарушенную гармонию между людьми и природой и устранить отчуждение людей от природы

и общества»⁴. Обрядовые действия, пение и танцы имели вспомогательное значение.

Праздник существовал всегда — с самых древних времен человечества и до настоящего времени. Он изменяется в каких-то деталях, в зависимости от культуры, но неизменен в главном, самом существенном своем качестве: способности восстанавливать цельность человека, восстанавливать гармонию между людьми и природой.

Согласно Библии, первым праздником была Пасха. В пасхальную ночь начался исход евреев из многовекового египетского рабства.

«Это — ночь бдения Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь — бдение Господу у всех сынов Израилевых в роды их» (Исх. 12. 42).

Тысячи лет, прошедшие с тех пор, в пасхальную ночь не принято спать. Те, кто принимает только Ветхий Завет, вспоминают освобождение от египетского рабства — прообраз будущего спасения человечества; те же, кто принял в сердце Благоую Весть (так переводится слово «Евангелие»), пребывают пасхальной ночью⁵ в ликующей радости уже происшедшего главного события в истории человечества. Пасха — самый первый и самый главный праздник, прообраз всех праздников христианской цивилизации.

В Библии говорится также о Празднике Первых Плодов (начатков), о Пятидесятнице, Празднике Труб, Дне Очищения... О значении Праздника Кушей сказано так:

«чтобы знали роды ваши, что в кущах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел из земли Египетской. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 23, 43).

В годовом ритме праздников присутствовал недельный цикл: существовал «год субботний», когда «земля должна покоиться» (Лев. 25.2), то есть не засеиваться. Каждое пятидесятилетие было «юбилейным годом». В юбилейный год полагалось прощать долги.

⁴ Словарь античности. М., 1989, с.455.

⁵ Новозаветная Пасха сдвинута по времени относительно иудейской Пасхи.

«Пятидесятый год да будет у вас юбилей; не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимайте ягод с необранных *лоз* ее. Ибо это юбилей; священным да будет он для вас» (Лев. 25, 11-12).

Такой оттенок слова «праздник» сохранился в русском языке. По традиции, соблюдаемой в деревнях до настоящего времени, в праздники стараются не работать.

По-грузински слово праздник означает «день чуда».

Кавказ — детство нашей культуры. Тысяча семьсот лет назад здесь было принято христианство, а первые апостолы дошли сюда еще в первом веке Новой Эры. Эти горы помнят апостола Андрея Первозванного, который шел дальше, в земли будущей Руси...

С Кавказом, с Грузией связано детство гения — Павла Флоренского, предками которого были древние роды Армении и России. Из-за необычайно разносторонней одаренности его называют также «русским Леонардо да Винчи». Тема, к которой у Флоренского проявился интерес, если судить по воспоминаниям, с самого детства — это *граница* между явлением и сущностью, это такие *разломы* реальности, где сквозь явление просвечивает сущность, а сквозь настоящее — прошлое, которое, как он чувствовал, никуда не уходит.

«То, что в истории действительно занимало меня — Египет, Греция, стояло отделенное от меня не временем, а лишь какою-то стеною, но сквозь эту стену я всем существом чувствовал, что оно сейчас здесь»⁶.

Такой подход ко времени является основой понимания сущности Праздника, всегда происходящего *в настоящем*. Праздник это не воспоминание, а *само событие*.

Одна из работ Павла Александровича Флоренского называется «Философия культа». Написанная в 1922 году, она основана на размышлениях священника и ученого о христианских праздниках.

«Задача культа может быть выполнена только иерархической организацией жизни — так, чтобы вся жизнь была освящена, но чтобы притом в самом освящении ее были свои ступени, свои напластования, свои концентры, свои степени преображенности земного — в небесном. <...> Степеням восхождения первого

Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней...М., 1992, с. 46.

соответствуют степени нисхождения второго; и чем выше восхождение земного, тем ниже нисхождение небесного, тем ближе они друг к другу, тем теснее их связь, тем взаимно-проникновеннее они, тем полнее преобразование жизни, преобразование мира, преобразование вещества»⁷.

Во время праздничного цикла происходит освящение мира, и человек имеет возможность включаться в это событие вновь и вновь, постепенно восходя от одной ступени к другой. Стараясь излагать мысль как можно проще (в основе работы — прочитанные им лекции), Павел Флоренский приводит образ кругов, движущихся с разной скоростью — наподобие механического приспособления для постепенного перехода участника с меньшей скорости на большую. Исходной при построении подобного образа является интуиция священника и мыслителя, что культ в реальной своей силе превышает все человеческие возможности — он может опалить как огонь.

Нелинейное, цикличное время имеет свои циклы вхождения в сущность явлений.

«Синкретизм духовного и природного, исторического и типологического, библейски откровенного и общечеловечески религиозного выступает в своем культе, и в частности, в Богослужбном годовом круге: всякий момент этого круга не только в себе и ради человека, но простирается и в космическую область, ее воспринимая в себя и, восприняв, освящает. Уже в основном расчленении церковного года четырьмя большими постами, паузами жизни, связанными с четырьмя же типическими великими праздниками, или, скорее, группами праздников, явно сказывается космическое значение годового круга: как посты, так и соответствующие им праздники — в явном соответствии четырьмя временам астрономического года и четырьмя, в свой черед, соответствующим этим последним стихиям космологии». И далее: «Постом зимним освящается начало мировой жизни, ее рождение, ее первое появление. Приуроченный в древности к зимнему солнцевороту, <...> в переломе года от зимы к весне, праздник Рождества Христова, которым завершается зимний пост, имеет рядом с собой свиту сродных ему праздников, праздничных обертонов, возглавляемых Крещением Господним. В древности же эти празднества, то есть Рождества и Крещения

были слиты во единое празднество Богоявления, Епифаний Господних. Освящение зимней стихии, то есть воды, <...> Телом Господним — такова космическая значимость этого зимнего поста и зимнего созвездия праздников»⁸.

Весенний пост в древних культурах был временем подготовки к празднику Весны, образ которого — воскрешающее и прорастающее зерно.

«Бесчисленные узы вяжут отдельные моменты празднеств весеннего цикла в одноплотное тело, искрящееся всеми цветами, имя которому — Воскресение Христово. В порядке годового круга Пасха есть освящение земных недр Земли, земной стихии»⁹.

Летняя Пятидесятница освящает воздушную стихию, «а осуннее — Преобразование, с освящением плодов на лето, с солнечными лучами — стихии световой, огненно-лучистой, эфирной, замыкало ряд празднеств <...> огнистых»¹⁰.

Сущность праздника дано почувствовать поэтам. Так в празднике Преображения Борис Пастернак уловил тему конца земной жизни человека. В 1953 году он написал стихотворение «Август»:

Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

«Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса.

И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

Флоренский П. Философия культа // Богословские труды, XVII, 1977, с. 197.

⁸ Там же, с. 242-243.

⁹ Там же, с. 244.

¹⁰ Там же, с. 246.

И поэт, и мыслитель говорят об «образе мира, явленном в слове». Их отличает лишь способ выражения мысли: образный у поэта и логически выстроенный у ученого. Хотя иногда ученый может говорить как поэт, если этот ученый — гений.

«Станем вслушиваться в службу Богоявления — Навечерия, особенно в паремии, — делится своим переживанием праздника Павел Флоренский, — и мы чувствуем, словно разверзлись хляби небесные и земные и отовсюду хлынули водные потоки; водные струи все заливают собою, все наполняют, всюду брызжут и прорезают воздух. Вода, вода, вода... и опять вода, пронизывающая весь мир, текущая сквозь наш организм — дух воды, призванный могучими словами. Весь алтарь полон воды и каким-то водным, голубоватым холодным светом. А теперь вслушаемся в Богослужение Страстной седмицы, особенно Великой Субботы — и почувствуем все внимание собою занявшую мать-Землю, то скорбную, то радующуюся: «земля же да радуется», и в самой — согласных и гласных — инструментовке екзапостилария Святой седмицы — песнопение «Плотию уснув» — услышишь землю. Какая глубокая разница в самой материи службы Богоявленной и службы Пасхальной.<...> А теперь, сопоставив службу воды и службу земли, вслушаемся в Богослужение Пятидесятницы — и порыв ветра клубящихся дуновений захватит нас, ласкающие веяния заластятся в уши, в сердце, и все существо наше окутается стихией воздушной. И, наконец, службы летние явно исполнены огня, а Преображение — такой светоносности, таких потоков льющегося расплавленного золота, такого уплотнения световой материи, что когда, готовясь ночью к службе, читаешь в тишине канон Преображению, то невольно жмурятся глаза, как от расплавленной платины, и, кажется — вот сейчас ослепнешь от нестерпимого блеска»¹¹.

Здесь пример *абсолютного мифа* (в том смысле слова, который придавал ему ранний Лосев). Здесь поэтическое богатство оттенков и напряженное переживание почти зримого присутствия вечного в настоящем празднике.

Потребность в празднике есть у каждого человека. Только смысл в это слово могут вкладывать совершенно различный — до противоположного. Если философия культа дает совершенный образ праздника, то в представлениях людей праздник, вернее, праздники, будут выглядеть иначе. Мы предполагаем

Флоренский П. Философия культа, с. 245 — 247.

некоторую ущербность таких личных мифов, хотя она нас будет интересовать менее всего.

Основные гипотезы, которые были положены в основу исследования социальных представлений о настоящем празднике, состояли в следующем:

- В представлениях о празднике не только русских, но и других народов России есть много общего, и это общее связано с общекультурным контекстом, в котором длительное время существуют народы одной страны. Прежде всего он касается советских праздников.
- Социальные представления о празднике отражают и культурную специфичность российских народов, но, возможно, у русских в настоящее время эта специфичность выражена слабее.
- В социальных представлениях о празднике представлен личностный аспект (по К. А. Абульхановой), т.е. в данном случае можно говорить о личностных представлениях.

Методика и география исследования

Перед исследователем прежде всего встает вопрос о *методе*. Изучаемая область настолько сокровенная, что к пониманию ее можно приблизиться только с разрешения самого человека. То есть мы пошли самым простым путем: попросили людей поделиться своим душевным богатством и рассказать о том, что же для них является настоящим праздником. Поэтому кроме анализа биографического, автобиографического и дневникового материала мы предъявляли респондентам анкету открытого типа, в которой спрашивали о конкретных *впечатлениях*, связанных с настоящим праздником для данной конкретной личности. Первые два задания на ассоциации со словом «праздник» должны были настроить отвечающего на эту тему. Центральными были вопросы: «Постарайтесь описать праздник, который вам особенно запомнился» и далее — «чем именно он вам запомнился?». Кроме того анкета содержала следующие вопросы: «Назовите первые три слова, которые вам приходят в голову в связи со словом «праздник». Закончите предложение: «для меня праздник это...». В анкете был также вопрос о возрасте и поле респондента

и о том, сколько ему было лет во время, к которому относятся его воспоминания о «настоящем празднике».

Иногда в анкету включался вопрос о национальности, но от этого вскоре пришлось отказаться, поскольку в некоторых регионах России он вызывал затруднение и нарушал доверие к самому исследованию. Язык, на котором проводился опрос, всегда был русским, но с этим также могли быть связаны некоторые проблемы применения чисто количественных методов обработки. Например, ассоциации со словом «праздник» в различных этнических или региональных группах могли отличаться еще и потому, что все-таки в не родном для некоторых людей русском языке слово могло иметь иной оттенок.

Исследование было начато в 1999 году и продолжается до настоящего времени¹². Кроме русских (это жители Смоленска и Смоленской области, русские из Улан — Уде, взрослые и школьники из Москвы, школьники из донской станицы Вешенская) в нем приняли участие также татары, кабардинцы и балкарцы, марийцы, старшеклассники из Калмыкии и небольшая группа «экспертов» — представителей разных народов, живущих в России, профессионально занимающиеся фольклором. Всего в исследовании приняли участие около 500 человек. Продолжение исследования в настоящее время связано с разработкой новых вариантов анкеты, сосредоточенных на одном, но очень важном временном промежутке: периоде подготовки к празднику.

Особенности социальных представлений о празднике русских, а также динамику этих представлений и обсуждение возможных причин изменений мы приведем на примере анализа ответов взрослых жителей Смоленска и Смоленской области и сопоставим эти ответы с некоторыми материалами Тенишевского бюро, полученными сто лет назад также в Смоленской губернии.

Праздники Смоленщины: сегодня и сто лет назад

На западной границе современной территории России находятся земли Смоленщины. Почти на два столетия древнее Москвы, Смоленск многое видел на своем веку, часто становясь местом

сражений. В 1239 году смоляне остановили движение войск Батые на Запад. В истории Смоленска был период, когда он входил в Литовское княжество (1404 — 1514 гг.). В историю вошли героическая оборона Смоленска от поляков (1609— 1611 гг.), смоленское сражение во время Отечественной войны 1812 года и сражения Великой Отечественной.

В имении Талашкино под Смоленском проходила основная работа князя В. Н. Тенишева над «крестьянской программой». Один из разделов программы касался вопросов о праздниках.

Корреспондентов просили описать происходящие в деревне или ближайшем селе большие празднества: «В какой мере признается необходимым крестьянину и членам его семейства бывать на них? Кто в семье на этом настаивает и почему? Как крестьяне проводят время на празднестве? Какие устраивают пирушки? Не делаются ли складчины для этой цели? Описать подробно. Бывают ли специальные празднества: начала сенокоса, жатвы, при закладке церквей, общественного здания и т.п.? ... Кому из семьи ставится в обязанность быть на празднестве и кто может отсутствовать?»¹³.

Праздники для корреспондентов — это, прежде всего, православные праздники: Рождество, Новый год, события Страстной седмицы, Благовещение, Пасха, престольные праздники данной местности. Праздники были временем выхода из привычного трудового ритма. Как и в других местностях России, гостями были те, кто *жил* некоторое (определенное традицией) время в принимавшем их доме (чтобы в другой праздник уже хозяева отправились на несколько дней *погостить* к своим прежним гостям). Приведем описание праздника Святой Троицы в деревне Хошне (запись 1897 г.).

«На Троицын день хозяйка раненько встанет и хлопочет побольше наготовить кушаньев, чтобы было чем угостить гостей на славу. Гости встанут гораздо позже хозяйки, умоются, Богу помолются и сидят себе разговаривают <...> После завтрака гости выходят на улицу...». Кому можно ходить в гости, строго определяется традицией: «Отправляются в гости одни молодухи и женатые мужчины, а девки и парни холостые по гостям не ходят»¹⁴.

¹² См. также Воловикова М., Тихомирова С., Борисова А. Психология и праздник: праздник в жизни человека. М.: ПерСэ, 2003.

¹³ РЭМ.ф. 7.

¹⁴ РЭМ, ф. 7, № 1629, л. 3.

Соответственно, выстраиваются две линии праздничного действия, типичные и для других российских губерний, но в каждой из них наряду с их своеобразием обязательно присутствуют молитва и «угощение». Насколько мы заметили, просматривая материалы Тенишевского Бюро, корреспонденты из Смоленской губернии большое внимание уделяют первой составляющей — тому главному событию, именем которого назван сам праздник.

«В дни двенадцатых праздников, св. Николая Чудотворца, поминовения родителей (Родительские субботы) работать считается непозволительным»¹⁵. «Усердно помолвившись, садятся старики за стол...»¹⁶.

Таинственная, мистическая сторона праздника особенно присутствовала в событиях Страстной седмицы (т.е. времени строгого поста).

Увы, тема «угощение» имела так хорошо ныне нам знакомые последствия. Подробно, до мелочей, описан строго регламентированный питейно-водочный ритуал, а «после праздников, особенно престольных, почти всегда крестьяне два-три дня опохмеляются и только лишь на следующий день принимаются за работу»¹⁷. «По дороге из села, как побитые градом, валяются пьяные»¹⁸.

Возможно, о таком *завершении* праздника, первоначально установленного для дней особой памяти человека о Боге, сказано в Библии:

«Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их» (Ис. 1. 14).

В наше время, увы, не нужно проводить специального исследования, чтобы заметить, что процесс приведения части празднующего народа в состояние *побитых градом* усилился. Однако что же является *настоящим праздником* в представлениях современных земляков князя Тенишева?

¹⁵ РЭМ, ф. 7, № 1572, л. 9.

¹⁶ Там же, № 1553, л. 5.

¹⁷ Там же, № 1572, л. 9.

¹⁸ Там же, № 1575, л. 6.

Когда взрослых жителей Смоленщины спросили о том, какое событие в своей жизни они могут назвать «настоящим праздником», были получены следующие ответы.

Анкета предъявлялась взрослым жителям Смоленска (30 человек — лица, старше 35 лет и 30 человек — студенты, возраст от 18 до 30 лет). Заполненные анкеты подвергались контент-анализу и микросемантическому анализу.

Прежде всего, обратимся к рассказам о запомнившихся праздниках тех, кто по наблюдениям и выводам Г. В. Любимовой, является хранителями традиции. Это люди пожилого возраста, преимущественно женщины, самой старшей из которых 81 год. Ее воспоминания относятся к тому времени, когда нашей корреспондентке было 25 лет (т.е. это середина 30-х годов).

Ассоциация, с которой связан праздник для этой пожилой женщины, — «торжество» (у молодежи мы ни разу не встретили такого слова). И тот праздник, по поводу которого она говорит о торжестве — это Рождество:

«Много дней торжественных, их празднуют, отдыхают. Хорошая еда. Они Божественные праздники. Ходили в церковь, наряжались лучше».

Другая женщина 64 лет вспоминает время, когда она была подростком, т.е. это послевоенные годы. Слово «праздник» для нее ассоциируется с радостью и настоящие праздники для нее Пасха, Рождество, Духов день. Эта не старая женщина оказалась настоящим носителем праздничной традиции и рассказала о таких деталях праздничного поведения, о некоторых из которых мы могли лишь прочитать в этнографических материалах, относящихся к началу прошлого века:

«Духов день. Венки завивали, игрища были, яичницу жарили, около ржи ходили, песни пели. Покров был тоже большой праздник. А самый большой — это Пасха, яички красили. Солнышко играло, иконки обновлялись».

Понятно, почему она вспоминает не Троицу, а Духов день (празднуемый на второй день праздника Троицы) — это был престольный праздник их селения:

«Очень уважаем, престольный праздник.... На кладбище ездили поминать родителей». Престольный праздник был не только

праздником данной местности, но и праздником рода. Это был день сбора родственников.

При массовом забвении времени престольного праздника традиция ежегодного сбора родственников, видимо, частично была перенесена на другие события — дни рождения и Новый год. Так молодая еще женщина (42 года) вспоминает прошлый Новый год, и рассказ ее напоминает о традиции празднования престольного праздника:

«Это был Новый 1999 год. Мы собрались у мамы три семьи за праздничным столом. Мама с отцом, брат с женой и тремя детьми. Их старшая дочь приехала из Казахстана в гости. Моя семья из четырех человек: я, муж и двое детей. Это все самые родные близкие люди. Мы много смеялись и шутили, вспоминая эпизоды из прежней жизни. Атмосфера была доброжелательная.... Было тесно в однокомнатной квартире. Но это неудобство компенсировалось прекрасным настроением, которое мы испытывали при общении с родными людьми».

«Уютную обстановку в кругу семьи» на Новый год вспоминает 63-летняя жительница Смоленщины. Рассказ относится ко времени, когда ей было 40 лет, то есть к началу 70-х годов. Интересен в этом рассказе момент выхода семейного праздника на улицу. Можно вспомнить, что подобная картина наблюдалась в престольные праздники:

«В Новый год зажгли свечи, открыли бутылку шампанского и всю ночь пели песни — сначала дома, потом на улице».

Долго жила еще и память о календарных праздника. Так о времени своего детства (когда ей было 5 лет) вспоминает женщина 32 лет, т.е. тоже о начале 70-х годов:

«Настоящий праздник — Крещение. Ходили с родственниками по дворам (жили в частном доме), пели песни».

Запомнилось тем, что «все наряжались в разные одежды, было очень весело и смешно».

Увы, сохранялась и поддерживалась традиция пить на праздник крепкие напитки. 70-летняя женщина вспоминает время, когда ей было 20 лет, то есть речь идет о начале 50-х годов XX века:

«Каждый ждет этого праздника, самогонку гнали, все его ждали... Праздник Покров. Застолье, гуляли дня три, танцевали,

пели, шутили, смеялись. Это праздник престольный, собиралась вся родня».

Подобно рассказам о «побитых градом» из материалов Тенишевского бюро, и здесь концовка празднования с самогонкой тоже не очень симпатичная: «Как обычно вся деревня собирается, и драки могли быть».

Забвение главного, сокровенного значения праздника обедняет жизнь человека. Так 37-летняя женщина говорит: «В последние годы не было ничего особенного, за прошлые годы уже «стерлось» в памяти».

Однако во время проведения исследования удалось также почувствовать, что настоящее значение праздника для человека в том, что тот может исцелять. Само воспоминание о нем оказывает психотерапевтический эффект. С подобными случаями мы встречались неоднократно, когда вопрос о «празднике» настраивал отвечающего на радостный лад. Своими вопросами мы как бы задавали участникам «установку на радость» (Д. Узнадзе). И если только человеку было что вспомнить — он вспоминал.

Приведем один из самых ярких случаев, когда удалось увидеть включение в настроение праздника «как процесс» (С. Л. Рубинштейн). Интервьюер (ею была Л. Л. Гренкова — Дикевич) предложила ответить на вопросы анкеты знакомой 49-летней женщине. Та расплакалась, и сказала, что у нее в жизни ничего праздничного нет. Потом, как она сама позже рассказала, придя домой, стала вспоминать, действительно ли у нее в жизни так все плохо, и вскоре поняла, что это неправда. Было событие, которое для нее стало «настоящим праздником» и было оно недавно: это первая в жизни поездка за границу, во Францию. Тотчас появились и праздничные ассоциации: «радость, волнение, хлопоты: радость души, подъем жизненных сил, приятные воспоминания...». На следующий день, когда она рассказывала об этом, у нее было другое выражение лица. Из печального и унылого оно стало радостным и сияющим. Праздничное богатство долго хранится в душе человека и, по-видимому, составляет тот «резерв душевных сил», о котором говорится в работах К. А. Абульхановой¹⁹.

Абульханова К. А. Регресс и утраты личности и возможности психологической поддержки // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997, с. 170-186.

Воспоминания могут быть связаны и с новыми праздниками — временем молодости: «Это было на Украине, во Львове. Мы, студенты институтов, принимали активное участие в проведении вечера посвящения в студенты. Много было песен, музыки, кругом нарядные молодые люди, а потом бродили по улицам спящего Львова, любовались восходом солнца», — вспоминает 60-летняя жительница Смоленска и добавляет, что ей особенно запомнилось, — душевные беседы в Стрийском парке после вечера. И сам Стрийский парк со своими деревьями и лебедями». Было все это 40 лет назад.

Совершенно особое событие — день Победы. Нужно побывать в городе-герое Смоленске и увидеть те памятные места, которые связаны с защитой Отечества, чтобы почувствовать, как особенно эта тема важна для его жителей старшего поколения. «9 мая 1945 года. Это было ликование, восторг. Радость. Победа, Победа! — вспоминает 68-летняя смолянка. — Я была девчонкой. Большая радость, смех, улыбки». В тот год ей было 12 лет.

В целом результаты «смоленской» части исследования позволяют говорить о важности праздника в жизни личности. Воспоминания даются *охотно* (за редкими исключениями). Нет уходов от поставленных вопросов, желания что-то скрыть. Выделились следующие *темы*, с которыми связаны представления о празднике. *Веселье* и *радость* часто упоминаются вместе, хотя пожилые люди чаще называют радость. Связан праздник также с общением, отдыхом, застольем. Вспоминают чувства единства с другими, принятия друг друга, любви и теплых отношений. Теплые воспоминания многих связаны с *советскими* праздниками — детство наших *корреспондентов* проходило в *советское* время:

«Больше всего мне запомнился праздник, посвященный 1 Мая... Многие люди выходили на улицы города с флажками, шарами. Вот и мы с отцом в тот день и с его товарищами по работе повезли по городу большой транспарант. Мы шли очень медленно, и я сидела на транспаранте, а они меня везли, и держала шары. Возникало ощущение радости и счастливого ожидания, когда же, наконец, мы пройдем по главной площади перед трибунами, и нас поприветствуют. Это ощущение полного восторга от такого количества веселых, улыбающихся людей, у которых есть общая цель и которые делят с тобой радость, дарят друг другу шары, цветы, поют, — оставила большой след в моей памяти».

Воспоминание принадлежит 20-летней смолянке (весна 1999 года). Оно обладает *полнотою* запечатления праздничного действия: пролонгированностью во времени (воспоминание относится к детским годам), эмоциональной насыщенностью (*"ощущение полного восторга"*) и символическим смыслом (включенность в *общую цель*).

Символическое значение советских праздников состоит в *опытном переживании* чувства единства с другими людьми. Именно поэтому так часто упоминается *многолюдность, массовость* тех праздников. Можно предположить, что эти праздники удовлетворяли потребности выхода за пределы своей субъективной ограниченности и переживания чувств радости, восторга, воодушевления, *общих* в момент праздничных событий (шествий, демонстраций).

У смолян на первое место по частоте упоминания вышли Новый год и день рождения. В самом воспоминании о дне рождения наблюдается, возможно, новое явление под названием *юбилей* (30-летие, чаще — 50-летие, иногда 60-летие). Тема юбилея перекликается с древнейшей историей установления праздников, когда каждый 50-й год считался праздничным (Библия). В юбилейных днях рождения присутствует следование определенному *ритму* организации жизни. Но в них также ведущее место принадлежит *личному началу* — общей закономерности современной праздничной жизни.

Новый год в нашей стране имеет особенно драматичную историю. Так сроки его менялись несколько раз (допетровское 1-е сентября, «старый» и «новый» год). В современном своем состоянии именно гражданский Новый год, похоже, стал прототипом праздника как такового. Новый год сочетает в себе *личное начало* (семейный праздник), *общественное единство* (все одновременно его встречают), устоявшийся ритуал, включающий все временные моменты: подготовку (кушанья, праздничная одежда, украшение елки), одновременность празднования (нужно поднять бокалы ровно в 12 часов ночи) и пролонгированность (праздник отмечается, по крайней мере, до утра, для детей это еще длительное время зимних каникул). У Нового года сохранен сакральный, символический смысл *начала* нового этапа жизни и он сопровождается определенными действиями, имеющими *сказочный* характер. По рассказам наших корреспондентов, в детстве они долгое время были уверены, что Дед

Мороз и Снегурочка — настоящие, что подарки под елкой появляются волшебным образом. Сам праздник оказывается как бы собранным из нескольких праздников: Рождества, Нового года — всего времени прежних *Святок*.

Праздники, которым в прежней России было посвящено около трети годового времени, почти ушли из праздничной культуры. Вспоминают день рождения, Новый год, другие новые праздники, среди которых есть *само событие*.

«12 апреля 1961 года кто-то из учителей... влетел в класс и закричал: "Человек в космосе! Наш земляк!!" Уроки отменили, все вылились на Ленинскую — толпы людей, песни, крики, ура, пляски, какое-то всеобщее бурление и ликование... Молодежь радовалась и веселилась, старшее поколение было очень взволновано, и даже — со слезами на глазах — ведь только шестнадцать лет как кончилась война, а первый человек в космосе наш!!! Он наш земляк» (женщина, 51 год, лето 1999г.).

Новой темой в настоящее время, видимо, становится возобновление *национальных русских праздников*. В плане исследования *представлений* нами были выделены следующие моменты появления *включенности* в национальный праздник. Из-за специфичности наших условий, когда отдельные праздники «назначались» или «запрещались», возвращение к национальным праздникам происходит и в зрелые годы. Личностный ответ на новое впечатление может свидетельствовать об интуитивном чувстве национальных корней, и особенно заметно проявление такой интуиции в праздничной культуре:

«Мне запомнился праздник Масленица. На нем мы с мужем оказались совершенно случайно. Мы гостили в деревне у бабушки... В один из дней (я плохо разбираюсь в праздниках такого рода) у соседки собрались знакомые мне бабульки и женщины средних лет, мужчины. Бабушку с дедушкой, ну и конечно нас, тоже позвали. Честно говоря, не очень как-то хотелось идти, т.к. совершенно другое поколение, другой образ жизни. Нас угоривали, и мы все-таки пошли. Что произвело впечатление, самое главное — это то настроение, *та глубина любви к жизни*, которые мы увидели у бабулек и дедулек, *потрясают*. Мы с большим удовольствием слушали песни в их исполнении *и даже танцевали русские народные танцы (чего никогда не делали)*» (ж., 40 лет, весна 1999 года).

Для актуализации *национальной интуиции* необходим, как видно из приведенного примера, *опыт участия* в праздничном действе, передаваемом *из рук в руки* от живых носителей праздничной культуры (в данном случае, *"бабулек и дедулек"*). В целом же, как показывает исследование (да и как видно невооруженным глазом), происходит *обеднение* праздничного слоя нашей жизни.

Сравнение описаний празднично-игрового поведения, собранных тенишевской экспедицией, с данными современного исследования, проведенного на Смоленщине, дает основание утверждать, что наибольшие изменения претерпела содержательная сторона праздника, т. е. те события, которым праздник посвящен. Редуцировался *временной аспект* — все этапы праздничного действия (подготовка, сам праздник, завершение праздника) «убыстрились». Стирается своеобразие *праздничной одежды, праздничной еды* — прежде они отличались от *будничной одежды, постной еды*. Время для наших предков несло в себе качественное своеобразие, отмечаемое запретом или разрешением на то или иное празднично-игровое поведение, ныне оно теряет эту специфичность. Новым качеством праздника в настоящее время является преобладание в нем *личного* начала: отсюда лидирующее место в представлениях о празднике переходит *юбилею*. Однако для многих Новый год пока остается *прототипом праздника*.

«Русский Новый год»

До Петра I на Руси летоисчисление строилось «от сотворения мира» и нумерация годов значительно отличалась от принятой на Западе. Смена года происходила 1-го сентября. До сих пор новолетие по церковному календарю празднуется 1 (14 по новому стилю) сентября. При Петре I в России стали, как и во всем западном мире, вести летоисчисление от Рождества Христова. Нумерация лет стала такой же, как в Европе. И порядок праздников первоначально был таким же. Сначала само Рождество, а через неделю — Новый год. При послереволюционной смене календаря ситуация с Новым годом стала несколько парадоксальной. Сначала страна отмечала Новый год, а через неделю... следовало Рождество. Потом, через неделю — еще один Новый год, получивший название «старого».

Еще несколько десятилетий назад празднование старого Нового года было верным признаком «отсталости». Например, в одном из популярных фильмов 50-х годов отрицательные герои праздновали «старый Новый год», а положительные — нет.

Был небольшой период времени, когда и сам Новый год было запрещено праздновать. Пожилые люди рассказывали, как в 30-е годы у них дома приходилось затемнять окна, чтобы с улицы не заметили огоньки на елке. Но запрет продержался недолго. Слишком необходимым оказался этот праздник. В чем его сила и поразительная живучесть?

Нам представляется, что причин здесь несколько. Главная из них, если проанализировать внимательно рассказы наших корреспондентов, состоит в том, что Новый год словно вобрал в себя образы всех самых настоящих праздников и, прежде всего, — чудо и таинство Рождества.

Рождество в Западном мире всегда отмечают особенно пышно и шумно. Есть каникулы у детей и взрослых. Есть особые ритуалы дарения подарков друг другу. Ни в Европе, ни в Америке Рождество никогда не было под запретом и праздновать его начинают обычно почти за неделю до 25 декабря.

У нас в стране западное Рождество не привилось. Но каникулы у школьников начинаются перед Новым годом и продолжаютя половине времени прежних Святков. Это очень радостные каникулы — со снегом, катаниями с горок и, конечно, с «Елками». Возможно, праздники под названием «Елка» встречаются только у нас, но они взяли на себя и спектакли, в подражание прежним рождественским, и «волшебных» Снегурочку с Дедом Морозом, и подарки...

30-летняя женщина из Кабардино-Балкарии называет «настоящим праздником» встречу Нового года в детстве:

«Я с братом ходила на утренники в детский садик и к маме на работу. Мы набирали массу подарков и жизнь казалась бесконечно счастливой. *(Чем запомнилось?)* — Ожиданием чуда, каникулами и выходными, которые мы проводили все вместе».

Это ожидание чуда есть и в других рассказах. Похоже, что на Новый год каждый или вспоминает время своего детства, либо сам на время становится Ребенком в самом хорошем смысле этого слова. Из воспоминаний, приведенных в «Блокадной книге» Даниила Гранина, следует, что новогод-

нюю елку устраивали детям даже в блокадном Ленинграде 1942 года!²⁰.

В реальность Деда Мороза и Снегурочки, как признавались уже взрослые люди, в детстве они верили. Недавнее объявление «места жительства» российского Деда Мороза (Великий Устюг) позволило только прояснить ситуацию. Деду Морозу пишут письма тысячи детей и даже взрослых. Одно из писем:

«Я сказала дочери, что не смогу подарить ей подарок на Новый год. Она мне ответила: «Ничего, мама, мы напишем Деду Морозу, и у меня будет гора подарков». Мне пришлось сказать ей, что никакого Деда Мороза нет. Вчера мы проплакали с ней до двух часов ночи. Она говорила: «И зачем я только родилась!»²¹

Нам всем долго объясняли, что «никакого Деда Мороза нет», никакого чуда не существует, но подобная информация оказалась «несовместимой с жизнью». Новый год устоял, вобрав в себя все чудесное и выходящее за рамки рассудочного постижения мира.

В последнее время Новый год становится массовым праздником. Одна из наших корреспонденток говорит о главном впечатлении от встречи на ночных московских улицах наступающего 2002 года: «Это было удивительное чувство, как будто все без исключения люди — одна семья».

Своеобразное подтверждение феномена «русского нового года» пришло из сети Интернета. Здесь на одном из сайтов в первых числах января 2001 года состоялись беседы эмигрантов из России, вернее, их жен. Тема была одна — праздник Нового года.

«Живя в США, многие ли из нас ощущают Новый год как праздник? Или переломным этапом счета времени постепенно становится католическое Рождество?»

«Вот сижу я в Англии, и что-то вообще праздников не ощущаю.... Ни Рождество католическое не греет, ни Новый год этот бесснежный и нерадостный, без энтузиазма.... Не знаю уже, что делать, как себе праздник создавать...»

«Вот сижу я в Южной Корее...»

Д. Гранин. Блокадная книга. М., 1991.

Соколова Людмила. «На деревню Дедушке Морозу», «Известия» от 16 декабря 2000 года.

Из послания в послание рефреном проходят различные места на земном шаре, куда разнесла судьба наших соотечественников. И вот сразу после Нового года их объединила одна проблема: привычного с детства праздника нет.

«Вот только вчера говорили о том, что Новый год здесь совсем не ощущается».

Далее происходит совместное обсуждение того, из чего же состоит Новогодний праздник. Прежде всего, вспоминается поднятие бокалов шампанского ровно в полночь.

«Сию в США (мой первый Новый год здесь) и смотрю новости.... Немножко даже грустно. Сейчас 10:15 вечера, а настроения все нет. Муж непьющий, поэтому потягиваю шампанское в одиночку и жду полночи...»

Второе — это, конечно, елка.

«Девочки, вам вообще грех жаловаться, у вас хоть елочки есть, да и выходные дни. А вот у нас в Израиле привычный нам Новый год вообще отсутствует как праздник, никаких выходных в эти дни. <... > Я уж неговорюотом, что на улице температура + 20 и снег нам только снится. Единственное наше спасение — это привезенные из России искусственные елочки с игрушками и мишурой и 4 российских канала...»

В результате обсуждения появляется полный «набор» русско-го Нового года:

«У меня с детства новогоднее настроение вызывали несколько вещей — салат «оливье», украшение елочки, мандарины, шампанское и «Ирония судьбы» по телевизору...»

Но оказалось, что в этом «наборе» не хватает чего-то самого существенного:

«А мы вот и салат «оливье» сделали, и «Иронию судьбы» поставили, — не помогает».

И, наконец, догадка: не хватает...России.

«Новый год сильнее, чем что-либо другое, напоминает о том, что мы выросли. И хочется окунуться в детство, где стол накрылся сам собой, а подарки приносил Дед Мороз. <...> А пока я уяснила единственный способ сделать новогоднюю ночь праздничной — поехать встречать ее в Россию...»

История с «русским Новым годом» хорошо показывает, что праздник живет по своим законам. Он живет в памяти людей, и они испытывают потребность в празднике, узнавая о том, как она велика, только оказавшись вдали от Родины.

Советские праздники

Одним из основных общих моментов, объединяющих представления разных народов нашей страны, это (пока) память о советских праздниках — 7 ноября, 1 мая, 8 марта... В целом их было немного. Однако даже «интернациональные» праздники наполнились национальным колоритом.

Основным нашим наблюдением, когда мы читали, анализировали заполненные анкеты, было то, что образ, идущий из детства, обладает особой яркостью и силой, а с годами его яркость постепенно усиливается. Люди немолодые, особенно те, кто старше 60-ти, хорошо помнят праздники своего детства.

С этой особенностью праздника запоминаться в детстве, создавать образ настоящего праздника на всю последующую жизнь и связано возрождение в памяти праздников советских. Конечно, получилась парадоксальная ситуация. Всего лет 10 назад граждане нашей страны были обязаны праздновать дни 7-го ноября, 1-го мая, другие советские праздники (их в году было немного, всего несколько нерабочих дней: 7 и 8 ноября, 1 и 2 мая, 5 декабря — день Конституции, позднее к ним добавились 1 января, 8 марта и 9 мая). Но и эти праздники оставили свой след в душах детей, участвовавших в них вместе со старшими. И теперь, когда дети выросли и стали взрослыми, «настоящий праздник» для многих из них — советский.

Праздники новой власти не могли образоваться из ничего, из пустоты. Праздники — это область творческой свободы личности, и личность творила новые праздники из впечатлений от прежних праздников. Так, прежде всего, сохранялось и передавалось от поколения к поколению это удивительное чувство единства всех людей, которое могли переживать дети вместе со взрослыми — даже на обычной, организованной демонстрации. Обратимся к рассказам.

50-летний мужчина из Марий Эл вспоминает время, когда ему было 8 лет (т.е. 1958 год):

«Это было 7 ноября. Я впервые приехал в город к старшему брату — студенту. Он взял меня с собой на демонстрацию. Я шел со студентами в одной колонне. Звучала музыка. Люди шли и весело разговаривали. Потом все кричали «ура», пели песни. Мне купили конфетти, один студент поднял меня высоко и посадил на плечо и так нес некоторое время. *(Чем запомнилось?)* Весельем, многоцветием, приветливыми лицами людей, торжественностью и еще радостью — большой и настоящей».

Нам представляется, что сущность того положительного, что происходило во время советских праздников, поясняют слова 40-летней марийки (правда, сказаны они по поводу 60-летия родного поселка): «Было такое количество народа, а *все были как одна семья*». Подобное переживание всех со всеми мира, единства («как одна семья») активно ищет душа ребенка. Всем известно, что когда в семье нет мира, дети стремятся уладить конфликт. Они от рождения своего «миротворцы». Позднее у взрослых они могут обучиться состоянию возможного разобщения, а так для малышей это является почти непереносимым переживанием. Мир в семье для них означает мир во всем мире.

Конечно, при всем «позитиве», который впитали в себя из прежней праздничной культуры советские праздники, была в них одна негативная черта. В социальной психологии он определяется так: «*Против кого дружим?*». Пионеры дружили против «буржуев и капиталистов». Непионеров в стране практически не оставалось, поэтому вступление в пионерскую организацию означало присоединение ко всем детям своей страны и прохождение своеобразного ритуала, связанного с достижением определенного возраста и заменяющего древнюю инициацию.

46-летняя марийка вспоминает время, когда ей исполнилось 9 лет:

«Прием в пионеры 3 ноября 1963 года. Меня приняли досрочно. В ноябре было холодно, мама не разрешила снимать курточку, а мы пошли фотографироваться, я сняла эту куртку и почему-то почувствовала себя свободной. Самой свободной!!!».

С началом нового этапа жизни часто связывают также поступление в школу. Женщина из Кабардино-Балкарии вспоминает, что для нее настоящий праздник, это «1 сентября, когда я первый раз пошла в школу — я почувствовала, что теперь начинается новая, настоящая жизнь». Другое воспоминание

о настоящем празднике, и тоже из Кабардино-Балкарии, только принадлежит оно молодому мужчине:

«Это, наверное, мой первый школьный звонок. Меня поразила, вернее, запомнилась суэта, детский крик, множество детей вместе с родителями, огромное море цветов, у меня самого были в руках цветы, они назывались, кажется «петушки». Каждый ребенок в это время, я уверен, чувствовал сопричастность к чему-то важному. *(Чем запомнилось?)* — Торжественностью, атмосферой, царившей на школьной линейке, переживаниями, связанными с неизвестным будущим».

Конечно, сейчас вырастает новое поколение, для которого советские праздники не будут связаны с какими-то детскими воспоминаниями. И тогда эти праздники уйдут. Недавно созданные, они не будут отличаться долговечностью древних праздников. Но молодые люди еще помнят и 7 ноября, и 1 мая, если они успели поучаствовать в праздничных шествиях. Вспоминает 28-летняя русская женщина:

«На память приходит праздник 1 Мая. Просыпалась утром, из репродуктора звучала веселая музыка. Родители собирались на демонстрацию, затем дружно все вместе мы шли на празднество». *(Чем запомнилось?)* «У всех людей радостные лица, многоцветием шаров и флагов, цветов». *(Сколько Вам тогда было лет?)* «4 года».

Другое время, связанное с яркими образами праздника — это ранняя юность. 30-летний мужчина из Кабардино-Балкарии говорит, что праздник — это

«...когда выстраивались пестрые красочные первомайские демонстрации. 1 мая 1988 года когда я нес знамя района во главе колонны. В том году выпал еще и снег с 30 апреля на 1 мая. Было холодно, но несмотря на холод, люди веселились от души. *(Чем запомнилось?)* — Мне была оказана большая честь, в свои 18 лет нести знамя района».

28-летняя бурятка вспоминает время своего 15-летия:

«В честь рождения комсомола 29 октября 1986 г. комсомольцы четырех школ моего района собрались вечером на ул. Ленина для проведения факельного шествия. Выстроившись все в колонны, взяв в руки каждый по зажженному факелу, прошли по главным улицам села» *(Чем запомнилось?)* «Это было здорово. Вечер! У каждого в руках по зажженному факелу, сияющие лица ребят...».

Следует отметить, что даже в рассказах о советских праздниках проступают черты, характерные для определенного этноса или культуры. Так у бурят особенно заметна тема огня (факельный шествия, пионерский костер) — у них особое отношение к огню, идущее еще из древних времен.

По-видимому, есть исторические корни у Первомай, совпадающего по времени с древним новолетием. Это прежде всего праздник весны, молодости, и именно такое значение за ним было закреплено долгие десятилетия. Если внимательно посмотреть на символику, используемую в типичных советских открытках, то оказывается, что она корнями своими исходит из древних символов человечества. Например, на первомайской открытке всегда изображали цветы и часто — радугу вокруг земного шара. Здесь цветы означают весну, земной шар — всеобщность праздника, а радуга — древний библейский символ, означающий мир между Богом и людьми.

Жизнеспособность всякого нового праздника — в усвоении, использовании древних символов цивилизации. Праздник — память человечества.

Молодежь и праздник

Молодость — особый период жизни человека. Это время духовно-нравственного самоопределения и время буйства молодых сил, время подвигов и свершений и время беззаботных развлечений. В народной праздничной культуре молодежь находит благоприятные условия для свободного применения своих дарований: «всему свое время».

А если время становится «одинаковым»? Если всегда «ко времени» праздничный торт, шампанское и пляски? Мы уже говорили о важности периода подготовки для того, чтобы человек мог прикоснуться к празднику.

Нам хотелось бы с помощью образа проиллюстрировать особенности того времени жизни человека, которое называется юность. В «Снегурочке» Островского есть миг, когда снежная девочка захотела стать живым человеком. Для этого ей нужно было научиться любить. Но любовь — это дар, за которым Снегурочка отправилась к Весне, своей матери. Та предупредила: «Будь осторожна; первого, кого ты встретишь по пути

от меня, ты полюбишь настоящей любовью». Снегурочка мечтала встретить Леля, а встретила Мизгиря. Путь к любви оказался путем к физической гибели: Снегурочка растаяла.

Анализ воспоминаний и рассказов молодых людей о празднике позволило нам заметить, что в юности душа каждого человека похожа на Снегурочку: очень сильно она зависит от того первого впечатления, с которым встретится на своем пути.

«Самый последний праздник, который мне запомнился — это Новый год. Это самый добрый, веселый, наполненный священным духом праздник. Этот день я провела с самыми дорогими мне людьми и с лучшими и не лучшими друзьями», — вспоминает 16-летняя москвичка.

Не совсем понятное упоминание «не лучших друзей», возможно, объясняется словами другой 15-летней девушки:

«Мой последний день рождения. Это был самый плохой день в моей жизни (на данный момент). Мне потом было очень стыдно. По друзьям были довольны; море впечатлений; было что вспомнить (А и я не очень приятно для меня)...».

, V^т, ше... нам не хочется цитировать, так как к «Настоящему Бр[^], \ику» некоторые из высказываний не могут иметь отношения. Встретился душе-снегурочке не веселый Лель, даже не страстный Мизгирь, а... бяка-закаляка кусачая («оторвались на славу!», «впервые напился...» и т.п.). Заметно даже, что простая и радостная наша тема для кого-то становится неприятной, как бы даже неприличной...

Однако больше рассказов радостных и простых. Правда, принадлежат они более старшим молодым людям и... не москвичам.

Молодые, как правило, вспоминают совсем недавнее время. И для них почти все — «настоящий праздник». Молодая женщина вспоминает свое 18-летие:

«Я была самой счастливой, любила всех вокруг и хотелось, чтобы праздник никогда не кончался. Вечером мы все гуляли на улице, и радость переполняла меня».

Свое 17-летие вспоминает молодой мужчина из Кабардино-Балкарии. Для него праздник «это мой выпускной вечер, он прошел недавно было очень весело и было очень интересно

поскольку это было в первый раз. *(Чем запомнился?)* Было весело, было много музыки и танцев, а также фейерверков».

Много рассказов посвящены дню рождения. В молодежной среде этот праздник по частоте упоминания занимает второе место после Нового года, а иногда сам выходит на первое место. Свое недавнее 21 -летие вспоминает молодой мужчина из Кабардино-Балкарии:

«Мне запомнился праздник, который я отмечал в честь своего 21 -летия, потому что тогда собралось так много моих старых знакомых приятелей и новых знакомых. У нас было хорошее, общительное, веселое и длительное застолье, потом танцы до утра, веселые шутки и т.д. *(Чем запомнилось?)* «Веселое настроение всех присутствующих и впечатления всех, которые присутствовали на празднике, после него».

Кавказ с его древней традицией праздничных застолий (где напиться до потери сознания считается большим позором) оказывается как бы заповедником праздничной культуры. Для 20-летнего молодого человека из Кабардино-Балкарии праздник — это «видеть счастливыми и здоровыми своих родителей и сестру». Он вспоминает «выпускной вечер, когда мы танцевали и веселились до утра. *(Чем запомнился?)* — Тем, что мы танцевали национальные танцы».

Эти национальные мотивы совсем не встречались в рассказах старшеклассников из Москвы и Элисты (Калмыкия). Но там наблюдалось такое интересное явление, которое можно было бы назвать «интернационализация праздника». И юные калмыки, прежде принадлежавшие одному из народов России, исповедующих буддизм, и русские школьники, кроме лидирующего в этой возрастной группе празднования дня рождения (опередившего даже Новый год) начали праздновать пришедший с Запада «День всех влюбленных».

В календаре православной церкви на этот февральский день нет ни одного святого с именем Валентин. Нами собрана информация об этом празднике.

«Есть несколько версий о происхождении праздника Святого Валентина. Некоторые эксперты утверждают, что он происходит от святого по имени Валентин, который был казнен за то, что не отрекся от христианства...В 496 году Папа Геласиус учредил празднование 14 февраля в честь св. Валентина. Итак, 14 февраля

стало днем признаний в любви, обмена записками, а Валентин стал покровителем всех влюбленных... В последнее десятилетие праздник стал популярен среди российской молодежи...».

Из древней предыстории праздника выясняется следующее:

«15-го февраля (относительно на полдороге между Зимним Солнцестоянием и Равноденствием Весны) был началом ежегодного фестиваля изобилия в Древнем Риме. Помимо празднования возрождения жизни, это был праздник чувственности, чтобы встретить суженого. <...> Несколько богов и богини были главными на фестивале, включая Luperus /Луперкуса/, бога пастухов, и Juno /Юну/, богиню женщин и брака. Это было сексуально-ориентированное празднование...».

Итак, приход в молодежную субкультуру нашей страны праздника «День святого Валентина» менее всего связан с христианизацией представлений о празднике. Если Римско-католической Церкви в свое время пришлось приложить усилия, чтобы «облагородить» этот праздник Древнего Рима, то его языческие корни не только не исчезли, а именно сейчас дают пышные всходы. В некотором роде для нашей страны победное шествие «Дня всех влюбленных» в молодежной среде означает также и наступление язычества (т.е. поклонения твари, а не Творцу). Это касается и русской молодежи, и школьников из традиционно буддийской Калмыкии, и практически всего студенчества. Новый для нас праздник поддержан прессой и телевидением, в нем заинтересованы продавцы цветов и сувениров. Разработан специальный ритуал дарения: «валентинки», ангелочки и т.д.

Материалы, опубликованные в специальном приложении к газете «Известия» «Праздник: день святого Валентина» (реклама украшений, ресторанов), позволили нам провести и свое «расследование» истории, связанной с днем святого Валентина. В статье «Любовь! Самый романтичный праздник пришел к нам из Италии» автор (С. Епифанова) пишет:

«Еще до Рождества Христова в Римской империи в это время года устраивали праздник в честь богини "лихорадочной" любви Juno Februta /Юны/. Добрые граждане, опьяненные цветочным воздухом и птичьим гомоном, оставляли свои дела и начиналось веселье, цель которого — найти свою «половинку».

Далее автор переходит к христианским временам и рассказывает «печальную и прекрасную» легенду о св. Валентине.

Говорится о том, что это был «молодой епископ», а далее сообщается романтическая история о причинах, вызвавших гнев императора Клавдия II: оказывается, «молодой епископ» тайно венчал влюбленных, что мешало честолюбивым планам императора покорять мир. Далее буквально написано следующее:

«Источником всех бед Клавдий II посчитал брак и поэтому запретил обряд венчания».

Но и в тюрьме, куда император заключил священника романтическая история продолжалась: его полюбила дочка тюремщика, «очень красивая, но слепая девушка».

«Валентин полюбил ее, и сила этой любви совершила настоящее чудо — девушка прозрела. Перед казнью, которая состоялась 14 февраля 270 года, Валентин Послал возлюбленной прощальную записку, исполненную любви и нежности...».

Запомним два имени: император Клавдий II²² и священномученик Валентин, пострадавший в Риме, и годы, к которым относится событие: 269 — 270 от Рождества Христова.

Все святые, прославленные до 1024 года (до времени отделения католической Церкви от православия), у нас общие. Следовательно, можно искать имя святого мученика Валентина, пострадавшего в Риме в III веке от Рождества Христова. Такой святой в православном календаре есть. Память его празднуется 6 июля по старому стилю (19 июля по новому). Это явно тот самый святой, но как прост и величественен его облик и как далек он от нарисованной картинке. Император Клавдий II из возвышенного честолюбца превращается в «обычного» гонителя христиан. Кровь мучеников лилась потоком. Христиане вынуждены были скрываться и ночью собираться на службы. Далее будем точно следовать за повествованием святителя Димитрия Ростовского²³:

«В это время император Клавдий повелел привести во дворец, находившийся вблизи народных зрелищ, на суд к себе и для допроса, взятого за исповедание Христа и закованного в тяжелые оковы одного почтенного мужа по сану пресвитера, именем Валентина...».

Император Клавдий II царствовал в Риме с 268 до 284 г.
«Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Месяц июль». Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1992. С. 126— 133.

«Пресвитер» — священник. «Почтенный муж» — это человек в зрелых годах. И взят он не по романтическим причинам, а за веру. Император обращается к нему:

«Почему ты, живя среди народа нашего, не состоишь в согласии с ним? Я достаточно слышу о вашем христианском учении, и удивляюсь, как ты, будучи умным человеком, прельщаешься пустыми сказками вашей веры?».

Далее святого пытаются уговорить поклониться римским богам и с целью испытания его христианской веры приводят в дом важного сановника по имени Астерий. И вот в доме Астерия пресвитер Валентин исцеляет именем Иисуса Христа дочь сановника — слепую с двухлетнего возраста отроковицу (то есть девочку лет десяти — двенадцати), после чего Астерий, вся его семья и слуги уверовали в Христа. Вместе со священником они приняли мучения и смерть.

Вот такая история про святого Валентина. История торжества Любви крестной.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». (1 Кор. 13.4 — 7).

Нереализованная потребность в настоящей любви рождает ущербный миф, питающий собою водворение в молодежной субкультуре «игры в праздник». Так устанавливается свой обязательный ритуал (изготовление, дарение «сердечек», записочек). Появляются свои легенды. История пересказывается очень вольно, но «красиво»: якобы герой «пострадал за то, что передавал записки влюбленным» не от гонителей христианства, а от... Папы Римского. В общем, этот «новодел» живет в нашей стране своей самостоятельной жизнью, по законам празднеств, не укорененных в национальной культуре.

В Смоленске, в Москве, зайдя в университеты накануне 14 февраля, мы видели множество самодельных стендов, посвященных «дню Влюбленных». Однако, что касается старшеклассников из Москвы (исследование также проводилось в 1999 году), мы не обнаружили ни одного упоминания «Дня святого Валентина».

Вообще самое печальное в ответах юных москвичей — это бедность праздничных впечатлений. У московских старшеклассников, особенно у мальчиков, наблюдается упрощение и даже вульгаризация образа праздника. Кроме привычной, увы, темы пьянки с отвратительным «послевкусием» здесь впервые прозвучала и тема наркотиков («надо же, без вина и наркотиков, а было весело»). Среди названных праздников на первое место вышел день рождения (32,5%), на второе — Новый год (30%), девочки к этому еще добавляли День города, 1-е сентября, школьный огонек, 8-е марта, День учителя, а мальчики произносили: «все *равно*». Но в их рассказах так пронзительно звучит тема семейного тепла, семейных праздников и просто тишины и мира в доме! 16-летний юноша говорит о празднике: «Все родные были вместе, что случается не часто».

Семейные праздники особенно важны для подрастающего человека, так как в празднике нет назидания, нравоучения, а есть свободная передача через пример и подражание умения радоваться и включаться в ритмы национальной праздничной культуры.

Семейные праздники

Благодаря собранным в исследовании рассказам, у нас теперь есть возможность погрузиться в тот мир, где живет "Настоящий Праздник". Важнейшими участниками праздников, происходящих в семье, являются дети. Они смотрят, впитывают настроение праздничной радости, любви и взаимоприятия людьми друг друга. Конечно же, во время этих семейных событий формируется положительный образ других людей, вообще представление о значительности места и роли человека в мире. Рассказ о празднике — это картинка о самой радостной стороне жизни конкретной семьи.

Подарки, в которые взрослыми вложено столько любви и старания, дети запоминают надолго. Видимо, подарки как бы подтверждают чувство того, что тобою дорожат, тебя принимают и ценят.

У кабардинцев и балкарцев особенно заметно было такое качество, как забота о продолжении рода, радость и гордость в связи с появлением на свет нового члена рода и более того — опережающая радость от самой возможности появления на свет

сына или дочери. Так 19-летний юноша, отвечая на вопрос о настоящем празднике, говорит: «Шумное радостное событие в пользу моих близких и меня будет тогда, когда у меня родится сын». Другой молодой человек, чуть постарше, настоящим праздником называет день, когда у него родилась дочь. Праздник, как он говорит, ему запомнился «радостью, весельем и своей гордостью». Для 25-летней кабардинки «настоящим праздником» стало «рождение племянницы, самые-самые эмоциональные переживания, ощущение большой радости».

Рассказ 50-летнего бурята об усыновлении ребенка позволяет увидеть возможность духовной встречи двух людей — взрослого и младенца:

«Настоящий праздник — первая встреча с девочкой Янжиной в роддоме, которую нам предложили для удочерения. Вокруг нее кровати стояло много людей. Девочка, казалось, спала. Но вдруг открыла глаза и обвела всех своим взглядом. На мне ее взгляд остановился, я понял, что она тоже выбрала меня. В этот день появилось душевное спокойствие, надежда на лучшее».

Семейный праздник — это праздник рода, праздник дома. В рассказах немолодых уже людей есть воспоминания, в которых это особенно ясно видно. Связаны они с трагической судьбой многих народов, в сталинские годы подвергшихся переселениям со своей родной территории. Шестидесятилетний мужчина из Кабардино-Балкарии вспоминает:

«1957 год, мне было 17 лет, я был взрослым почти. Мы ехали со Средней Азии домой. Поздно вечером приехали в село. У нас не было дома, крыши над головой. По лицу моего деда и бабки текли слезы. Они были счастливы. Все взрослые были другими, заботы завтрашнего дня забылись. Голоса звучали совсем по-другому. Все сидели у костра. Это был праздник возвращения домой. (чем запомнился праздник?) Запомнился мне он тем, что есть ценности которые никогда не потускнеют — родная земля, близкие, родные люди».

Семья, род — это ценности, сохранению и поддержанию которых служат семейные праздники. Вспоминает 62-летняя русская женщина, живущая в Бурятии:

«Это было 15 лет назад. К нам в гости из Брянска приехал старший брат со своей женой. Наша мама собрала нас всех своих детей со своими женами и мужьями в своем доме за праздничным

столом, где мы все вспоминали наше беззаботное детство, наши мечты, как мама по воскресеньям пекла пироги, как ждали мы каждое воскресенье, где мы на минутку почувствовали себя детьми. Как жаль, что все проходит. *(Чем запомнился?)* Запомнился тем, что все мы были вместе, что счастливая была мама, видя нас всех одновременно, ее радость в глазах, слезы. Это была последняя встреча всех вместе».

Настоящий Праздник собирает большую семью, род на неспешный пир, когда время забывается ради происходящего общения. То общее («общение»), чем собравшиеся щедро делятся друг с другом, это любовь: братская, материнская, сыновья, дочерняя, супружеская — или просто «любовь как утверждение бытия другого человека», лучше всего выражаемая словами: «как хорошо, что Вы есть на свете»²⁴. Даже единственный такой праздник, если он удался, остается в памяти надолго, укрепляя личность, давая ей силы. Последнее время Новый год также становится семейным праздником.

Праздники запоминаются «весельем, добрым отношением, надеждой» (ж., 30 лет), «ожиданием, подготовкой, встречей с родственниками, гостями» (ж., 31 г.), «встречей с хорошими друзьями, воспоминаниями о детстве и юности, просто теплотой отношений» (м., 50л.), возможностью вновь пережить праздник глазами своего ребенка.

Взрослые люди (особенно женщины) помнят всех этих Зайчиков, Цариц Ночи, Лисички Снежинок, костюмы которых в далеком детсадовском детстве готовили им взрослые, а в школьные годы они начинали готовить сами. Вспоминает 27-летняя жительница Бурятии встречу Нового года в 10-летнем возрасте:

«Я была Красной Шапочкой, танцевала в окружении девочек, цветочками они были. Эти репетиции, ожидание праздника, как готовили костюмы вместе...».

Период подготовки является необходимым моментом настоящего праздника — об этом говорят рассказы наших корреспондентов. Иногда именно подготовка запоминается ими больше всего.

В настоящий праздник совершенно органично вплетается природа и все становится участниками праздника — небо, звезды, снег и солнце. Праздником для человека может стать

первая встреча с морем, лесом, цветущим садом... Вспоминает 29-летняя русская женщина, выросшая в Бурятии:

«Это было в 1978 году. Мы всей семьей поехали отдыхать на Украину. Мне тогда было 8 лет. Для меня тогда все было впервые. Первый раз в самолете, первый раз увидела Москву. Когда мы приехали на Украину в деревню, где жила моя бабушка, то все мне показалось сказкой. Растительность, фрукты с дерева, дома, люди, речка, мостик, кукурузные початки, даже насекомые, которые там летали, были не такие как у нас».

И, конечно же, запоминаются подарки. Море подарков плещется в рассказах о праздниках. Подарки помнят долго-долго. Особенно подарки из детства. Особенно, если это было послевоенное детство. Русская женщина, которой исполнился 61 год, вспоминает время, когда ей было 6 — 7 лет:

«Это было после войны. Собрали детей на елку... раздали подарки, а там конфеты и яблоко. Так вот вкус и аромат этого яблока, даже хруст запомнила».

«Праздников Праздник»

У каждого народа есть свои особенно любимые праздники. Любимы все праздники, но есть те, которым посвящено больше рассказов, фильмов...

Если внимательно просмотреть несколько американских кинокартин с рождественским сюжетом (а таких фильмов много и они традиционны), то там есть все, кроме... самого Рождества, т.е. того События человеческой истории, которое полностью изменило саму историю. Нет, песенки рождественские есть, елки и подарки, конечно, но речь идет о чем и о ком угодно, только не о Рождестве Спасителя.

В мире давно происходит *коммерциализация* подготовки к праздникам, которая приводит к забыванию глубинной сущности самих праздников. Празднество становится отдыхом, развлечением, но не тем событием, которое потрясает человека и меняет его жизнь.

Русские всегда любили Рождество и многие другие праздники, но все же «праздником праздников» они называли Пасху. Даже почти забытый на десятилетия, этот праздник во многом

²⁴ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997, с. 97, с. 99.

определяет национальную специфику представлений о празднике русских людей — задумываются они об этом или нет. Годовой праздничный цикл отсчитывается от пасхалий. И это тот ритм, который почти тысячу лет определял всю организацию жизни русских.

У каждого праздника свой ритм, свой оттенок. Пасха — Воскресение Христа — средоточие всех ритмов, всех красок. Ритмы Пасхи похожи на внезапный прорыв ликующей радости из мира иного. Эта радость такой силы, что не будь всей предшествующей празднику подготовки, человеку ее трудно вместить. В русском языке существует выражение «*пасхальная радость*». Наши предки знали, чувствовали, что оно означает.

«Праздников праздник, торжество из торжеств» — так издревле называли на Руси Пасху. В наше время трудно себе представить, как звенели и сияли эти дни (Пасха — название всей недели). Трудно, но можно. Источника два: первый — биографические материалы, воспоминания и второй — собственная духовная интуиция. Основания для обращения к своей духовной интуиции простые и ясные — праздник *реально происходит* каждый год. Каждый год собираются люди в храмы и *ожидают* наступление *события*. Событие заключается не в красоте убранства, не в прекрасном пении, а в том улавливаемом духовной интуицией особом состоянии, особом ощущении, которое охватывает всех в переживании чувства единения друг с другом в радости повторяемого на разных языках возгласа: «Христос воскрес!»...

Воспоминания писателя Ивана Шмелева, которые легли в основу его книги «Лето Господне», позволяют почувствовать, как по-детски непосредственно и искренне принимается *полное* снятие в этом празднике всех земных трагедий и противоречий. Можно предполагать, что особая любовь русских (и болгар, которые называют Пасху «Велик День», и других православных народов) к Пасхе отразилась на национальном характере. Это бесстрашие («храбрость»): чего же бояться, если смерть побеждена. Это особое творчески спокойное отношение к противоречиям...

Предшествующая Пасхе Страстная неделя — особое время, каждый день которой настолько значителен, что его даже принято писать с заглавной буквы: Великий Понедельник, Великий Вторник...

Великая Пятница — время Распятия Христа. Днем происходит служба перед Плащаницей (иконой положения во гроб),

и звучат погребальные звуки колокола. Шмелев вспоминает, как он переживал эти дни в шестилетнем возрасте:

«Ударяют печально, к Плащанице. Путается во мне и грусть, и радость: Спаситель сейчас умрет... и веселые стаканчики²⁵, и миндаль в кармашке, и яйца красить... и запахи ванили и ветчины, которую нынче запекли, и грустная молитва, которую напевает Горкин, — «Иуданече-сти-и-вый...си-рибромпомрачи-и-ися»²⁶.

Что означала для души ребенка эта одновременность противоположного? Так он обучался не бояться смерти:

«Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов, — все мы встретимся там. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминаньи. Стоит Плащаница, в церкви, одна²⁷, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны»²⁸.

И вот сам миг наступления праздника, как увидел его шестилетний Ваня Шмелев со стороны своего родного Замоскворечья в той, прежней Москве:

«Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста... и там растаял. В черном небе алым крестом воздвиглось! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зеленые и голубые звезды. Сияет Х.В. На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на стены тени — кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И все накрыло великим гулом, чудесным звоном серебра и меди.

— Христос воскре-се из мертвых...

— Ну, Христос воскре-се... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

²⁵ В стаканчиках готовили фейерверк. В полночь на Пасху церкви озарялись иллюминацией. Над Москвой был салют.

²⁶ И. Шмелев. Лето Господне. М., 1991, с. 298.

²⁷ Время, которое здесь описывается — ночь накануне Великой Субботы.

²⁸ И. Шмелев. Лето Господне, с. 300.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником.

...сме-ртию смерть...по-пра-ав!...

Звон в рассвете неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная»²⁹

Воспоминания звучат, сияют, имеют запах, они пронизаны теплом и любовью. Любовью ко всем...

Такие же яркие они и у взрослых. А. Н. Муравьев, возможно, в то же самое время (воспоминание относится ко второй половине XIX века) ожидает начала пасхальной заутрени в Московском Кремле.

«Вот приблизилась заветная полночь! Я желал насладиться ею во всем ее величии, внешнем и духовном, и поспешил в Кремль. Вместе с бывшим владетельным князем Сербским Михаилом <...> мы взойшли на балкон малого дворца, чтобы оттуда окинуть взорами все Замоскворечье. Картина эта была достойна изумления и ^ . ^ . Посреди этой таинственной тишины многоглагольной ночи, внезапно с высоты Ивана Великого, будто из глубины неба, раздался первый звук благовеста. <...> И вот при первом знаке, данном из Кремля, мгновенно послышались тысячи послушных ему колоколов, и медный рев их наполнил воздух, плаваая над всей столицей. Она была объята этим торжественным звоном. <...> Слышало ухо и не могло насытиться этой дивной гармонией, будто иного надоблачного мира; смотрело око и не могло наглядеться на зрелище священных огней, горевших в небе, а сердце человека не могло вместить в себя всей духовной радости — примирения неба и земли...»³⁰.

В описании четко видны два ряда событий — внешних (свет и звуки) и внутренних переживаний. В какой-то момент оба эти ряда сливаются в одно — это состояние *созерцания* духовной радости, наполнившей *сердце* рассказчика. Гул колоколов (медный рев), яркость иллюминаций, предшествующее длительное ожидание (дни Великого Поста), сама возвышающаяся над местностью точка наблюдения, расположенная в *сердце* России — Московском Кремле — все это сконцентрировалось в че-

ловеке подготовленном к событию и дало ему постижение глубинного символического смысла Праздника — примирения Неба и Земли, примирения всех со всеми³¹.

Как всякое действительно *живое* образование Настоящий Праздник может выдерживать воздействия внешних обстоятельств. Например, если время праздника застает в пути, на море. Обратимся вновь к воспоминаниям людей, впитавших культуру Праздников Праздника до революции.

«Хорошо и весело справляется праздник Пасхи на Руси, в своей родной земле, среди близких сердцу родных и знакомых, в крайнем случае, — соотечественников; но не всякому, быть может, приходилось проводить этот праздник вдали от родины, среди безбрежного океана, на плывущем судне. <...> Когда на судне нет священника и принадлежностей богослужения, весь праздник ограничивается тем, что капитан судна и команда соберутся в урочный час полночный на палубе, пропоют «Христос Воскресе» трижды, «Воскресение Христово видевше» да обычные молитвы, какие знают: «Отче наш», «Богородице Дево», «Спаси, Господи, люди Твоя» <...> Кажется, их никто не слышит: над ними безграничное воздушное пространство, под ними и вокруг безбрежное море... Но в том-то и торжество, в том-то и прелесть такого празднования, что они изливают свою радость во всеуслышание всего мира. <...> Их никто не слышал, но их слышало море и волны его, их слышал воздух и звезды небесные, их слышал весь необъятный мир Божий, потому что пели они вслух всего мира...»³².

Это воспоминание Б. Смирнова, записанное в 1896 году, позволяет увидеть, как именно переживание единства всего и со всеми — с морем, небом, воздухом и со всеми людьми — в особых условиях плавания на судне становится словно освобожденным от множества событий, обычно сопровождающих праздник на суше. Но видна и подготовленность участников праздника, когда каждый из них, если перейти на привычный язык психологии, становится субъектом праздничного действия. Все моряки знали смысл и суть действия и знали слова и мелодии общих песнопений.

Еще одно воспоминание Б. Смирнова — о другом плавании, когда на судне был священник и могла совершаться служба.

²⁹ И. Шмелев. Лето Господне, с. 303.

³⁰ Пыльнева Г. и др. (сост.). Христос воскрес! М.: Паломник, 2000, с. 31-32.

³¹ Слова из Пасхального канона: «радостью друг друга обьемем...».

³² Г. Пыльнева... с. 43-44.

«Началось пение канона: «волною морскою скрывшего древле гонителя мучителя, под землею скрыша... Тебе, на водах повесившего всю землю неодолимо, тварь видевши на лобнем висима, ужасом многим содрагашеся...» Какое-то особенное потрясающее действие на всех нас, плывущих по волнам морским и окруженных безбрежным пространством вод, производило пение этих трогательных песней канона!...»³³.

В этот раз на судне находилась партия ссыльнокаторжных «и добровольно следующих за мужьями женщин». Удивительна для нас такая деталь — певчими на службе были арестанты, «человек тридцать». Это означает, насколько широко была распространена церковно-певческая культура в народе, и что всю службу Пасхи большинство людей знало почти наизусть. И вот кульминация пасхальной утрени — при пении стихир Пасхе

«...начался трогательный обряд христосования. <...> Какое умиленное и торжественное зрелище! В это время не было различия между начальником и подчиненным, свободным и несвободным, знатным и незнатным, лицом привилегированного положения и лишенным всех прав состояния и отверженных от общества. В это время были только христиане — братья...»³⁴.

Воспоминания, в которых отразилось переживание Праздника, позволяют увидеть, что изменение внешних обстоятельств (походные условия, отдаленность от Родины и даже — свобода или заключение) не отделяли людей от главной сути Праздника — чувства единения со всеми в пасхальной радости.

Опыт нашей истории показал, что Настоящий Праздник усиливает стойкость людей, переживающих серьезные жизненные испытания. Новая власть еще несколько лет не могла вырвать Пасху из народной памяти. Свидетельствует А. Д. Самарин (строки из его письма мы приведем по возможности полностью; видно, что сразу после революции праздник Пасхи на личном уровне был полностью сохранен):

«Бутырская тюрьма. Великий Четверг, 10 часов вечера, 1919 г. Сегодня целый день прошел в хлопотах. Вчера вдруг решение начальства переменилось, и у нас в одиночном корпусе разрешена Пасхальная служба в 12 часов ночи. Все очень обрадовались, и вся-

кий по своей части стал готовиться — пением, чтением, приготовлением хоругвей, устройством стола для службы, икон и т.п. <...> Во время службы начальник тюрьмы пришел и просил непременно после нашей службы еще идти на общие коридоры»³⁵.

Хотя сам рассказчик и еще один священнослужитель во время подготовки к ночной службе узнали о своем освобождении, они не покинули в этот момент тюрьмы.

«Отец мой, — вспоминает дочь Самарина, — так же как преосвященный Никандр, не ушел из тюрьмы в Великую Субботу. Он не мог оставить свой импровизированный хор в Пасхальную ночь. Общий подъем был велик. Пасхальный крестный ход шел по всем коридорам Бутырской тюрьмы. Это было исключительное торжество! Воскресение Христово в условиях тюрьмы! Вероятно, больше это не могло повториться»³⁶.

Но это повторялось еще в разных местах России — не как система, конечно, а (если воспользоваться метафорой) подобно тому, как вспыхивают искры, и разгорается огонь в затопытаемом и разбрасываемом в разные стороны костре. В книге Г. А. Пыльневой, где собраны свидетельства о праздновании Пасхи, приводятся воспоминания из архива Н. С. Фиолетовой, речь идет о праздновании Пасхи в 1923 году в Таганской тюрьме:

«Начальник тюрьмы праздновал великий праздник вместе с заключенными. Двери во всех камерах приказали открыть, для богослужения отвели большую общую камеру, в которой владыка Афанасий служил литургию, а затем все вместе — заключенные, начальник тюрьмы и надзиратели — разговлялись за общей трапезой»³⁷.

В книге Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» есть почти невероятный рассказ о Пасхе в Соловецком лагере, относящийся, видимо, к 1924 или 1925 году (если судить по фразе: «последний колокол, уцелевший после разорения монастыря в 1921 г., был снят в 1923 г.»).

«Еще бы я не вспомнил ее, эту единственную разрешенную на Соловках заутреню в ветхой кладбищенской церкви. Владыка

³³ Г. Пыльнева ... с.47 — 48.

³⁴ Там же, с.50.

³⁵ Там же, с.70.

³⁶ Пыльнева Г.А. ... с.71.

³⁷ Там же, с. 72.

Иларион добился от Эйхманса разрешения на службу для всех заключенных, а не только для церковников³⁸. Уговорил начальника лагеря дать на эту ночь древние хоругви, кресты и чаши из музея. <...> Эта заутреня неповторима. Десятки епископов возглавляли крестный ход. <...> Попасть в самую церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство. Ведь его томилось тогда в заключении свыше 500 человек. Все кладбище было покрыто людьми, и часть молящихся стояла уже в соснах, почти вплотную к подступившему бору. <...> Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженных светильниками и факелами, более 200 иереев и столько же монахов. <...> С победным ликующим пением о погранной, побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно.... Пели все. Ликующий хор «сущих во гробех» славил и утверждал свое грядущее неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение»³⁹.

Хотя Борис Ширяев утверждает, что эта заутреня была единственной, отслуженной на Соловецкой каторге, сохранились воспоминания священника Павла Чехранова о праздновании Пасхи на Соловках в 1926 году. Но как изменилась обстановка! Из необходимого (даже для тюремщиков!) события Праздник подпадает под строгий запрет:

«Последовало распоряжение коменданта ротным командам не допускать и намеков на церковную службу и с 8-ми часов вечера не впускать никого из других рот»⁴⁰.

И тогда Праздник совершается на уровне конкретных людей, — не испугавшихся запретов и обладающих навыками, умениями, знаниями для того, чтобы осуществить праздничное действие.

«Весь барак спал. Я вышел. На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне бараков. За дорогой стоял остов неоконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему поодиночке. Оказались внутри здания, выбрали стену, более укрывающую нас от взоров прохо-

дящих по дорожке, и плотнее прижались к ней: слева — владыка Нектарий, середине — владыка Иларион, а я — справа. <...> «Благословен Бог наш...» — тихо произнес владыка Иларион. «Волною морскою...» — запели мы полунощницу. И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. «Гонителя, мучителя под землею скрывша...» И вся трагедия преследующего фараона, особенно в этой обстановке, чувствовалось. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что Пасхальная служба совершается вопреки строгому приказу. <...> Епископ Нектарий пожелал и часы с обедней совершить. <...> Только я был за предстоятеля, владыка Нектарий за псаломщики, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения наизусть»⁴¹.

Сопоставляя воспоминания из разных мест, можно увидеть, как с каждым годом празднование Пасхи становилось все более запретным. Вот заключенные в другом лагере, не на Соловках, смогли в камере пропеть пасхальные песнопения. Но на другой год, как вспоминает рассказчик,

«в Пасхальную ночь строгость наблюдения так усилилась, что верующие люди могли встретить этот праздник только на своих нарах и в безмолвном общении друг с другом»⁴².

«Строгость наблюдения» усиливалась по всей стране — как в тюрьмах, так и на воле:

«Одно время было категорически запрещено справлять Рождество, Пасху. Специально по домам ходили, узнавали, — не справляет ли, например, семья Седовых эти обряды»⁴³.

Взрослые люди, выросшие в прежнее время, могли сами сохранить и воспроизвести Праздник, о чем говорит множество воспоминаний. Но что же происходило со следующими поколениями?

Воспоминания, биографические свидетельства говорят о том, что память о Настоящем Празднике передается через другого человека. Если ребенок почувствует искренность переживаний близкого взрослого (не объяснений, а именно внутреннего

³³ «Церковниками» назывались осужденные священнослужители.

³⁹ Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 2000, с. 411 —416.

⁴⁰ Пыльнева Г.А...., с. 78.

⁴¹ Там же, с. 78-79.

⁴² Там же, с. 82.

⁴³ Там же, с. 87.

состояния), то это оставляет глубокий след в душе, помогающий узнать Праздник, если доведется еще с ним встретиться в дальнейшей жизни.

Есть удивительные свидетельства, сохранившие через память ребенка те скрытые от постороннего глаза пути, которым передавался из рук в руки (из души в другие души) «Праздников Праздник».

«Недалеко от Москвы, на самой окраине подмосковного городка, где улочка переходила в лес...стоял сарайчик, как-то приспособленный для жилья. Жили там две монахини Московского Алексеевского женского монастыря (в Красном Селе), давно уже закрытого. Одна из них болела, не могла ходить, другая работала санитаркой в местной поликлинике. Она и пригласила свою начальницу медсестру к себе в сарайчик на Пасхальную ночь. <...> Это было в те годы — довоенные, — когда кулич расценивался как пережиток темного прошлого, а его владелец — как носитель мракобесия.... Прийти к кому-то в такое время праздновать Пасху... было очень рискованно».

Однако медсестра решила взять с собою маленькую племянницу, которая и сохранила в своей детской памяти все происшедшее. На нее произвело впечатление «пение» шепотом. Служба была малопонятна, но в памяти остались

«...серьезные, сосредоточенные лица старых монахинь, читающих с волнением и трепетом неведомые слова... Старшие решили устроить даже крестный ход. Девочке дали свечу, поставили впереди, за ней шли те, кто помоложе, старшие замыкали это шествие»⁴⁴.

Крестный ход с трудом пробирался по тесной комнате. Если бы не то отражение Праздника, которое внимательный ребенок мог прочесть на лицах старших, как трудно было бы впитывать праздничные впечатления в такой скудной обстановке...

Столько вторжений случилось в этот самый звенящий, гудящий, сверкающий и радостный праздник на Земле; столько ярких, идущих из детства впечатлений не образовалось в душах, в памяти людей! Однако праздник сохранился.

Чтобы приблизиться к самому сокровенному смыслу "Праздников Праздника", из богатства праздничных воспоминаний

отберем самое тихое, самое, на первый взгляд, скромное, негромкое воспоминание и постараемся в нем разглядеть, в чем же смысл Праздника.

Дело происходит в 70-е годы, когда только самые смелые и сильные отваживались пойти на Пасхальную службу в храмы. Открытых церквей было Немного. Эти двое людей стары и немощны — пожилой священник, находящийся «за штатом», и расказчица — его духовное чадо:

«1975 год. Великая суббота. <...> Отец Александр стоял в рясе и епитрахили. Мы пошли в его комнату. Я помогла ему завязать поручи, расстелила на письменном столе чистое полотенце, о. Александр положил крест, Евангелие, вынул книжечку с «Последованием заутрени» и служба началась... Сначала мы служили стоя, но быстро устав, сели рядом за стол, и, забыв все на свете, читали и пели пасхальную службу. Отец Александр делал возгласы, а я была и солисткой хора, и чтецом, и народом. Иногда у меня перехватывало горло, и я замолкала, тогда о. Александр ободряюще начинал подпевать сам. Когда полагалось делать возглас, голос его звучал тихо, но проникновенно, наполненный внутренней силой. <...> По временам он замолкал, и мы тихонько плакали. Не знаю, от чего плакал он, а я плакала от радости, что есть в мире Христос и что я в Него верю. Пропели все стихиры. Прочесть слово Иоанна Златоуста целиком отец Александр не смог: «Дочитаете с дочкой, когда она вернется, — сказал он, — а сейчас помолимся». И он начал читать ектинию. Читал не по служебнику, а свою, импровизированную. Читал, откинувшись всем усталым телом на спинку кресла и глядя полными слез глазами на ярко освещенные лампадой образа. Вначале он молился о мире, о Церкви, о патриархе, о духовенстве и о тех, кто хочет стать на священнический и иноческий путь. Затем умолк и снова начал: «Спаси и помилуй всех к Тебе, Господи, взывающих и Тебя ищущих», и тут он стал читать длинный список имен своих родных, духовных чад, знакомых. Потом повернулся ко мне и сказал: «Будем сейчас вспоминать и своих и чужих, в особых условиях находящихся. Если кого забуду, подскажите. Вот Лауре скоро родить... Он помолчал и снова поднял глаза к образам: «Спаси, Господи, и помоги всем женщинам, готовящимся стать матерями, и тех, которые рожают в эту ночь, и чад их, появившихся на свет». И, верно, вспомнив Саню и Сашу, Танечку и Машу, продолжал: «Благослови и пошли мир, спокойствие и тишину всем в брак вступить собирающимся... А мужей, оставленных женами, и жен, оставленных мужьями, — утешь и вразуми. Спаси и наставь деток, без родителей оставшихся.

⁴⁴ Пыльнева Г.А. ... с. 106-107.

Сохрани стариков в старости. Не дай им пасть духом от болезней, печали и одиночества. Спаси и сохрани сражающихся в бою, тонущих в морской пучине, подвергающихся насилию и нападению злых людей. Огради одиноких путников, идущих по дорогам и заблудившихся в лесной чаще. Спаси бездомных и дай им верный приют, накорми голодных, огради от всякой неправды и злого навета заключенных в тюрьмах и лагерях и пошли им утешение и свободу. Помилуй прокаженных, больных всеми болезнями, какие есть на свете, калек, слепых, слабоумных. Помилуй, дай светлую пасхальную радость живущим в инвалидных домах, всем одиноким и бездомным людям. Прими души всех, умирающих в эту ночь, дай жизнь и облегчение лежащим на операционных столах, вразуми врачей».

Тихо шелестела старенькая шелковая ряса при каждом движении отца Александра. Он закрыл руками лицо и замолчал. Потом спросил: «Кажется, всех помянули?» Я вспомнила своего соседа Юрочку, его жуткого брата и сказала: «Пьяниц забыли».

«Всех, кто в Твою Святую ночь бражничает, бесчинствует — умири, вразуми и помилуй,» — устало прошептал отец Александр.

Светила лампада перед Нерукотворным Спасом, смотрели на нас с темного неба редкие звезды, а мы сидели старые, немощные и молились Воскресшему Господу, победившему и старость, и болезни, и самое смерть»⁴⁵.

Настоящий Праздник, Праздников Праздник — это событие, в которое включены все люди, знают они об этом или нет.

Таким представляли себе праздник наши давние предки. Таким он сохранился в представлениях людей до настоящего времени. *Количество* людей, имеющих такое представление, не является решающим. Ведь и событие, которому посвящен Праздников Праздник касается смерти и воскресения Одного...

Светова З. Праздников праздник Пасха, с. 57—59.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нам следует объяснить читателю, почему тема социальных представлений о нравственном идеале завершилась подробным описанием праздников.

Именно примеры подтверждают тот факт, что социальные представления вообще и представления о нравственном идеале в частности существуют и передаются от поколения к поколению по законам абсолютного мифа. Они дают сознанию целостную и *равнодушную* к закону противоречия картину смыслов и целей. И эта картина всегда личностна, т.е. она может существовать, только будучи выраженной в лицах и событиях.

В народной праздничной культуре человек учится радоваться, сопереживать. Он приобщается к духовному опыту переживания чувства единства с другими людьми.

На этой основе развивается и крепнет нравственный идеал. Для того, чтобы представления о добре и зле, о любви к Родине и людям были жизненны, они должны существовать в конкретных образах и символах, уходящих корнями в древнюю культуру человечества.

Изучение социально-психологических явлений по «вершинным» проявлениям жизни этноса и народа открывает новые перспективы для понимания сути этнопсихологических и других процессов.

Мы попытались здесь осуществить построение духовно-ориентированной этнопсихологии. Но в этом направлении предстоит сделать еще очень много.

На страницах книги речь шла не только о *русских* людях, но и о других народах России. Это естественно, т.к. российские народы столетия существуют рядом, вместе строят государство, учатся друг у друга, имеют общие печали и радости.

Нравственный идеал является универсальным общечеловеческим достоянием (и продуктом, и ценностью). Особая

специфичность в представлениях русских о нравственном идеале состоит в общей *толерантности*, т.е. в принятии других народов и культур, в принципиальном отсутствии каких-либо предпочтений или отторжения от людей по этническому или расовому признаку, отсутствию мстительности.

«Русский идеал» — это братство всех народов. Искажение его и построение на этой искаженной основе «ущербного мифа» братства «трудящихся» стало причиной участия русского народа в тех революционных потрясениях, от которых страна и народ (не только русский, но и все российские народы) только начинают оправляться.

Духовно-нравственное здоровье народа напрямую связано со стойкостью его нравственных идеалов.

Научное издание

М. И. Воловикова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

Редактор — *С. В. Плахутина*
Макет и верстка — *Б. Пулькин*
Обложка — *Б. Пулькин*

Сдано в набор 24.02.04. Подписано в печать 10.03.04
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 15,6
Тираж 300 экз. Заказ № 515

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13, тел.: (095); 282-51-29
E-mail: publ@psychol.rus.ru www.psychol.ras.ru

Отпечатано в типографии ООО «УПП Макс Принт»
г. Москва, ул. Талалихина, д.41, стр. 9